А.Н.Зорин

ОСНОВЫ ЭТНОГРАФИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Предлагаемое учебное пособие является вариантом издания 1994 г., вышедшего в издательстве Казанского государственного университета. В тексте сделаны некоторые исправления.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1. РАЗВИТИЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ... 3

Глава 1. Очерк истории этнологических знаний в Европе до XVIII в. ... 3

§ 1. Знания о народах до эпохи Великих географических открытий ... 3

§ 2. Этнологические знания европейцев в XV–XVII вв. ... 6

Глава 2. Становление этнографии как науки ... 10

§ 3. Этнологические знания в XVIII в. ... 10

§ 4. Этнология в первой половине XIX в. ... 12

§ 5. Эволюционизм ... 14

Глава 3. Марксизм и этнография. Л. Г. Морган ... 16

§ 6. Существо и ошибочность социально-экономического учения марксизма ... 17

§ 7. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на древнее общество и эволюцию семейно-брачных отношений. Гипотеза Л. Г. Моргана ... 22

§ 8. Школы и направления европейской и американской этнографии конца XIX — середины XX в. ... 27

Глава 4. Очерк развития этнологии в России ... 41

Раздел 2. ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ЭТНОЛОГИИ (ЭТНОГРАФИИ) ... 48

Раздел 3. ВАЖНЕЙШИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ... 53

Глава 5. Расы человека ... 53

§ 9. Географические вариации физического типа человека (расовые признаки) ... 53

§ 10. Классификация рас ... 54

§ 11. Факторы расообразования ... 58

§ 12. Расизм и этнография ... 60

Глава 6. Языки ... 62

§ 13. Проблема происхождения языка ... 62

§ 14. Общие сведения о языках ... 64

§ 15. Сравнительное языкознание. Генеалогическая классификация языков ... 66

§ 16. Значение генеалогической классификации языков для этнографии ... 69

§ 17. Другие системы коммуникации ... 70

Глава 7. «Хозяйственно-культурные типы» ... 72

Глава 8. Основные конфессии ... 76

Литература … ... 78

Раздел 1. РАЗВИТИЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Глава 1. Очерк истории этнологических знаний в Европе до XVIII в.

«Этнография», или «этнология», — наука, изучающая образ жизни и традиции бытовой культуры в отдельных общностях людей. Дословно ее название переводится как «народоописание», «знание о народах».

Становление этнографии как особой науки происходило в XVIII–первой половине XIX в. Потребность же в знаниях о традициях, обычаях, верованиях других народов существовала всегда. В античности и раннем средневековье основная масса источников, представляющих этнографический интерес, появлялась *в связи с войнами, торговыми и дипломатическими путешествиями, поездками миссионеров*. Научные экспедиции совершались крайне редко и всегда носили комплексный страноведческий характер. Описания народов давались в ходе описания стран, которые они населяют. Основываясь на сочинениях предшественников, некоторые авторы писали сводные, компилятивные труды, иногда с добавлением собственного материала. Но говорить о периодах, когда бы этнографические данные «только накапливались» или «только систематизировались», все же нельзя. В глубокой древности делались попытки их теоретического осмысления, создавались концепции этнического и культурного развития человечества.

§ 1. Знания о народах до эпохи Великих географических открытий

Едва ли не самая первая в письменной традиции этнографическая концепция приведена в Библии — источнике, составленном на Древнем Востоке между XIII и V веками до н. э. Если следовать буквальному пониманию Библии, то все известные ее авторам народы рассматривались как потомки прародителей, происшедших от общих предков Ноя и его сыновей, спасшихся от всемирного потопа. В книге Бытия[1] под видом генеалогий людей перечисляются названия народов (Ассур — ассирийцы, Арам — арамеи, Элам — эламцы и т. д.) и устанавливаются «родственные» отношения между ними.[2] В той же книге Бытия (в 11 главе) излагается знаменитая теория смешения языков, трактующая рассеяние людей и их многоязычие как божье наказание за дерзостный замысел — попытку построить башню высотой до небес.

Самые ранние памятники греческой литературы — приписываемые Гомеру[3] «Илиада» и «Одиссея» — не особенно богаты этнографическим материалом и характеризуют время, когда, по выражению известного отечественного этнографа С. А. Токарева, «материальный и умственный горизонт греков был ограничен тесным кругом земель в Восточном Средиземноморье, от Малоазиатского побережья до запада Балканского полуострова, от Фракии до Крита». Ненамного шире горизонт в поэмах Гесиода (конец IX в до н. э.).

Великая греческая колонизация VII — V вв. до н. э. привела к колоссальному расширению пределов знакомого грекам мира. В середине V в. до н. э. появились 9 книг «Истории»[4] Геродота. Посвящённое изложению событий греко-персидских войн, это сочинение по сути является целой энциклопедией историко-этнографических знаний. Геродот сам немало путешествовал, а также пользовался сведениями из других источников. В итоге его труд включил огромный материал, характеризующий народы, проживавшие на пространствах от Пиренейского полуострова до Индостана и от Восточноевропейской равнины до Северной Африки.[5] Геродот рассматривает историю как реализацию божьего промысла, допускающую однако вмешательство человека. Он

---

[1] Часть Библии, входит в пятикнижие Моисеево Ветхого завета.

[2] У многих народов мира зафиксированы такие периоды развития, когда социальные связи осмысливались как родственные (подробнее см. ниже в разделе «Феномен национального»).

[3] Гомер (Homeros) — легендарный эпический поэт Древней Греции. Достоверные сведения о его личности отсутствуют. Легенды рисуют Гомера слепым странствующим певцом (аэдом), исполнявшим песни под аккомпанемент струнного инструмента. За честь называться родиной Гомера в древности спорили «семь городов» (Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос, Афины). Время жизни Гомера определялось по-разному — между XII и VII вв. до н. э. Эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея» — самые известные произведения, приписываемые Гомеру (кроме них: «гомеровские гимны», комическая поэма «Маргит» и др.). Исторической базой основного ядра сказаний, отложившихся в греческом эпосе, является «микенская» эпоха XVI-XIII вв. до н. э. Обществ, устройство и материальная культура, изображенные в поэмах, содержат наряду с «микенскими» чертами также и позднейшие — вплоть до VIII в. до н.э. Большинство исследователей относит окончательное оформление «Илиады» к последней трети VIII в. до н. э., а «Одиссею» считает несколько более поздней. Есть сообщения о том, что в VI в. до н.э. афинский тиран Писистрат поручил выработать официальный текст гомеровских поэм. (см. Тронский И. М. Гомер // Большая советская энциклопедия, т. 7, 1972, с. 51; Тронский И. М. Гомеровский вопрос // там же).

[4] Название условное. На 9 книг работа разделена не самим Геродотом, а позднейшими александрийскими учёными, соответственно числу муз.

[5] Некоторые сообщения весьма любопытны. Так, о массагетах, обитавших в Закаспии, Приаралье и Приуралье Геродот пишет: «Никакого предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживает до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть у них — величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, а предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву».

полагает, что столь масштабной войны можно было бы избежать. Собственно же походы персидских царей Дария и Ксеркса на Элладу являются для Геродота заключительными эпизодами в извечной вражде между Востоком и Западом, между варварским и цивилизованным миром. В Азии вечно господствовал деспотизм, рабство всех перед царем. Свободолюбивые эллины отстояли свою страну и свою независимость в борьбе с превосходящими силами восточного деспота, о котором Геродот пишет с уважительной опаской.

Другой историк древней Эллады, Фукидид (около 460–400 гг. до н. э.) изложил в 8 книгах историю Пелопоннесской войны, сообщив там и некоторые очень ценные сведения о втянутых в эту войну негреческих народах. В частности, в своей работе Фукидид высказывает мысль, что обычаи варваров были некогда свойственны эллинам, то есть эллины прошли в свое время ту же «варварскую» ступень развития.

Сочинение Ксенофонта (430–355 гг. до н. э.) «Анабасис» повествует о походе греческого войска в 401–399 годах до н. э. через враждебные страны Малой Азии. Этнографические сведения касаются народов бассейнов верхнего Тигра и Евфрата, юго-восточного и южного Причерноморья, фракийских земель близ Босфора.

Древнегреческий врач, реформатор античной медицины Гиппократ (460 г. до н. э. — 377 или 356 г. до н. э.) много путешествовал по Греции, Малой Азии, Ливии, в Причерноморье. Ему принадлежит одна из самых первых попыток объяснить различия в образе жизни и психическом складе разных народов действием географической среды. Другим фактором, определяющим тип человеческого поведения, он называл социальный строй («законы») и подобно Геродоту обращал внимание на разительные контрасты азиатских и эллинских общественных порядков.[6] Мысль Гиппократа о влиянии географических условий на культуру и быт народов позже нашла поддержку у Аристотеля (IV в. до н. э.) и Посидония (II–I вв. до н. э.).

Философ-материалист Демокрит (V–IV вв. до н. э.) побывал в Египте, Вавилонии, Иране, Индии, Эфиопии. Им была выдвинута концепция о развитии человеческого рода от полуживотного и дикого состояния, через борьбу с природой, через постепенные усилия труда и разума к цивилизации.

В конце IV в. до н. э. греческий ученый Питеас (Пифей) совершил плавание в Атлантический океан, побывал на Британских островах (ему принадлежат названия «Британия» и «Альбион»), прошёл вдоль западных берегов Европы, возможно, даже достиг Скандинавского полуострова, и сообщил первые достоверные сведения о природе и населении этих стран.

Объединение Греции под властью македонских царей, поход Александра Великого на Восток и образование огромной империи на пространствах от Восточного Средиземноморья до границ Индии и среднеазиатских степей знаменовали новый этап в развитии научных знаний. Об интересе к иноязычным народам свидетельствует появление на греческом языке истории Египта, написанной верховным гелиопольским жрецом Манефоном (2-я половина IV–начало III в. до н. э.),[7] и сочинения о вавилонянах жреца Ваала Бероса (Белрушу) (350–280 гг. до н. э.), излагавшего ассиро-вавилонскую и древнехалдейскую астрономию (книга 1), а также историю от сотворения мира (книги 2 и 3).[8] Во II в. до н. э. на греческий язык была переведена еврейская Библия.

В тот же период (III–II вв.) появились большие географические сочинения (Эратосфен, Дикеарх и др.), содержащие сведения о народах.

«Всеобщая история» Полибия (201–120 гг. до н. э.) в 40 книгах писалась с целью проследить, как Рим в короткий срок подчинил и объединил весь известный культурный мир. Помимо описания покоренных Римом народов, работа интересна концепцией всемирной истории. Современник и очевидец римских завоеваний, Полибий считал их закономерным следствием превосходства социально-политического строя Рима. Объединение стран вокруг разумнейшего и сильнейшего народа виделось ему кульминацией истории, превращением её из истории отдельных государств и регионов в единый процесс.

В конце I в. до н. э. появился объемный компилятивный труд Диодора Сицилийского «Библиотека» («Историческая библиотека»). В начале I в. н. э. была написана «География» Страбона — сводка всего, что было известно о Земле в целом и разных странах. Всего в справочнике-путеводителе Страбона упомянуто свыше 800 народов. Важные сведения об этнонимии и расселении народов содержит написанный на полтора века позже труд греческого географа Клавдия Птолемея (II в.).

В числе римских авторов назовём Гая Юлия Цезаря (102–44 гг. до н. э.) и Корнелия Тацита (58–117 гг.). «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря включают данные о быте и нравах бриттов, кельтов (галлов) конти-

---

[6] «Народ азиатский лишён всякого мужества, а кроме того и по причине их законов, ибо большая часть Азии управляется властью царей. А там, где люди сами над собой не властны и не автономны, а подчинены владыке, забота у них — не о том, чтобы упражняться в военных делах, а чтобы казаться неспособными к войне». «Те греки и варвары Азии, которые вовсе не подчинены государям, а свободны и трудятся сами для себя, являются воинственнейшими из всех, ибо они подвергаются опасностям для самих себя и как получают награду за храбрость, так несут наказание за трусость» (цит. по Токарев С. А., Истоки этнографической науки. — М.,1978.).

[7] Именно Манефон разделил историю Египта на 30 династий и на периоды Древнего, Среднего, Нового царств

[8] Сочинения Бероса дошли в отрывках и передаче других авторов. В греческом и римском мире наибольшей популярностью пользовалась астрологическая часть сочинений. Халдейскую Сивиллу считали дочерью Бероса.

нентальной Европы, германцев.[9] Из сочинений Тацита для этнографа наиболее интересен труд «О происхождении германцев и местоположении Германии» — одна из самых ранних в мировой литературе народоведческих монографий. Тацит идеализировал грубую и скудную жизнь германских народов, противопоставляя её упоминаемым с неодобрением римским порядкам. До Тацита, аналогичным образом некоторые авторы идеализировали скифов и другие кочевые народы, а в XVI–XVIII вв. тот же тип мышления привел к появлению в европейской науке целой концепции «доброго дикаря».

Из компилятивных географических сочинений римских авторов наибольшую ценность для этнографии представляют написанные в I в. н. э. «Описание земли» Помпония Мелы и «Естественная история» Плиния Старшего. Около 390 г. была закончена «История» Аммиана Марцеллина (сохранилось 18 книг). Её автор, романизированный грек, пользуясь личными наблюдениями, вынесенными из военных походов, а также чужими материалами, привел в качестве экскурсов описания народов Британии, Галлии, Фракии, Кавказа, Персии, Аравии и др.

Итоги античной эпохи:

- были накоплены немалые сведения о расселении, политическом строе, культурно-бытовых особенностях разных народов;
- этнографический материал стал использоваться философами, литераторами, политиками;
- появилась версия о зависимости нравов и обычаев народов от природной среды;
- признавалось определяющее влияние социального строя на другие сферы культуры и нормы поведения;
- появились представления об общей направленности исторического процесса, основанные на этнографических наблюдениях.

Популярным источником сведений о всеобщей истории и истории народов в средние века был труд Павла Орозия (около 380 — около 420 гг.) «История против язычников». Около 550 г. увидела свет работа Иордана «О происхождении и деяниях гетов», содержащая ценную информацию о народах Северного Причерноморья и о всем периоде Великого переселения народов (о готах, гуннах,[10] склавенах, антах и др.).

К VI в. относятся труды византийцев Прокопия Кесарийского («История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами»), Агафия (продолжателя Прокопия), Иоанна Малалы, Менандра, Петра Патрикия, сочинение «Тактика и стратегия», приписываемое императору Маврикию. Прокопий был первым из византийских историков, имевшим возможность непосредственно наблюдать славян во время их борьбы за Балканы. Сведения о народах, с которыми воевали византийцы (аварах, славянах, народах Ирана), содержатся также в написанной около 630 г. «Истории» Феофилакта Симокатты.

В 30-е — 50-е гг. X в. появились 2 сочинения византийского императора Константина Багрянородного (Порфирогенета) «О фемах» и «О народах» («Об управлении империей»). Последнее особенно ценно объемом сообщаемых исторических и этнографических данных.

Сохранились описания путешествий византийцев: купца Космы Индикоплова (VI в.) — написанная им «Христианская топография»[11] содержит сведения о разных странах и народах Аравии, Африки, Передней Азии и др.; Иоанна Фоки (XII в.) в Палестину; Андрея Ливадина (XIV в.) в Палестину и Египет; Канана Ласкариса (конец XIV или начало XV в.) в Германию, Скандинавию и Исландию.

Ценным источником о народах Прибалтики, особенно об их языческих верованиях, являются труды церковных писателей: Титмара, епископа Мерзебургского (написан в 1013–1014 гг.), каноника[12] Адама из Бремена (1072–1076 гг.),[13] Гельмольда (около 1171 г.)[14] и Саксона Грамматика (конец XII–начало XIII в.).

---

[9] Цезарь пишет о трёх группах населения в Галлии: аквитанах, галлах и белгах. Говорит о социальных группах: господствующем жреческом слое, военной знати. Его внимание привлекают необычные для римлян обычаи. Так, у галлов отцы не допускают своих детей к себе, пока они не станут взрослыми. Считается неприличным, если сын в присутствии отца покажется в публичном месте. «Сколько денег мужья под видом приданого получают от жён, столько же они по совершении оценки присоединяют к приданому жены из своего имущества» (Похожее явление — кладка в русской свадьбе). «Мужья по отношению к жёнам и детям имеют власть над жизнью и смертью». «Когда умирает отец семейства более знатного происхождения, собираются его родственники и если имеются подозрения, производят над жёнами следствие, как над рабами и если обнаруживается, то они их убивают, подвергают пыткам и всякого рода другим мучениям». «Похороны у галлов бывают пышны и богаты. Всё, что было дорого умершим при жизни, бросают в огонь и даже животных и любимых рабов и клиентов». «Образ жизни германцев значительно отличается. Ибо они не имеют друидов, которые заведовали бы богослужением и не заботятся о жертвоприношениях. Богами они считают единственно тех, которых они постигают своими чувствами и помощью которых они явно пользуются: Солнце, Вулкана, Луну. Они мало занимаются земледелием и большая часть их пищи состоит из молока, сыра, мяса».

[10] Реальные факты у Иордана перемежаются с легендами и преданиями. В повествовании о гуннах он говорит, что они родились от смешения готских колдуний с нечистыми духами степи. Отсюда и произошло «малорослое, отвратительное и сухопарое» свирепейшее племя. Облик гуннов, по словам Иордана, «пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз». «При человеческом обличье живут они в звериной дикости».

[11] Известная в основном наивными космографическими представлениями.

[12] Каноник — член совета при епископе, или член коллегии, руководящей орденом.

[13] Адам пишет: «Склавания есть очень большая область Германии, обитаемая винулами, которых прежде называли вандала-

Большое количество ценной этнографической информации связано с арабскими миссионерами и учёными. В числе многих укажем на сообщения Ибн-Фадлана (X в.),[15] «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгари (XI в.), географический словарь Якута (XII–XIII вв.), описание путешествий Ибн-Баттуты (XIV в.). Европейцам труды арабов стали известны сравнительно поздно.

Плавания викингов мало способствовали расширению кругозора европейцев, несмотря на свою обширную географию (Русь, Византия, Исландия, Гренландия, Северная Америка и др.). Записей о них не велось, а в форме устного народного творчества (саг и песнопений) «отчеты» об этих поездках были достоянием лишь небольшой части жителей Скандинавии. Ничего существенного, с точки зрения этнографии, не принесли и крестовые походы западноевропейских рыцарей на Восток в XII–XIII вв.

Первое интересное в этнографическом плане известие о восточных странах пришло в Европу в канун монгольского нашествия. Монах-доминиканец Юлиан совершил два путешествия на восток (в 1235 и 1238 гг.), в Поволжье и Приуралье, имея целью найти и обратить в христианство венгров, оставшихся, согласно старым хроникам, где-то в этих краях, на своей прародине. Сохранились документы, рассказывающие об увиденном Юлианом в «Великой Венгрии», «Великой Булгарии» и на Руси.

Два путешествия в монгольские степи с дипломатической миссией совершили монахи миноритского ордена итальянец Плано (Пьяно) Карпини (1245–1247 гг.) и фламандец Виллем Рубрук (Рубруквис) (1253–1255 гг.). Их сочинения стали достоянием европейского образованного общества.

Еще большей популярностью пользовались сведения о народах Азии, исходившие от венецианца Марко Поло, много лет[16] странствовавшего по восточным и центральным землям этой части света и даже немалое время состоявшего на службе у монголо-китайского хана Хубилая. Повествованием Марко Поло впоследствии руководствовались Колумб, Магеллан и другие искатели путей в восточные страны.

С 1289 г. длительное путешествие в Персию, Южную Индию и Китай совершил монах-миссионер Джованни Монтекорвино (умер в Китае около 1328 г.). С 1318 по 1330 гг. странствовал по Индии, Цейлону, Индонезии, Вьетнаму, Китаю, Тибету монах-францисканец Одорико. В 1318–1336 гг. в Персии и Индии проповедовал христианство француз, миссионер-доминиканец Журден. В 1339–1353 гг. в Китае побывал папский посол, монах Джованни Мариньолли. 30 лет (с 1396 г.) скитался по Балканам, Переднему Востоку, Кавказу, Сибири, Средней Азии баварец-солдат Иоганн Шильтбергер. В 1403–1406 гг. в столице государства Тимура Самарканде побывал посланник кастильского короля Руис Гонсалес Клавихо. С 1419 по 1444 гг. продолжались странствия по Передней, южной и Юго-Восточной Азии венецианского купца Никколо ди Конти. В 1471–1479 гг. в качестве посла венецианской республики при дворе иранского шаха находился Иосафат Барбаро. Почти в те же годы (1473–1477) и в сходном качестве в Персии и смежных с ней странах пребывал венецианец Амброзио (Амброджо) Контарини (проехавший на обратном пути через Москву и удостоившийся аудиенции великого князя). Записки всех перечисленных путешественников были опубликованы, хотя некоторые — спустя значительный период времени после их написания (книга Клавихо, например, увидела свет только через 180 лет после того, как была написана).

В целом, характеризуя этнографические знания европейцев V—конца XV вв., можно констатировать:

- объем этнографических сведений в Европе возрастал медленно;
- существенного расширения этнографического и географического кругозора, в сравнении с античностью, не произошло;
- периодически появляющиеся заметки путешественников о дальних странах не отличались систематичностью и были достоянием очень небольшого круга читателей;
- наблюдений над бытом самих европейских стран не велось (интерес вызывали только языческие народы Европы, от которых защищались, а позже — христианизировали).

§ 2. **Этнологические знания европейцев в XV–XVII вв.**

Период с середины XV и до середины XVI в. вошел в историю как эпоха «***Великих географических открытий***». Успехи науки и техники появление достаточно надежных парусных судов (каравелл), усовершенствование компаса и морских карт, все более утверждающаяся идея шарообразности Земли создали необходимые предпосылки для организации дальних экспедиций. Европейцы надеялись найти новые пути в Индию и Восточ-

---

ми. Говорят, что она в 10 раз больше нашей Саксонии, особенно если считать частями Склавании Боэмию и тех полян, которые живут за Одером и не отличаются ни видом, ни языком». Адам упоминает ободритов — «называемых теперь ререгами» и многих других. «Среди них самые сильные и живущие посередине — ретарии, город которых, широко известная Ретра, есть очаг идолопоклонства. Там построен большой храм в честь демонов, из которых главный Редигаст. Его изображение сделано из золота, его ложе покрыто пурпуром. Сам город имеет 9 ворот и окружён со всех сторон глубоким озером». Описание сходно в некоторых чертах с сообщением Титмара.

[14] Гельмольд тоже много внимания уделяет описанию языческих святилищ, повторяя Адама и прямо цитируя его.

[15] Участник посольства от халифа к булгарскому царю в 921 г. В сочинении описываются обряды человеческих жертвоприношений в Булгарии, похороны руса, указывается, что царь булгар был также царём славян и т. д.

[16] Путешествие до Китая заняло 1271-1275 гг., обратно — 1292-1295 гг.

ную Азию, чтобы без всяких посредников вывозить оттуда пряности, слоновую кость, золото и серебро. К этому времени уже существовали артиллерийские орудия[17] и фитильные дульнозарядные ружья — аркебузы, или «пищали»,[18] придававшие уверенности небольшим по численности группам европейских путешественников.

С 30-х гг. XV в. португальские моряки совершали плавания вдоль западного побережья Африки и в 80-е гг. достигли ее крайней южной точки — Мыса Доброй Надежды.

Плавания испанцев начались путешествием Христофора Колумба на запад, как он полагал — к Азии, в **1492** г. В этот год были открыты острова Карибского моря, и этим началось **открытие Америки**.

В 1497–1499 гг., отправившись с южного побережья Африки, португальский мореплаватель Васко да Гама при помощи арабских кормчих открыл для европейцев *непрерывный морской путь* из Западной Европы *в Индию*.

В 1497–1498 гг. плавание к восточным берегам Северной Америки совершили пираты, состоявшие на службе английской короны, Джон Кабот и Себастьян Кабот.

В 1513 г. военная экспедиция Васко Нуньеса де Бальбоа пересекла Панамский перешеек и достигла Тихого океана.

В **1519–1521** гг. испанские каравеллы под командованием португальца Магеллана совершили **первое кругосветное плавание** вокруг Южной оконечности Америки.[19]

К 1525 г. испанцы и частично португальцы (Колумб, Охеда, Веспуччи, Понсе де Леон, Кордова, Грихальва, Кортес и др.) завоевали Мексику и Центральную Америку, обследовали весь атлантический берег Южной Америки. Тихоокеанское побережье Южной Америки стало известно в 1526–1552 гг. благодаря испанцам (Писарро, Альмагро, Вальдивия, Кесада, Орельяна и др.). Тогда же происходило проникновение во внутренние районы этого континента по крупнейшим речным системам. Восточный берег Северной Америки исследовался французскими мореплавателями (Веррацано — 1524 г., Картье — 1534–1535 гг.).

В 1577–1580 гг. пират на службе английской короны Фрэнсис Дрейк совершил ***второе*** после Магеллана ***кругосветное путешествие***. Несколько раз плавал к берегам Америки Уолтер Рэйли.[20]

В 1606 г. испанец Л. Торрес обошел южный берег Новой Гвинеи, а голландец В. Янсзон (Янц) достиг берегов Австралии. В 1642–1644 гг. экспедиции А. Тасмана открыли Новую Зеландию, Тасманию, северное побережье Австралии.

Великие географические открытия имели **всемирно-историческое значение**. За короткое время невероятно расширился географический кругозор. В результате плаваний, походов, завоеваний **впервые в истории европейской цивилизации** было получено **представление о Земле близкое к реальному**, установлены все основные контуры обитаемых материков (кроме северных и северо-западных берегов Америки и восточного берега Австралии), исследована большая часть суши (остались неизученными внутренние области Америки, центральной Африки и Австралии). У европейских стран Португалии, Испании, Нидерландов, Франции, Англии *появились заокеанские колонии*.

Все новооткрытые земли и страны оказались населены народами, сильно отличающимися друг от друга, а еще сильнее от европейцев. В этом смысле рассматриваемая эпоха была еще и ***эпохой великих этнографических открытий***. В неё уходят корнями многие общественно-политические и едва ли не все современные культурно-исторические концепции. Только с этого рубежа начинает формироваться «обществоведение».

Путешественники, как уже отмечалось, описывали, в первую очередь, *непривычное*, используя в качестве мерила собственный образ жизни. Европейцев поражал непривычный *антропологический облик* туземцев Америки. Какое-то время всерьез обсуждался вопрос, люди ли это или какие-то иные живые существа. Конец дискуссиям положила специальная булла римского папы, подтверждавшая что жители Америки — люди. Это означало, что у них есть души (погрязшие в язычестве, принимавшем, подчас, самые изуверские формы), о спасении которых церковь обязана заботиться. Выдвигались предположения, что индейцы или потомки атлантов, о которых писали античные авторы, или потомки потерянных библейских «колен израилевых». Поражала скудость или даже полное *отсутствие одежды*. Во многих местах отмечалось *отсутствие организованной власти* или, как в центральных областях Америки, необычные (сравнительно с европейскими) ее формы. Редкие контакты с островитянами оставили у моряков *представление об отсутствии собственности*. Дикари щедро делились своим и не проявляли никакого уважения к чужому — с кораблей воровали все, что попадалось под руку (разумеется выводы о характере собственности, сделанные на такой основе, могут быть только ошибочными).

Колумб предполагал, что где-то неподалеку от открытых им земель должен находиться «земной рай», описанный в книге «Бытия». Возможно, поэтому он сверх всякой меры восхищался бескорыстием и любвеобильностью жителей островов Карибского моря, положив начало традиции умиления «добрым дикарем».

---

[17] Известны в Европе с конца XIII-начала XIV в.

[18] С первой трети XV в.

[19] Из похода вернулся только один корабль магеллановой флотилии. Сам командир погиб на Филиппинских островах в стычке с островитянами. Плавание завершил Х. Элькано.

[20] Самыми значительными были экспедиции 1595 и 1617-1618 гг.

Помимо разрозненных впечатлений о населении заморских территорий, уже в XVI в. появились первые систематические описания. Их авторами были: Петро Мартир, итальянский писатель на службе испанского короля (его труд «О Новом Свете» был написан на основе писем и донесений вернувшихся оттуда испанских командиров и устных рассказов солдат и матросов, участвовавших в этих походах); Франциско Лопес де Гомара («Всеобщая история Западных Индий...»); Бартоломе де Лас Касас («История Индий...»); Диего де Ланда[21] («Сообщение о делах в Юкатане»); Бернардино де Саагун («Общая история дел Новой Испании»).

Имелись и концептуальные новинки. Так, некоторые обобщающие характеристики индейцев Америки больше походили на идеализированную оценку *первобытного состояния человечества*. Упомянутый Педро Мартир писал: «Они счастливы... они ходят голые, у них нет мер и весов, нет убивающего богатства. Это золотой век, без законов, без предубежденных судей, без книг. Довольные своей судьбой, они живут, не тревожась о завтрашнем дне». В XVII в. Мартиру вторил монах-доминиканец Дю-Тертр в книге «Общая история Антильских островов»: «Дикари этих островов самые мирные, самые счастливые, отнюдь не порочные, самые общительные, совсем не притворщики... Ибо они таковы, какими сделала их природа, т. е. в величайшей простоте и в естественной наивности. Они все между собой равны, им незнакомы почти никакие преимущества или рабство... Никто не богаче и не беднее другого, и все они в своих желаниях ограничиваются тем, что им полезно и строго необходимо, презирают всякое излишество...».[22]

Нелепая и наивная идея минувшего «золотого века» и счастливого «доброго дикаря», проникшая в XVI–XVII вв. в общественное сознание и идеологию европейцев, была основана на крайне поверхностных представлениях о жителях новооткрытых стран. В отчетах и сочинениях ранних наблюдателей много вымысла и неточностей. По-настоящему, уклад жизни дикарских обществ стал известен намного позднее. «Естественности» (= примитивности) дикарской жизни европейцы умилялись примерно так же, как взрослый умиляется ребенку. При этом упускалось из вида, что ребенок должен расти, и призывать к возвращению «золотого века» — то же самое, что призывать «впасть в детство».

Другую теоретическую новинку содержал труд французского философа и публициста Мишеля Монтеня «Опыты» (1580 г.), задуманный как энциклопедия гуманитарных знаний. Используя работы античных авторов и современные ему описания заморских стран, Монтень подробно рассуждает о разнообразии человеческих обычаев. Но даже самые дикие из них (поедание человеческого мяса, убийство родителей и детоубийство, половые сношения родителей с детьми, скармливание покойников собакам и т. д.) не встречают у него осуждения. По словам Монтеня, люди считают разумным то, что узаконено их обычаями, а неразумным — нарушение обычая. Дикари кажутся европейцам не более странными, чем европейцы дикарям. Многие порядки, господствующие в Европе, также не подаются разумному объяснению и держатся в силу привычки.[23]

В XV–XVII вв. имел место еще один процесс, не связанный с географическими открытиями, но имеющий самое непосредственное отношение к традиции бытоописания. Западноевропейцы открыли для себя «Московию», общественный строй которой существенно отличался от привычного для них, а уклад жизни поражал не меньше, чем в открытых странах за океаном.

Вслед за венецианцем Амброджо Контарини (бывшем в Москве в 1476–1477 гг.), в 1517 г. Московию посетил профессор Краковского университета Матвей Меховский, написавший «Трактат о двух Сарматиях». В 1517 и вторично в 1526 г. в Москву приезжал посол германского императора Сигизмунд Герберштейн, оставивший «Записки о московитских делах». Далее на Руси побывали: итальянский торговец Рафаэль Барберини (1565 г.), английский — Джером Гарсей (1572 г. и позднее), посол Англии Джайлс (Джильс) Флетчер, французский наемник Жак Маржерет (с 1600 г.), голландский купец Исаак Масса (1601–1609 гг.). Большую известность получило сочинение Адама Олеария, секретаря гольштейнского посольства в Персию, посетившего Московию в 30-е гг. XVII в. Очень ценны сообщения Августина Мейерберга, члена посольства германского императора 1661–1663 гг. Подробное описание Московского государства XVII в. принадлежит амстердамскому бургомистру и ученому, члену посольства Нидерландов в 1664 г. Николаю Витсену («Северная и Восточная Татария»). Около 1689 г. побывал в России Де ла Невилль — француз, иезуит, агент польского и французского королей. В 1692 г. послом в Китай через всю Сибирь был отправлен живший до того в Москве датчанин Эверт Исбранд-Идес, описавший свое путешествие в дневнике, несколько раз публиковавшемся на разных европейских языках.[24]

---

[21] Гонитель индейцев-язычников, человек, уничтоживший памятники письменности и истории народа майя, Диего де Ланда оказался и очень внимательным наблюдателем. Он описал культуру, быт индейцев, и ту самую письменность, которую уничтожил. В его записях был найден ключ к чтению рукописей майя.

[22] Цитируется по: Токарев С. А. Истоки этнографической науки. — М.,1978.

[23] Сколь бы шокирующими не казались приводимые Монтенем примеры, он почти на 400 лет предвосхитил концепцию американского культурного релятивизма. В то же время, в своем труде Монтень сполна отдал дань традиции умиления «естественной простотой» отсталых народов.

[24] Многие названные работы объединены в издании «Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев» (Лениздат, 1986). В этом сочинение немало купюр, а кроме того отсутствуют изобразительные материалы. При возможности рекомендую пользоваться отдельными изданиями указанных сочинений.

В качестве примера укажем на несколько сюжетов из работы А. Олеария:

«Мужчины у русских большею частью рослые, толстые и крепкие люди... Они очень почитают длинные бороды и толстые животы, и те, у кого эти качества имеются, пользуются у них большим почётом. Его царское величество таких людей из числа купцов назначает обыкновенно для присутствия при публичных аудиенциях послов, полагая, что этим усилено будет торжественное величие приёма».

«Женщины среднего роста, в общем красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах они все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щёки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет брови и ресницы».

Далее Олеарий описывает русские кушанья, русскую одежду, различные поразившие его обычаи. Его внимание привлекает затворническое положение женщин, порядок сватовства, свадьбы. Величайшим знаком почёта и дружбы, который оказал А. Олеарию Лев Александрович Шляховский, заключался в том, что после угощения хозяин велел жене выйти к гостю в «прежнем своём брачном наряде» и, пригубив чарку водки, собственноручно подать её ему. В знак особого расположения разрешалось поцеловать жену хозяина в уста. Олеарию пришлось «принять эту согласную с их обычаями честь».

Олеарий пишет: «Русские люди высокого и низкого звания привыкли отдыхать и спать после еды в полдень... На этом основании русские и заметили, что Лжедмитрий... не русский по рождению и не сын великого князя, так как он не спал в полдень, как другие русские.[25] Это же вывели они из того обстоятельства, что он не ходил, по русскому обычаю часто в баню».

Об общественном строе России Олеарий пишет: «Русское управление должно считаться находящимся в близком родстве с тираническим. Вельможи должны безо всякого стыда, помимо того... что они ставят свои имена в уменьшительной форме, называть себя рабами и переносить рабское обращение. ... Они ставят своего царя весьма высоко, упоминают его имя во время собраний с величайшим почтением». Большое удивление у Олеария вызывает то обстоятельство, что в Московии глава государства (царь) мог устанавливать законы по своему усмотрению.

Фрагмент, который многое объясняет в русских государственных порядках не только рассматриваемого, но и последующего периода: «Чтобы можно было спокойно удерживать их в рабстве и боязни, никто из них, под страхом телесного наказания, не смеет самовольно выехать из страны и сообщать им о свободных учреждениях других стран». Олеарий передаёт рассказ о том, как сын немецкого толмача Ганса Гельмеса по особой милости царя был отправлен в немецкие университеты, дабы изучить там медицину, а затем, вернувшись, служить царю. Молодой человек сделал большие успехи, добился степени доктора в Англии, в Оксфордском университете, считался чуть ли не за чудо учёности. «Однако ему уже не захотелось более возвращаться в московское рабство, откуда он раз выбрался». Поэтому больше таких разрешений не выдавали.

Историк К. Валишевский так резюмировал впечатления Олеария:

«Путешествуя два раза по московскому государству, в 1634 и в 1636 гг., Адам Ельшлегер (Олеарий) вынес впечатленье, что побывал в совершенно дикой стране. Он был поражен дешевизною продуктов: курица в России стоила две копейки, десяток яиц копейку.[26] Приехав в столицу на Пасхе, он был свидетелем благочестивых и милостивых деяний государя, который до заутрени посетил тюрьмы и раздавал заключенным крашеные яйца и бараньи тулупы. Но в то же время он видел кабаки, переполненные пьяными посетителями, мужчинами и женщинами, светскими и духовными, предававшимися разгулу и разврату. На улицах валялись пьяные и каждое утро на них подбирали множество трупов. Пожары происходили чуть не каждую минуту и их даже не тушили, разбивая лишь топорами соседние дома, чтобы огонь не мог дальше распространиться. Таким образом разрушались целые кварталы. Было, правда, не трудно отстроить их вновь, так как на особом рынке продавали уже готовые дома, которые можно было поставить на место в течете нескольких дней. Эти дома представляли из себя просто лачуги, и в окружавших их старых садах Олеарий не видел следа заботливой культуры, ни цветов, ни овощей. У одного только царя было несколько футов земли с посаженными на них розами, привезенными из Готторпа, и голландцы только что успели ввести в употребление салат и спаржу. Жители московского государства ели все, что попало, не заботясь о комфорте или об изяществе. Грубость нравов, как и распущенность и противоестественные пороки, считались среди них заурядным явлением». «Следует также упомянуть объяснение Олеария, говорившего, что жители московского государства, привыкшие к тирании, могут многое вытерпеть; но, если насилие превосходит всякую меру, они возмущаются и делаются тогда страшными, пренебрегая всякою опасностью и становясь способными к самым гнусным насилиям и к самой ужасной жестокости. Это замечание ещё и теперь не потеряло своего значения».[27]

Подведем итоги:

- в XV—XVII вв. сведения о народах Земли нарастали лавинообразно;
- европейцы вышли далеко за пределы географического горизонта авторов античности;

---

[25] Сравнимо с известным поучением Владимира Мономаха «Спаньё есть от Бога присуждено полудне».

[26] В данном случае имеется в виду не благосостояние населения, а, наоборот, его крайняя нищета, готовность продавать результаты труда за гроши. Дешевизна продуктов может проистекать как от их изобилия, так и от дефицита денег, отсутствия платёжеспособного спроса.

[27] Валишевский К. Первые Романовы. — М., 1911, с. 51-52; 62.

– появились подробные бытоописательные работы, систематизированные сводки этнографического материала;
– можно отметить начатки культурологической теории, не свободные от наивности, идеализации, влияния политических пристрастий авторов;
– был заложен фундамент для последующего развития наук о человеке и обществе.

Глава 2. Становление этнографии как науки

§ 3. Этнологические знания в XVIII в.

В XVIII в. продолжилось расширение географического горизонта, открытие и захват европейцами новых стран. Литература XVIII в. довольно богата этнографическими сведениями о североамериканских индейцах. Наиболее содержательны сообщения миссионеров–иезуитов Пьера де Шарльвуа (путешествовал по Канаде в 1705–1709, 1720–1722 гг.) и Жозефа-Франсуа Лафито. Последний, кроме собственных наблюдений, использовал сведения других членов ордена (в частности, Жюльена Гарнье, прожившего среди ирокезов, гуронов, алгонкинов более 60 лет).

Из трудов о Южной Америке выделяются работы монаха Григорио Гарсиа «Происхождение индейцев Нового Света и Западной Индии» французского врача Пьера Баррера «Новое известие о равноденственной Франции», патера-иезуита Мартина Добрицгофера «История абипонов» (абипоны — народ в Западном Парагвае).

После заключения Парижского мира 1763 г. колониальное соперничество между Англией и Францией вылилось в соревнование научных экспедиций. Был открыт восточный берег Австралии и большинство островов Океании. Наиболее содержательными в этнографическом плане были морские экспедиции французов Луи-Антуана Бугенвиля,[28] Жана Франсуа Лаперуза, англичанина Джеймса Кука. Сын батрака Кук не имел систематического образования, но его исследования отличаются высоким профессионализмом и добросовестностью.[29] Кук совершил 3 плавания (1768–1771; 1772–1775; 1776–1779 гг.), и каждое сопровождалось выдающимися открытиями. Во втором плавании спутниками Кука были видные немецкие учёные Йоган-Рейнгольд Форстер и его сын Георг Форстер. Младший Форстер[30] описал плавание с Куком в двухтомном труде «Путешествие вокруг света».

Вкладом в этнографию Африки можно считать «Путешествие в Гвинею» (1705 г.) голландца Виллема Босмана и «Описание Мыса Доброй Надежды» (описание готтентотов) немца Петера Кольбе.

В 1736 г. вышел четырехтомный сводный труд о Китае иезуита Жан-Батиста Дюгальда. В 70-е гг. XVIII в. миссионер-иезуит Йозеф Тиффенталер на основе тридцатилетних личных наблюдений составил «Описание Индии». Француз, путешественник-ориенталист Абраам Анкетиль-Дюперрон по итогам поездки 1755–1761 гг. издал два труда об Индии, а в 1771 г. опубликовал перевод обнаруженных им у парсов священных текстов «Авесты».

В 1761–1767 гг. большое научное путешествие по Аравии, Месопотамии, Египту и западному побережью Индии совершил Карстен Нибур. Он оставил «Описание Аравии» и «Путешествие по Аравии и другим странам».

В теоретико-методологическом плане в XVIII в.:
– началось становление сравнительно-исторического метода;
– появилась общая схема всемирно-исторического развития человечества, основанная на этнографических материалах; отсталые народы стали рассматриваться как представители ранней стадии этого развития, а сведения о них переноситься на европейскую старину;

---

[28] Луи-Антуан Бугенвиль (1766-1769), видный учёный — философ, филолог, математик, знавший астрономию и картографию — в описании кругосветного плавания, изданном в 1771 г., очень ярко характеризует быт и характер островитян Таити (у берегов этого острова французы стояли 10 дней). Бугенвиль отмечает лёгкость нравов, простоту брачных отношений, легкомыслие («всё их поражает и ничто не занимает»). По его словам, жизнь для островитян — сплошное удовольствие, малейшее усилие мысли — невыносимая работа, «и они стараются не утомлять свой мозг, как и тело». Правда, тут же он пишет про их суеверность, засилье жрецов (!), наличие резкого социального неравенства (!), деспотическую (!) власть «королей и вельмож», разделение страны на небольшие округа с независимыми правителями во главе их, бесправие простого народа. Но общий идиллический тон сообщения повлиял на создание искажённых буколических представлений об отсталых народах и древних временах у европейцев XVIII в.

[29] Первоначальные цели плаваний Джеймса Кука были больше политические, чем научные, однако итогом было огромное приращение географических и этнографических знаний. Кук осторожно формулировал предположения и не останавливался перед проверкой спорных сведений. При посещении маори (на Новой Зеландии) Кука потряс обычай каннибализма. Кук несколько раз проверял свои наблюдения и всё не мог поверить, после чего решился на эксперимент: приказал сварить кусок человеческого мяса и принести на палубу, где один из каннибалов «съел его с поразительной жадностью». В ужас от такого эксперимента пришли и спутники Кука, и его переводчик таитянин Оидиде. Кук же окончательно убедился, что новозеландцы действительно каннибалы. Каннибализм он объяснил застарелой межплеменной рознью, а отнюдь не недостатком пищи — «я категорически утверждаю, что туземцы поедают только павших в бою». Кук погиб во время последнего своего плавания, когда открыл Гавайи, в стычке с туземцами. По злой иронии судьбы он был не только убит, но и съеден дикарями.

[30] Георг Форстер (1754-1794) был не только учёным, но и просветителем, публицистом.

– этнографические данные начали использоваться как аргумент в идейно-политической борьбе.

Сравнительно-исторический метод состоит в выявлении сходств, параллелей, аналогий в быту и культуре географически и хронологически удаленных народов. Он ведет или (1) к идее общей исторической закономерности, вызывающей повторяемость культурных явлений, или (2) к идее культурной диффузии.

Применительно к религии сравнительно-исторические построения одним из первых начал использовать английский философ-материалист, атеист Джон Толанд (1670–1722).[31] Упоминавшийся выше Жозеф-Франсуа Лафито (1670-1740), написал книгу «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен», где сопоставил известия античных авторов и церковных деятелей древности с современными ему этнографическими материалами об индейцах. Правда, выводы у Лафито получились не вполне корректными. На основании весьма шатких сопоставлений он утверждал, что американцы (индейцы) и древние народы Европы «происходят от одного ствола».[32] Идея единых закономерностей в развитии человеческой культуры и представление о стадиальности этого развития просматривается в работе Георга Форстера, плававшего с Куком. «Люди при сходном уровне культуры, — утверждал Г. Форстер, — могут быть похожи друг на друга даже в самых удаленных одна от другой частях света». Шарль де Бросс (1709-1777), французский писатель, литературовед, историк, используя сравнительный метод, поставил вопрос об общей закономерности в развитии религий разных народов. Де Бросс утверждал, что человек, предоставленный «своему естественному грубому и дикому состоянию, ... не образованный никакой обдуманной идеей или подражанием», будет мыслить и действовать всегда и везде одинаково, почему мы и застаем в разные эпохи, в разных уголках Земли одни и те же «примитивные обычаи». «...Везде одна и та же механика идей, откуда вытекает и механика действий».

Схема всемирно-исторического развития человечества появилась в XVIII в. как альтернатива богословскому пониманию исторического процесса. По взглядам на историю философов-просветителей можно разделить на две группы. Представители первой (Жан-Жак Руссо, Дени Дидро) писали о счастливом «детстве» человечества якобы беззаботно жившего по законам природы, а развитие цивилизации приравнивали к искажению этих законов;[33] представители второй (Анн Робер Тюрго, Жан Антуан Кондорсе,[34] частично Вольтер и др.) видели в истории непрерывное развитие разума, движение «от дикости к светлому будущему».

Известная в античности идея о влиянии географической среды на «свойства» народов в «век просвещения» ожила в «Духе законов» (1748 г.) Шарля Луи Монтескье. И так же, как Гиппократ и другие древние авторы, Монтескье приводил очень некорректные доказательства влияния климата на психические и физические особенности человека.

Заслуживает также внимания труд англичанина Адама Фергюссона «Опыт истории гражданского общества» (1768).

Фергюссон утверждал, что в современном ему состоянии народов Америки, арабского Востока и других регионов мы видим как в зеркале черты жизни наших собственных предков. Фергюссон предложил различать «*дикость*» (когда не было собственности) и «*варварство*» (к собственности уже стремились, но она еще не

---

[31] В своих «письмах к Серене» (его покровительнице, прусской королеве Софии-Шарлотте) он излагает довольно наивные взгляды на происхождение религиозных представлений, подкрепляя их ссылками на этнографические аналогии.

[32] Вольтер высмеивал рассуждения Лафито: «У греков были басни — у некоторых американцев они тоже есть. Древние греки ходили на охоту — американцы тоже ходят. У древних греков были оракулы — у американцев есть колдуны. В Греции танцевали в лесах, и в Америке танцуют. Нужно сознаться — основания убедительные».

[33] Взгляды Руссо и Дидро никакого этнографического интереса не представляют. Жан-Жак Руссо (1712-1778) просто фантазировал на темы «золотого детства» человечества («руссоизм»), расписывал, как дикарь блуждал в одиночку по лесам, и тут же признавал, что человек никогда не был одинок, поскольку люди жили коллективами. Этнографический материал Руссо почти не использовал. Дени Дидро (1713-1784) изложил свои взгляды на первобытность в памфлете «Добавление к путешествию Бугенвиля», где довел до абсурда и без того идеализированную характеристику быта островитян Таити с тем, чтобы противопоставить эту вымышленную картину жизни по «законам природы» порядкам современной ему Франции. Не случайно Лаперуз (1741-1788), наблюдательный и гуманно настроенный мореплаватель (руководитель кругосветного плавания 1781-1788 гг.), высмеивал философов, пишущих свои книги «сидя у камина», тогда как он за 30 лет плаваний убедился, что расписанные такими добрыми дикари на самом деле зачастую и жестоки, и нечестны, и коварны. С. А. Токарев в книге «Истоки этнографической науки» (1978) полагал, что фальсификация Дидро преследовала «полезную цель». Но согласиться с тезисом о полезности фальсификаций всё же трудно. Идеализация первобытности присутствует и в труде Франсуа Мари Вольтера «Опыт о нравах и духе наций» (1778 г.), хотя в целом Вольтер усматривал в истории рост культуры и разума.

[34] Жан Антуан Кондорсе (1743-1794) в «Очерках исторической картины прогресса человеческого духа» (1794) выделял 3 ступени развития хозяйства: 1) охота и рыболовство; 2) одомашнивание животных; 3) грубое земледелие (схема была известна ещё античным писателям и продержалась до начала XX в.). Самое бедственное событие, по его оценке, — выделение ещё в первую эпоху класса людей, взявших в свои руки выполнение обрядов и обладание положительными знаниями, религиозные тайны, законодательство, политику — жрецов. Их он считает обманщиками. «Религиозное рабство» — источник долгой постыдной тирании. Коренится оно в самой природе человека. Некоторые народы остались с незапамятных времён на ранних стадиях хозяйства по причине *консерватизма, недоверия к новшествам, лени духа и тела*. Человеческий разум и просвещение — главные двигатели прогресса; невежество, предрассудки, суеверия — враги прогресса, виновники отсталости.

была закреплена законом). Первой форме собственности (точнее ее гипотетическому отсутствию) как тип хозяйства, будто бы, соответствует охота, второй — скотоводство. Образцом дикого состояния Фергюссон считал ирокезов, варварского — готтентотов. В этих построениях он, как позднее выяснилось, ошибался, но его главная мысль, что цивилизация характеризуется, прежде всего, установлением и законодательным закреплением режима собственности, для некоторых стран не утратила своего значения и по сей день.

В Германии в 1785 г. увидел свет богатый этнографическим материалом «Общий очерк истории человечества» писателя, философа и историка Христофа Мейнерса (Майнерса). Другой немецкий философ и литератор Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) в «Идеях к философии истории человечества» предвосхитил эволюционизм середины XIX в. Гердер отстаивал единство всего человечества, различия в бытовом укладе объяснял различиями в среде обитания, определяющими тип хозяйственной деятельности. Как и в природе, писал он, мы находим порядок восходящих форм, так и развитие человечества рисуется как огромное поступательное движение. Гердера отличали представления о каком-то мистическом «национальном духе», якобы придающем каждому народу неповторимое своеобразие и проявляющемся в народном творчестве, народных обычаях. Идеи Гердера стали знаменем немецкого, а потом и славянского национализма.

Выражением качественных изменений в сфере изучения обычаев, традиций, образа жизни разных народов стало появление в конце XVIII в. терминов *этнография* (в Германии) и *этнология* (во Франции), обозначавших особую научную дисциплину.

§ 4. Этнология в первой половине XIX в.

Большого прироста этнографических знаний о внеевропейских странах в первой половине XIX в. не было. Время больших морских плаваний подходило к концу,[35] населенные материки были открыты, их берега обследованы. Проникновение вглубь материков происходило медленно. Путешествия совершались преимущественно с географическими и естественнонаучными целями. Зато необычайно возрос *интерес европейцев к изучению собственных стран и народов*.

До XVIII в. быт народов Европы практически не описывался.[36] Ситуация изменилась, когда в заморских землях был открыт «благородный дикарь» и просветители начали идеализировать условия жизни «детей природы» (таитян, ирокезов и иже с ними). Поневоле напрашивались аналогии с бытом низших классов европейского населения. И если Вольтер (1778 г.) писал, что дикарями надо считать не аборигенов Канады и Африки, которые, по его мнению, свободны, горды, защищают свою честь, а скорее французских крестьян, безропотно терпящих феодальный гнет, то немецкий историк Юстус Мёзер примерно в те же годы в своей «Оснабрюкской истории» (1768 г.) защищал все без разбора старые обычаи и традиции немецкого крестьянства, выступал против любых реформ. Даже певец «национального духа» Гердер не проявлял такого консерватизма.

Интерес к европейской народной старине окреп на фоне антинаполеоновского движения в германоязычных странах (1805–1813 гг.).

В годы оккупации Пруссии Наполеоном философ Иоганн Готлиб Фихте выступил с «Речами к немецкой нации» (1807-1808 гг.), где проповедовал немецкое единство, немецкое величие и требовал воспитания молодежи в духе безоговорочного подчинения государству и интересам нации. В 1810 г. появилась книга Фридриха Людвига Яна, писателя и общественного деятеля, «Немецкая народность», безмерно воспевавшая немецкую родину. Ян уверял, что Германия, развив свои огромные силы, сумеет стать созидательницей вечного мира в Европе, ангелом-хранителем всего человечества. Он наметил программу политического и культурного объединения, народных зрелищ, к охране национальных памятников.[37]

Всплеск националистических идей в среде немецких философов и литераторов способствовал *собиранию и изучению фольклора*. До этого имелись только редкие опыты публикации памятников народной поэзии.[38]

---

[35] Самым последним из кругосветных плаваний можно считать плавания французского капитана, позже контр-адмирала Жюля Дюмон-Дюрвиля. В 1826-1829 гг. он неудачно пытался найти следы погибшего 40 лет перед тем экипажа капитана Лаперуза. Второе плавание (1838-1839) имело заданием исследование берегов Антарктиды. Обе экспедиции, особенно первая, были богаты этнографическими наблюдениями.

[36] Как редчайший пример такого рода литературы С. А. Токарев называл изданное в Риме в 1555 г. сочинение архиепископа Упсалы Олая «Великого» «История северных народов». Книга содержала самые разнообразные сюжеты из жизни Норвегии, Финнмаркии, Скрифиннии, Лаппии, Биармии и др. Через 100 с лишним лет, в 1673 г. о той же северной окраине и её жителях появилось более реалистическое сочинение Иоганна Шеффера, профессора Упсальского университета, посвящённое Лапландии и её жителям лопарям. Труд писался по просьбе и при содействии государственного канцлера Швеции. В его основу легли письменные источники и устные сообщения самих лопарей. Напечатанная на латинском языке книга вскоре была переведена на немецкий, английский, французский и получила широкую известность.

[37] Чем стала Германия на волне «национального возрождения», а проще говоря — националистического психоза в кругах «творческой интеллигенции», хорошо известно. Абсолютно правы оказались авторы, утверждавшие, что «механика идей предшествует механике действий».

[38] Так, в 1697 г. во Франции вышел в свет сборник «Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки старого времени», со-

В 1806–1808 гг. поэты Людвиг фон Арним и Клеменс Брентано выпустили сборник подвергнутых ими художественной обработке старинных немецких песен под названием «Волшебный рог мальчика». В 1812 и 1814 гг. появились два тома «Детских и домашних сказок», собранных братьями Якобом и Вильгельмом Гримм. В 1815 г. братья Гримм издали древнеисландский эпос «Эдду».

Во Франции созданная в 1804 г. «Кельтская академия»[39] с 1807 г. занялась сбором записей народных песен. В 1824 г. Клод Шарль Фориель, историк и литературовед, издал собранные им новогреческие народные песни. В 1837 г. был издан полный текст средневековой поэмы «Песнь о Роланде», в 1839 г. — сборник бретонских народных песен. С 1843 г. выходили обширные сборники под названием «Народные песни и напевы Франции».

Литераторы Англии и Шотландии на основе местных исторических преданий сочиняли баллады, поэмы, исторические романы. Один из таких писателей-собирателей — Вальтер Скотт (1771–1832), романами которого зачитывалась вся Европа. В скандинавских странах в 1811 г. были опубликованы «Стародатские героические песни», в 1844 г. — «Шведские народные песни». Фольклором вдохновлялся известный сочинитель сказок Ганс Христиан Андерсен. В Финляндии поэт, врач по профессии, Элиас Лёнрот на основе древних песнопений — «рун», открытых в карельской части страны поэтом Топелиусом, написал «Калевалу» (1835 г.).

В Чехии под влиянием идей Гердера аббат Йосиф Добровский (1753–1829) занялся изучением славянских языков и создал их классификацию. Ученик Добровского, Павел Шафарик опубликовал получившие широкую читательскую аудиторию книги «Славянские древности» (1837 г.) и «Славянское народоведение» (1842 г.). Свои собиратели были у поляков,[40] словаков, словенцев, сербов.

В Северной Америке поэт Лонгфелло, использовав записанные Генри Роу Скулкрафтом[41] алгонкинские и ирокезские мифы и легенды сочинил и издал поэму «Песнь о Гайавате».

В первые три десятилетия XIX в., получившие название «эпохи романтизма», теоретической основой фольклористики была так называемая «**мифологическая школа**». Школа имела два основных источника.

Первый источник — успехи сравнительного религиеведения. В 1795 г. французский ученый Шарль Дюпюи написал труд под названием «Происхождение всех культов». В нем он старался доказать, что боги всех религий — всего лишь олицетворения Солнца и других небесных светил. Эта идея была взята фольклористами на вооружение и развита дальше. *Вторым* источником школы стали данные сравнительного индоевропейского языкознания. Датчанин Расмус Кристиан Раск, немец Франц Бопп и другие лингвисты сделали вывод о существовании индоевропейской семьи языков. В XVIII в. были переведены и опубликованы ведические гимны Индии и иранская Авеста. К ним прибавились результаты изучения германо-скандинавского эпоса. Античная литература и мифология были известны и ранее. Обнаружилось сходство имен богов (санскритский Варуна — греческий Уранос, санскритский Дьяус греческий Зевс и т. д.), сходство мифологических сюжетов.

Философской базой мифологической школы стал романтизм Фридриха Вильгельма Шеллинга (1775-1854) и братьев Августа Вильгельма Шлегеля (1767-1845) и Фридриха Шлегеля (1772-1829), воспринимавших мифологию как «естественную религию», необходимое условие и первичный материал всякого искусства, ядро и центр поэзии. Окончательно мифологическая школа оформилась с появлением работы братьев Вильгельма Гримм (1786-1859) и Якоба Гримм (1785-1863) «Немецкая мифология» (1835).

К приверженцам школы относились: в Германии А. Кун, В. Шварц, В. Манхардт, в Англии М. Мюллер, Дж. Кокс, в Италии А. Де Губернатис, во Франции М. Бреаль, в Швейцарии А. Пикте, в России А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, О. Ф. Миллер, И. А. Худяков, А. А. Котляревский.

Основные идеи школы:

- некогда существовал единый индоевропейский пранарод, говоривший на «праязыке» и разделявший единую систему религиозных представлений;
- расселение индоевропейцев привело к распаду их языково-культурного единства, которое, однако, можно реконструировать;
- религиозные представления отражались в мифах; из мифа в процессе его эволюции (деградации) возникли сказка, эпическая песня, легенда и другие жанры;

ставленный и изданный (от имени своего десятилетнего сына) писателем и историком литературы Шарлем Перро. Сказки были литературно переработаны. В 1704-1717 гг. в Париже были изданы арабские сказки «1001 ночь» в переводе Антуана Галлана. В 1757 г. швейцарский критик и поэт Иоганн Якоб Бодмер издал часть «Песни о Нибелунгах». Эти публикации служили образцом для энтузиастов-собирателей фольклора, но, в целом, интерес к устному народному творчеству до конца XVIII в. проявлялся только спорадически. Гердер, исходя из своей теории «национального духа», выражал крайнюю озабоченность, что народная поэзия эстонцев, латышей, вендов, поляков, русских, фризов, пруссов оставалась совершенно неизученной.

[39] Позже — «Общество древностей Франции».

[40] Особенно Оскар Кольберг (1814-1890), начавший в 1857 г. публиковать свой труд в 39 томах «Народ».

[41] Генри Рой Скулкрафт (1793-1864), один из основоположников американской этнологии и фольклористики, с 1817 г. путешествовал в качестве правительственного геолога, а с 1822 г. жил среди американских индейцев как специальный государственный агент и деятельно записывал алгонкинские и ирокезские мифы и легенды. С 1847 г. по поручению правительства собирал сведения об индейцах, которые издал в 6 томах между 1851 и 1857 гг.

– изначально в мифе обожествлялись атмосферные явления и небесные светила солнце, луна, гроза, небо, ветер и т. д.;
– фольклор современных (XIX в.) народов Европы — остатки древнего астрально-магического мировоззрения (например, сказочные Иван и Марья — солнце и луна, умный сын у глупого отца — это день и ночь, или лето и зима, дочь семилетка — утренняя заря, серый конь — рассвет, черный конь — ночь, и т.д.);
– фольклор — бессознательное и безличное творчество «народной души»; действительно национальное искусство возможно только при условии обращения художников к мифологии.

Кроме общепризнанных источников мифологической школы, укажем еще один. Собиранием и изучением фольклора в конце XVIII–начале XIX в. занимались философы, поэты, писатели и литературоведы — *дилетанты в области знаний о культурах*. Фантазеры сами, они ничего не сумели понять в собираемом материале и относились к нему не как к историческому источнику, а как к плоду народной фантазии.[42] Считая устное народное творчество вольными поэтическими размышлениями на астрально-метеорологические темы, мифологи-собиратели фольклора не видели ничего плохого в перекомпоновке и литературной переработке источников. С XVIII в. появлялись и прямые фальсификации — произведения одержимых национальным духом литераторов, опубликованные без указания авторства и выдаваемые за народные произведения.

Трудно сказать, чего от мифологической школы было больше, вреда или пользы. Собранный «мифологами» фольклорный материал обширен, но в значительной своей части для действительно научной разработки непригоден. Методология и теоретические выводы школы в большинстве оказались ошибочными. Предложенные истолкования сказочных образов (символы дождевых туч и проч.) будучи подставлены в любой конкретный текст превращают повествование в галиматью.

Для этнографии мифологическая школа имела самое малое значение, ничем не обогатив ее теоретический и методический арсенал. Это была далеко не последняя из *не оправдавших себя концепций*, знать которые необходимо хотя бы для того, чтобы не повторять ошибок предшественников.

* * *

Параллельно развитию мифологической школы и независимо от него в первой половине XIX в. определилось место этнологии в системе наук. Она стала рассматриваться (и рассматривается доныне) как часть антропологии — науки или даже комплекса наук о человеке, его биологических и социокультурных свойствах.[43]

Знаком превращения этнологии из расплывчатого и неопределенного «народоописания» в дисциплину с конкретным предметом и задачами стало создание научных этнологических обществ — Парижского (1839), Американского (1842), Английского (1843 г.).

§ 5. **Эволюционизм**

В середине XIX в. появилась первая собственно этнологическая теория — эволюционизм.

Старейшим представителем эволюционной школы считается Г. Клемм, опубликовавший в 1843–1847 гг. пятитомную «Общую историю культуры человечества». Вслед за ним австрийский этнолог И. Уингер в 1850 г. выпустил труд «Брак в его всемирно-историческом развитии». В 1859 г. появилась «Антропология естественных народов» немецкого исследователя Теодора Вайца, в 1860 г. — «Человек в истории» Адольфа Бастиана, в 1861 г. — работа «Материнское право» швейцарца Иоганна Бахофена.

Формирование эволюционной концепции завершили английские этнологи: Джон-Фергюссон Мак-Леннан («Первобытный брак» — 1865 г.),[44] Джон Лаббок (Лёббок) («Доисторические времена» — 1865 г., «Начало цивилизации» — 1870 г.),[45] Эдуард Тайлор (Тэйлор) («Исследования в области древней истории человечества»

---

[42] Показательно название работы А. Н. Афанасьева — «Поэтические воззрения славян на природу».

[43] Ещё раз обратим внимание, что не следует путать эту антропологию с отечественным пониманием антропологии как науки о физическом строении человека.

[44] Мак-Леннан ввёл термины «эндогамия», «экзогамия» и представление о приоритете женского счёта родства. За 4 года до него с таким же тезисом выступил швейцарский учёный Бахофен, но он обосновал его лишь на материале античной литературы и мифологии. Книга Бахофена осталась мало известной, к тому же писал он трудно, исторические мысли связывал с мистико-религиозными представлениями. Мак-Леннан об этой книге не знал. Для широких научных кругов он, а не Бахофен открыл «материнское право». В Англии Мак-Леннан сделался очень популярен и считался основателем и главой английской школы первобытной истории. Потом его работы вышли из моды.

[45] Джон Лаббок (1834-1913), позже «сэр» и лорд Эвбери, очень известный археолог (в частности, именно он предложил выделять *палеолит* и *неолит*) и этнограф. Этнографию и археологию Лаббок рассматривал как средство построения истории человеческой культуры в её ранних стадиях, для чего считал возможным применить метод естественных наук, особенно геологии. Археология — это грань между геологией и историей. Для прояснения и дополнения данных археологии Лёббок привлекал сравнительный этнографический материал. Его книга «Доисторические времена» (1865) посвящена археологии, но последние 3 главы касаются специально «современных дикарей». Книга «Начало цивилизации» (1868 г., издана в 1870 г.) — написана целиком на этнографическом материале. Джон Лаббок резко возражал, как впоследствии Тайлор, против клерикально-богословской концепции, что «дикари» — «выродившиеся остатки прежних цивилизованных народов». Вслед за Бахофеном, Мак-Леннаном и другими Лаббок утверждал, что раньше господствовали иные формы

— 1865 г., «Первобытная культура» — 1871 г., «Антропология» — 1881 г.).[46] Сторонником эволюционного учения был английский философ-позитивист психолог и социолог Герберт Спенсер (1820–1903),[47] одно время очень популярный в среде российской интеллигенции.

Кроме названных авторов, к эволюционной школе относятся: в Германии Георг Герланд, Оскар Пешель (им написан труд «Народоведение» — 1874 г.), Генрих Шурц; в Австрии (Чехии) Юлиус Липперт; во Франции Шарль Летурно;[48] в Англии Джеймс Джордж Фрэзер («Золотая ветвь» — 1890 г.).[49] Начало русскому эволюционизму положил К. Д. Кавелин. Другие видные представители эволюционного учения в русской науке: М. В. Довнар-Запольский, Н. И. Зибер, М. М. Ковалевский, М. И. Кулишер, Н. Н. Миклухо-Маклай, Э. Ю. Петри, И. Н. Смирнов, Н. Ф. Сумцов, В. Н. и Н. Н. Харузины, С. С. Шашков, Л. Я. Штернберг.

Основные идеи эволюционизма:

- единство человеческого рода, единство человеческой психики приводят к единообразию развития культуры в любой части света;
- культура развивается от низшего к высшему, от простого к сложному;[50]
- развитие культуры происходит по ступеням, и на каждой ступени в разных культурах обнаруживаются в основном одинаковые проявления;
- различия в быту и культуре народов объясняются неодинаковостью достигнутых ступеней;
- все культуры человечества (по элементам) можно поставить в один непрерывный ряд как последовательные стадии развития.

Появление эволюционизма было подготовлено всем предшествующим *развитием гуманитарного знания*. Идею прогресса, идею единых закономерностей в развитии народов мы видели и в античности, и в европейской науке XVIII в.

В упрочении эволюционного понимания культурного развития немалую роль сыграла *победа идеи эволюции в естествознании*: в астрономии — теория происхождения солнечной системы Канта (1755 г.) и Лапласа (1796 г.), в геологии — учение Чарльза Лайелла об образовании земной поверхности (1830–1833 гг.) в биологии — теория происхождения видов Жана Батиста Ламарка (1809 г.), Чарльза Дарвина (1859 г.), Томаса Гексли (Хаксли) и др. Некоторые этнографы-эволюционисты в своих сочинениях подчеркивали, что вдохновляются успехами естествознания. Например, Тайлор в полемике со сторонниками «теории деградации» ссылался на то, что идея эволюции хорошо показала себя в астрономии и геологии, а значит и в истории культуры прогресс основное и первичное явление.

брака, которые называл «коммунальными», где все мужчины и все женщины небольшой группы считались состоящими в супружестве. Через похищение женщин брак этот сменился индивидуальным, а отсюда развился и обычай экзогамии. Религии, по мнению Лаббока, на заре истории не было, далее последовала стадия «фетишизма», когда человек верил, что может принудить божество, далее «тотемизм», или поклонение природе, затем «шаманизм» (божества могущественнее человека, но доступны лишь шаманам), и «идолопоклонство», или антропоморфизм, вера в богов-творцов мира, соединение религии с нравственностью.

[46] Эдуард Тайлор (1832-1917) имеет наиболее широкую известность среди эволюционистов. Он происходил из зажиточной семьи, готовился к торгово-промышленной деятельности, и даже не получил высшего образования. Во время поездки в Америку в 1855 г. для поправки здоровья заинтересовался древностью и бытом народов этой страны. Вернувшись на родину, начал систематически изучать этнографическую литературу и в 1865 г. издал свой первый серьёзный труд «Исследования в области древней истории человечества». Другая его книга, «Первобытная культура», изданная в 1871 г. принесла автору мировую известность. Она содержит громадную массу материала по духовной культуре народов мира (в основном по верованиям). В труде «Антропология» (1881) Тайлором подводятся итоги предшествующих работ и затрагиваются вопросы развития техники, материальной культуры.

[47] Герберт Спенсер понимал развитие общества как «надорганическое развитие», в отличие от «неорганического» — неживой природы и «органического» — живой. Зачаточные формы «надорганического» развития Спенсер находил уже у высших позвоночных, живущих стадами. По его мнению, «надоорганическое» и «органическое» развитие имеют некоторые аналогии, и общество может быть уподоблено живому организму, пути сообщения — сосудам, товарное обращение — движению питательных соков и т. д. Общество развивается под воздействием «внешних» (природа) и «внутренних» (физическая природа человека, дифференциация рас, психические качества) факторов. Что касается отсталых народов, то они состоят из людей физически, морально и умственно неразвитых.

[48] Шарль Летурно (1831-1902), врач и физиолог по образованию, получил известность как автор работы «Социология по данным этнографии» (1880), где изложил своё понимание того, как этнография может служить основой познания истории человека и его культуры. Написал много других работ со словом «Эволюция...» в названии — об эволюции морали, брака и семьи, собственности, политических и юридических форм, религии, рабства (выходили с 1884 по 1897 гг.). Только развитие производства и развитие материальной культуры не привлекло внимания учёного. Большинство названных книг есть в переводе на русский язык. Книги написаны простым, доступным языком, их много читали, и именно как популяризатор этнографических знаний Летурно получил известность. Каждая «эволюция» исследовалась им совершенно изолированно от других, и подобный подход встречал возражения. Русский этнограф А. Н. Максимов, например, называл эти работы подбором сырых фактов, сдобренным рассуждениями на тему о прогрессе или о разнообразии форм жизни.

[49] Вообще эволюционистских работ было так много, что по остроумному замечанию современника (Пеннимана): «Вероятно, всякий немец, не писавший «Всеобщую историю культуры» в десяти томах, писал «Народоведение» в двадцати».

[50] Этот кажущийся очевидным тезис вступал в противоречие с развивавшейся с начала XIX в. в богословии и публицистике «*теорией деградации*», которая утверждала, что дикари — выродившиеся остатки прежних цивилизованных народов. В частности, теорию деградации поддерживали публицисты Франсуа Рене де Шатобриан (1768-1848) и Жозеф Мари де Местр (1753-1821).

Свою главную задачу все эволюционисты видели в открытии и обосновании *общих закономерностей* развития человеческой культуры, в составлении рядов развития, а потому стремились к максимально полному охвату фактического материала.

Э. Тайлор, безусловно ярчайший представитель эволюционизма рассматривал историю человеческой культуры как «часть истории природы». Разнообразие форм культуры понимал как «стадии постепенного развития». Последовательные стадии соединяют между собой в один непрерывный ряд все народы и все культуры человечества. Причина различий и многообразия культур сводится таким образом к разным ступеням их эволюции. В плане же наследственности человечество однородно. Тайлор допускал, что вырождение в истории возможно, но прогресс — основное и первичное явление, а регресс — вторичное. Первой задачей Тайлор считал естественнонаучную систематику в этнологии. Отдельные категории предметов материальной (копья, палицы, луки, стрелы, плетение, ткани) и духовной культуры (мифы, жертвоприношения, очистительные обряды) уподобляются видам растений и животных, изучаемых натуралистами. Распространение этих предметов и явлений надо изучить так же, как натуралист изучает географическое размещение ботанических или зоологических видов. Если для натуралиста ещё не решён вопрос о происхождении одних видов из других, то для этнографа он ясен вполне, так как развитие в культуре доказывается общеизвестными данными. Например: «Родительская и патриархальная власть являются самыми примитивными учреждениями, как семья представляет собой единицу первобытного общества, так отцовская власть есть зародыш права и власти государственной». Всё, что есть сейчас, в зародыше существовало с самого начала человечества. Направление развития культуры самоочевидно — есть много фактов, которые по своей последовательности могут быть размещены в одном определённом порядке, но никак не в обратном. Прогресс — постепенное усовершенствование, развитие одних явлений из других. Как и виды, явления культуры борются за выживание, что составляет аналог межвидовой борьбы в обществе.

Существенное влияние на последующее развитие науки оказал сформулированный Э. Тайлором «метод пережитков». Под пережитками понимались явления, перенесенные в силу привычки из одной стадии культуры в другую, более позднюю, которые остаются живым свидетельством или памятником прошлого. Такие пережитки Тайлор во множестве находил в быту культурных народов Европы.

Тот же Тайлор выдвинул «*анимистическую теорию*» происхождения религий, чем была окончательно похоронена «мифологическая концепция». Важнейшим преимуществом концепции Тайлора явилась её доказательность — опора на огромный этнографический материал. Это была первая в науке концепция происхождения и истории религий, целиком построенная на данных этнографии.

По Тайлору, вера и обряды дикарей — не жалкое смешение нелепостей. Они по своему логичны. Осмысливая сон, обморок, болезнь, смерть дикарь приходил в своих философствованиях к убеждению, что существует параллельный материальному духовный мир. Веру в духовные существа, лежащую в основе всех религиозных представлений, Тайлор обозначил термином «анимизм». Другой краеугольный камень древних верований виделся ему в представлении о всеобщем подобии. Законы магического мышления вели первобытного человека от признания реальности собственной души к вере в наличие таких же двойников у всех без исключения предметов и явлений окружавшего мира. Анимистическая теория и учение о пережитках сделали Тайлору имя в науке и популярность в обществе.

С возникновением эволюционного направления завершилось формирование этнографии как науки.

Глава 3. **Марксизм и этнография. Л. Г. Морган**

Влияние марксизма на становление теоретической этнографии середины XIX в. в советской литературе преувеличивалось неимоверно. Доходило до утверждений, что эволюционизм возник под влиянием вышедшей в 1859 г., одновременно с трудом Ч. Дарвина, работы К. Маркса «К критике политической экономии». Удивляться этому не приходится, таков был стиль мышления целой эпохи. Для сравнения можно напомнить, что автором «концепции истории России» признавался В. И. Ленин,[51] вообще не имевший исторического образования. В действительности, как раз наоборот, не марксизм повлиял на становление этнографии, а этнография повлияла на развитие марксистского учения. Исторические реконструкции коммунистических идеологов опирались на неверно понятые и тенденциозно истолкованные факты из этнографических трудов третьей четверти XIX столетия.

К. Маркс и Ф. Энгельс относились к числу необычайно плодовитых авторов и оставили после себя десятки томов сочинений. Марксизм никогда не представлял собой ничего мировоззренчески целого, и разные работы его «основоположников» содержат взаимоисключающие утверждения. Все попытки *осовременить* марксизм основаны на выдергивании из «Маркса и Энгельса» одних цитат и полном замалчивании других. В ряде выска-

[51] Об этом говорилось в обобщающих трудах (см., например, Очерки истории исторической науки в СССР. — М., 1966. — т. IV, с. 23-137), в специальных исследованиях, казалось бы, не имеющих к В. И. Ленину никакого отношения (например: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV-первой трети XVI в. — М.: Наука, 1988, с.13); и, разумеется, в учебно-методических изданиях, адресованных студентам (например: Методические указания и тематика практических занятий по курсу «Историография истории СССР». — Казань, 1988, с. 11; и др.).

зываний «классики научного коммунизма», действительно, проявляли элементарное житейское здравомыслие, и спорить там не с чем, в других случаях очевидно, что мысли К. Маркса и Ф. Энгельса не выдержали проверки временем. Поэтому говорить о «марксизме» как явлении можно, лишь назвав те *признаки*, которые выделяют эту идеологию из ряда других политических доктрин.

§ 6. Существо и ошибочность социально-экономического учения марксизма

Квинтэссенция марксизма, его важнейшее принципиальное положение заключено в тезисе **о вреде общественного разделения труда**. С общественным разделением труда связаны существование всеобщего эквивалента (денег), частное накопление, имущественное неравенство и т. д. — всё, с чем «классики» марксизма считали нужным бороться. Соответственно, главная политическая задача виделась им в ликвидации корня «зла» — общественного разделения труда и особенно разницы между умственным и физическим трудом. Только в этом случае мог состояться тот «коммунизм», о котором они мечтали. «Экспроприация экспроприаторов», установление «диктатуры пролетариата» и т. п. рассматривались лишь как *средства* в осуществлении этой грандиозной всемирной акции.

Примером может служить «Критика Готской программы»[52] — работа, написанная в 1875 г. и «**подытоживающая развитие теории научного коммунизма**».[53] Там сказано: "На высшей фазе коммунистического общества, ***после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда***; когда ***исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда***; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и ***общество сможет написать на своем знамени***: ***Каждый по способностям, каждому по потребностям***!".[54]

Ф. Энгельс ошибочно полагал, что на заре человечества (на всех ступенях общественного развития предшествовавших стадии, которую он называет "цивилизацией"), производство было "по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин". "Но в этот производственный процесс, — утверждал Ф. Энгельс, — ***медленно проникает разделение труда***. Оно подрывает коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними (...). Постепенно товарное производство становится господствующей формой. При товарном производстве, производстве уже не для собственного потребления, а для обмена, продукты по необходимости переходят из рук в руки. Производитель при обмене отдает свой продукт; он уже не знает, что с ним станет. Когда же в роли посредника между производителями появляются деньги, а вместе с деньгами купец, процесс обмена становится еще запутаннее, конечная судьба продуктов еще неопределеннее. (...) Товары теперь переходят уже не только из рук в руки, но и с рынка на рынок; производители утратили власть над всем производством условий своей собственной жизни...".[55]

В "Принципах коммунизма" (работе, написанной осенью 1847 г.) Ф. Энгельс утверждал: "...Общество будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов. Тем самым станет излишним деление общества на различные, враждебные друг другу классы. ... **Существование классов вызвано разделением труда**, **а разделение труда в его теперешнем виде совершенно исчезнет** (...) ...Разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им **поочередно переходить от одной отрасли производства к другой**, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. ...**Вместе с тем неизбежно исчезнут и различные классы**. ...**Противоположность между городом и деревней тоже исчезнет**. **Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом**, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам".[56]

Ошибочность марксистской идеи с позиции нашего времени очевидна. Общество — система, а **признак любой системы — иерархия и соподчиненность элементов** (прочитать об этом можно в любом словаре на слово «система»). Общество с «прямым народовластием», «бесклассовое общество» невозможно принципиально. **Весь социальный и технологический прогресс сопровождается постоянным углублением разде-**

---

[52] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд., т. 19, с. 20 и далее.

[53] См. Критика Готской программы // Большая советская энциклопедия, 3-е изд. — М., 1973. — т. 13, с. 451-452.

[54] В данном случае цитируется по: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. — М.: Политиздат, 1985, С. 16.

[55] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. — М.: Политиздат, 1985, С. 366; см. также Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. т. 21, с. 28-178.

[56] Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1. — М.: Политиздат, 1985, С. 90-91; см. также Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. т. 4, с. 322-339.

ления труда, а отнюдь не его ликвидацией. Нет никакого смысла отказываться от специализации и обмена. **Люди не равны от рождения** — у одного есть музыкальный слух, у другого нет, одного интересует спорт, другого — живопись, третьего — проблемы квантовой механики. Жизненные потребности молодой женщины, пожилого мужчины и ребёнка 2-х лет абсолютно различаются. **Равенство как состояние невозможно**. В цивилизованном обществе оно может пониматься только как *равенство юридических прав* граждан, предоставление минимальных *социальных гарантий* и *свободы в реализации способностей*.

Михаил Дудинцев в романе «Белые одежды» пишет: «Равенство — понятие абиологическое. В природе равенства нет. Оно придумано человеком, это одно из величайших заблуждений, породивших уйму страданий. Если бы было равенство, не было бы на Земле развития. Идея равенства позволяет бездарному жить за счет одарённого, эксплуатировать его. И всё равно, захватив себе даже большую часть, бездарный не получит главного — таланта. Идея равенства позволяет бесплодному негодяю с криком забираться на шею трудолюбивому и увлечённому работяге и брать себе лучшее из того, что тот создаёт».

Общество — целостный организм, где каждому общественному слою отводится своя определённая роль. Диктатура пролетариата так же абсурдна, как абсурдна в человеческом организме диктатура правой руки над левой ногой. Если же говорить не о диктатуре, а об управлении, то осуществлять его могут только специальным образом подготовленные люди. Образовательный уровень «пролетариата», или «рабочего класса», слишком низок для руководства хоть кем-нибудь и даже самим собой.

В 1925 г., когда уже стали очевидны все итоги коммунистического эксперимента над Россией, Михаил Афанасьевич Булгаков написал одно из своих лучших произведений — «Собачье сердце». В нём даётся целый социально-психологический срез: типовой комиссар-коммунист — Швондер, новый советский человек (пролетарий, представитель народных масс, вовлечённых в управление хозяйством) — Шариков, представитель интеллигенции старого закала, прямой виновник эксперимента по превращению собаки в человека — профессор Филипп Филиппович, и др. В одном из эпизодов в уста Филиппа Филипповича автор вкладывает изумительную мысль о происхождении современной ему «разрухи». Профессор говорит: «Что такое эта ваша разруха? (...) Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха. Следовательно, **разруха не в клозетах**, **а в головах**. Значит, **когда эти баритоны кричат «бей разруху!»** — я смеюсь. (...) Клянусь вам, мне смешно! Это означает, что **каждый из них должен лупить себя по затылку**! И вот, **когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев** — **прямым своим делом**, — **разруха исчезнет сама собой**. Двум богам служить нельзя! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то испанских оборванцев! Это никому не удается, доктор, и тем более — **людям**, **которые вообще**, **отстав в развитии от европейцев лет на 200**, **до сих пор еще не совсем уверенно застегивают свои собственные штаны**». И далее: «Конечно, если бы я начал прыгать по заседаниями и распевать целый день, как соловей, вместо того, чтобы заниматься прямым своим делом, я бы никуда не поспел... (...) **Я сторонник разделения труда**. В Большом пусть поют, а я буду оперировать. Вот и хорошо. И никаких разрух...».[57]

«Экспроприация экспроприаторов», их физическая ликвидация приведут только к замене одного слоя управленцев на другой, причем куда более бездарный. Дурак-капиталист разорится, дурак-министр «общенародного государства» — никогда. Первый тратит свои деньги, второй — «народные». **Бороться надо не за то**, **чтобы не было богатых**, **а за то**, **чтобы не было бедных**. Ради этого не требуется ни ликвидация имущего слоя, ни «диктатура пролетариата». Все достижимо простым *повышением образовательного уровня населения и естественным ходом научно-технического прогресса*, как это имело место в странах Запада. Художник Илья Глазунов однажды очень удачно сказал: «Утверждать, что сущность исторического процесса — классовая борьба, то же самое, что утверждать, будто семья создаётся для склок».

Возможность присвоения труда одних людей другими людьми, особенно беспокоившая К. Маркса, существует и без всякой частной собственности. Те, кто руководят государством, с его помощью могут перераспределять «общественное богатство» в свою пользу, что происходило и происходит.

Материальное положение директора крупного завода, секретаря обкома, высокопоставленного военачальника в годы Советской власти было несопоставимо с положением «простого рабочего» или колхозника, хотя согласно Конституции все они были равны по отношению к «средствам производства». На этот счёт существует любопытная книга доктора исторических и доктора философских наук Михаила Сергеевича Восленского «Номенклатура. Господствую-

[57] Цит. по: Булгаков М. А. Собачье сердце. Повести, рассказы. — Казань, Татарское кн. изд-во, 1988, С. 129-130. Вне внимания М. А. Булагакова остаётся только один вопрос: что же это была за страна, где народ находился на положении, сравнимом, на уровне художественного образа, со всеми битой, беспородной, голодной собакой? Но не надо требовать от художника слишком многого. М. А. Булгаков не ставил перед собой задачи поиска корней, он лишь констатировал свершившийся факт.

щий класс Советского Союза», впервые изданная в 1980 г. в Германии, а впоследствии переиздававшаяся на различных языках.[58] В ней М. С. Восленский, пользуясь исключительно понятийным аппаратом марксизма-ленинизма доказывает, что советские номенклатурщики[59] являются эксплуататорским классом. В частности М. С. Восленский пишет: «**Вся экономика Советского Союза представляет собой**, ... **одно предприятие и принадлежит одному владельцу — классу номенклатуры**».[60] «...Поскольку **народное хозяйство СССР является коллективной собственностью класса номенклатуры**, а не индивидуальной собственностью его членов, **эксплуатация трудящихся в СССР имеет форму эксплуатации не человека человеком, а человека номенклатурным государством**».[61] «...Надо понять: для трудящегося населения при реальном социализме, как и при любой другой системе, **ничего бесплатного не бывает и быть не может**. Ведь ни государство, ни номенклатура сами не сеют, не жнут, у станка не стоят. Все материальные блага в СССР производятся трудящимися и только ими. **Номенклатура через свою государственную машину эти блага лишь распределяет**, и смысл распределения в том, что класс номенклатуры отваливает львиную долю на свои потребности. Вот почему в условиях реального социализма действительно есть возможность для человека иметь 100-метровую квартиру — да еще с загородной дачей — за ничтожную плату; без труда купить автомашину, а еще лучше — получить ее даром да еще с шофером; отлично и дешево питаться и кормить семью, бесплатно пользоваться хорошими поликлиниками и больницами и бесплатно же отдыхать каждый год в санатории. Все это возможно в СССР. Только вот для этого надо стать членом класса номенклатуры».[62] «Пока я был в Советском Союзе, — говорит М. С. Восленский, — мне казалось естественным, что правящий класс, как это всегда было в истории, является одновременно и привилегированным классом. Только на Западе я понял, что существует вопрос **о мере классовых привилегий**. Как и в социалистических странах, мне довелось на Западе соприкоснуться с людьми различного общественного положения. Были в числе их и те, кто стоит наверху социальной лестницы. В результате во мне зародилось неожиданное ощущение: **насколько же меньше привилегий имеет правящая верхушка на Западе**, **чем в странах реального социализма**! На Западе я впервые увидел, что министры живут, как и все люди, на свой оклад. Оклад высокий, но отнюдь не чрезмерный. Чтобы построить себе дачу, им приходится долго откладывать деньги и кое в чем себе отказывать. У них зачастую нет никакого персонала, их жены сами готовят и убирают в квартире. Все это немыслимо в семье министра страны реального социализма».[63]

Со времени выхода книги М. С. Восленского изменилось многое, но остался неизменным принцип. Российская бюрократия по сей день *распоряжается* собственностью во многие триллионы[64] долларов, хотя, формально, эта *собственность ей не принадлежит*. Помимо высокого должностного оклада чиновник получает надбавки к окладу, льготы по налогообложению, служебные квартиры и дачи, социальное и медицинское обеспечение, в сумме несравненно большие, чем сам оклад. Офисы российских чиновников утопают в роскоши, предоставленный государством автомобиль, спецбольница, спецбуфет надёжно изолируют от нежелательных контактов с управляемым народом.

Одна только квартира в Москве для Ю. И. Скуратова (в его бытность Генеральным прокурором) обошлась бюджету около 500 тыс. долларов США.[65] В 1998-2000 гг. чиновники прокуратуры получили от Управления делами Президента 17 подобных квартир.[66] Ремонт офиса Счётной палаты в 1999 г. стоил налогоплательщикам 160 млн. долларов.[67] В общей сложности 3 млн. долларов обошлись государству квартиры трёх заместителей Министра путей сообщения Н. Е. Аксёненко. 9 млн. долларов стоили дома отдыха того же министерства. Ещё 1 миллион долларов стоили 13 автомобилей «Audi». И это только официально, не считая злоупотреблений по созданию всевозможных дочерних фирм, через которые бюджетные деньги уходили в частные карманы.[68] Для сравнения — пенсия ветерана труда или заработок учителя в тот же период времени составляли 20-30 долларов в месяц, тысячи людей умирали и продолжают умирать от некачественного питания, общего истощения организма, отсутствия денег на тёплую одежду и элементарные лекарства.

---

[58] Русское издание — М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991.— 624 с.

[59] «Номенклатурой» («номенклатурными» работниками, или кадрами) назывался перечень руководящих должностей в СССР, назначения на которые контролировалось партийными органами.

[60] Указ. соч., с. 198.

[61] Там же, с. 193.

[62] Указ. соч., с. 240.

[63] Там же, с. 267. В современной Германии зарплата депутата чуть меньше 9000 долларов в месяц, министра — около 15000 долларов, канцлера — около 21000 долларнов. Жилье и транспорт оплачивается из собственных средств. Бесплатно только машина для служебных поездок и охрана канцлера. Во Франции депутат получает около 8000 долларов в месяц минус $1/3$ на фонды страхования, пенсий и т.п.; премьер — 12000 долларов, министр —9000 долларов. Никакими льготами и привиилегиями западные чиновники не пользуются — они лечатся в тех же больницах, что и все остальные граждане, покупают продукты и вещи на общих оснвоаниях и т. д. Их доходы достаточны, но не чрезмерны, и вполне сопоставимы с доходами рядовых граждан.

[64] Триллион — тысяча миллиардов, 10^{12}.

[65] Публикация телеканала ОРТ 26.02.2000, 21 час.

[66] Публикация телеканала НТВ 9.07.2000, 20 часов 10 мин.

[67] Публикация программы «Время» ОРТ, 17.04.2000, 21 час 50 мин.

[68] Публикация телеканала НТВ 28.10.2001 «Намедни» с Леонидом Парфёновым.

По сведениям весны 2000 г. работа 1 депутата Государственной думы стоила бюджету более 1 млн. руб.[69] Зарплата депутата составляла 6000 рублей в месяц, возмещение расходов, «связанных с выполнением их полномочий» — 420 рублей в месяц. Ежеквартальная дополнительная зарплата, составляла 2000 рублей в месяц, отпускные (отпуск — 48 дней) — 12000 рублей, пособие на лечение — 12000 рублей. Плюс депутат получал командировочные не облагаемые налогом. Депутат имел право выйти не пенсию на 2 года раньше пенсионного возраста. Если депутат проработал в Государственной думе более года, то он получал прибавку к пенсии 3300 рублей, свыше 3-х лет — 4500 рублей.

В 2002 г. заработная плата депутата Государственной Думы **выросла вне всякой пропорциональности к экономическому росту или уровню доходов остального населения** до 16-18 тыс. рублей в месяц. Пенсия достигла астрономической по российским меркам суммы в 12 тыс. рублей в месяц.[70]

Подсчитано, что на 12 тысяч высших функционеров России приходится в среднем по **миллиарду долларов** на каждого (Управление делами Президента владеет собственностью по рыночным ценам 13 триллионов долларов; одних только самолётов у этого ведомства 67 штук). Покой и собственность номенклатуры охраняют 30 тыс. сотрудников федеральной службы охраны, которые также получают зарплату и материальные льготы за счёт налогоплательщиков. В несравнимо более богатой Америке президента страны охраняют только 200 чел. Помимо названной федеральной в России существует ещё 89 номенклатурных структур в регионах (президент или глава администрации со своей командой).[71]

Следствия приватизации государства бюрократией ужасны. Если продолжать пример России, здесь искусственно поддерживается непомерно высокий уровень налогов, призванный удовлетворить растущие чиновничьи аппетиты в условиях экономической стагнации, искусственно занижается зарплата работникам (в РФ доля зарплаты составляет в цене товара 10 %, в рыночных странах — порядка 50 %), чем уменьшается платёжеспособный потребительский спрос и следовательно тормозится развитие рынка. Вдобавок к легальным доходам бюрократия получает ещё и нелегальные, но всем известные. Колоссальное количество всевозможных запретов, сложность оформления бумаг, специально оставленные лазейки и недоговорённости в законах позволяют чиновникам брать взятки за решение вопросов, которые и так должны были бы решаться. Постоянно возникающие провалы в экономической политике бюрократическое государство компенсирует откровенным грабежом — запросто обесценивает вклады, инициирует рост цен, отключает без всякой компенсации подачу электроэнергии или водоснабжения, задерживает выплату заработной платы и т. д. Подавляющая часть населения «посткоммунистической» России закрепощена по месту «прописки» («регистрации») и находится в полной зависимости от «социальных» подачек местной власти, не имеет доступа к современным средствам связи и каналам информации, не может свободно перемещаться по стране и выезжать за рубеж.

К. Маркс называл государство «*частной собственностью бюрократии*» и предлагал вместе с общественным разделением труда уничтожить и его. Не менее определённо высказывался по тому же поводу Ф. Энгельс: «С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, *отправит всю государственную машину* туда, где ей будет тогда настоящее место: *в музей древностей* рядом с прялкой и с бронзовым топором».[72] Действительная задача состоит не в ликвидации государства, а в превращении его из самодовлеющей, полумистической силы **в инструмент**, **служащий общественным интересам**.

---

[69] В бюджет на Государственную Думу было заложено 530 млн. рублей (20 млн. долларов) и отдельно денежное содержание 450 депутатов — 68 млн. рублей (2,6 млн. долларов). Кроме зарплаты депутату оплачивается переезд с семьёй в Москву, выдаются единовременные денежные пособия (как самому, так и родственниками), компенсация на покупку жилья в Москве в десятки тысяч долларов, оплачивается проживание в лучших гостиницах (в 2000 г. оплачивалось до 40 долларов в сутки), либо в служебной квартире с мебелью и телефоном. Транспортные нужды депутатов обслуживает гараж с «Волгами» по вызову (руководители комитетов и фракций пользовались персональными "Audi", спикер — "Audi" и охраной). При желании депутат мог поправить здоровье в поликлинике Управления делами президента. Для отдыха депутатов имелось 20 прекрасных санаториев. Путёвки продавались со скидкой. Орган исполнительной власти на месте избирательного округа был обязан предоставить депутату транспорт, охраняемое помещение с мебелью и полной оргтехникой (ПК, телефон, принтер, копиры, сканеры). Депутат пользовался бесплатным проживанием в гостиницах тех городов, куда он выезжал по любым делам. Место ему обязаны предоставлять в течение часа (то же для сопровождающего). К услугам депутата — бесплатная правительственная междугородная и международная связь без всяких ограничений по времени и в любом месте. Так же бесплатно и в любых количествах депутат мог пользоваться воздушным, водным, железнодорожным и автомобильным транспортом (кроме такси) — без очереди билеты на любой самолет по территории РФ, купейный вагон, каюта 1 и 2 классов судов всех категорий (без лимитов поездок). Помощник депутата получал от государства зарплату в 65 % от зарплаты своего шефа. Не возбранялось, чтобы помощником был родственник. Предполагалось, что при роспуске Государственной думы депутат получит 3 оклада в компенсацию. Возвращение депутата домой, по завершении работы Думы, также должно было осуществляться за счёт налогоплательщиков.

[70] Публикация телеканала РТР 06.04.2002, программа Н. К. Сванидзе «Зеркало», 20 часов 55 минут.

[71] См. Туровер М. Почему номенклатура — коллективный коррупционер // Ульяновск сегодня, 2000, 11-17 февраля, № 7 (18).

[72] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. — М.: Политиздат, 1985, С. 366; см. также Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. т. 21, с. 28-178.

Общество без частной собственности, общество диктатуры одного класса над всеми остальными, представляет не светлую перспективу человечества, а ***самую архаичную социальную модель***. Примерно по такому принципу строились деспотические государства древности, благополучно развалившиеся в ходе частного накопления и в столкновении с более передовыми режимами и идеологиями. Последний классический пример — *империя инков*, где не было денег, господствовал государственный план, велся строжайший учет и контроль, труд был обязателен для всех и т. д. и т. п., а диктатуру осуществлял слой наследственных управленцев.

Если даже действительно частной собственности предшествует «общественная», то из этого вовсе не следует, что вторая должна опять сменить первую, подобно тому, как многоклеточным организмам предшествуют одноклеточные, но это не означает, что мы в перспективе неизбежно сольёмся в одно большое одноклеточное. Другой вопрос: если однажды в истории общественная собственность *естественным образом* была сменена частной, то почему это не может произойти вторично, уже после того как общественная собственность будет искусственно навязана обществу? Подобный эксперимент история уже поставила — перестройка в Советском Союзе.

Коммунизм требует от человека действий в ущерб себе. Нормальное желание хорошо жить, вкусно есть и сладко спать объявляются постыдными. Человека принуждают к бесконечному самопожертвованию ради некоей «Идеи», которая может бесконечно меняться в зависимости от настроений в правящей группе. А если человек не хочет этого делать, то, как показывает практика, его приносят в жертву насильно.

Попытка принудительной реализации марксистской программы социальных преобразований, начавшаяся в 1917 г. с России, нашла продолжение в странах Азии (Китай, Вьетнам, Корея, Кампучия и др.), Африки, Латинской Америки и обошлась человечеству в десятки миллионов убитых и зверски замученных. Всего погибло не менее 95 миллионов человек. В том числе: в Советском Союзе — не менее 20 млн. чел., в Китае — 65 млн. чел., Вьетнаме — 1 млн. чел., Северной Корее — 2 млн. чел., Камбодже — 2 млн. чел., в странах Восточной Европы — 1 млн., в Африке — 1,7 млн. и т. д. По количеству жертв даже «национальный социализм» не имел таких последствий.[73] При этом ни в одной стране мира марксистам и коммунистам не удавалось создать процветающей экономики и социальной системы. Если судить не по лозунгам, а по *результатам*, складывается впечатление, что в массовых убийствах и состоит «всемирно-историческое» значение коммунизма.[74] Весьма показательна сама география коммунизма — он приживается только в регионах с глубокими традициями деспотизма и рабского состояния народа. Опыт стран Азии, Африки и Латинской Америки показывает также, что коммунизм успешно сочетается с различными местными верованиями, основанными на колдовстве и магии.

Сама по себе **собственность на средства производства очень мало что определяет**. В XIX в., предположим, частная собственность присутствовала и в России, и в Италии, и в Японии. Тем не менее, эти страны исторически совершенно различаются. Несложно убедиться и в том, что **внедрение частной собственности не гарантирует процветания и не служит панацеей от социальных проблем**. В современном мире в Пакистане, Индии, Гватемале и десятке других стран, где представлена частная собственность, **нет тех достижений**, **какие имеются в ведущих странах** так называемого «свободного мира». Частная собственность — условие необходимое, но не достаточное.

Не является универсальным показателем развития общества и степень развития «производительных сил».[75] СССР и США 1970-х гг. представляли собой промышленно развитые страны, где люди, занятые в промышленности и обслуживающих её отраслях, на транспорте, в торговле составляли большинство населения. Но из этого равным счётом ничего не следовало в сфере идеологии. Да и сама промышленность этих стран была разной: по принципам организации, по используемым средствам, по целям функционирования.

Выдающимся экономистом Карла Маркса считают абсолютно не оправданно, его работы в этой области были совершенно дилетантскими.[76] Что касается Фридриха Энгельса, то он был заурядным частным предпринимателем и не имел даже законченного среднего образования.[77] Лучшее из сделанного К. Марксом — критика ранней стадии промышленного капитализма, но ее достаточно критиковали и без него.

---

[73] В нацистских лагерях было замучено около 11 млн. чел. Общее число жертв нацизма некоторыми историками оценивается в 25 млн. чел.

[74] В истории случалось, что высокими идеями оправдывались чудовищные преступления. Такова, например, инквизиция в истории христианства. Но в самой доктрине христианства вы не найдёте призывов к насилию. В случае с коммунизмом всё не так. Ставка на насилие делается именно в теории марксизма. Рекомендую прочитать статью доктора философских наук Александра Сергеевича Ципко «Хороши ли наши принципы», опубликованную в журнале «Новый мир», 1990, № 4.

[75] Об этом см. также ниже в разделе «Теоретические построения в советской этнографии».

[76] К. Маркс (1818–1883) учился в Трирской гимназии (окончил в 1835 г.), Боннском, потом Берлинском университетах. В Бонне К. Маркс слушал лекции по греческой и римской мифологии и истории искусства, в Берлине он занимался преимущественно философией. В 1842 г. Маркс получил степень доктора философии университета в Йене (где были наиболее низкие требования к диссертациям) за сочинение о различиях между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. В 1842-1843 гг. К. Маркс работал в «Рейнской газете».

[77] Ф. Энгельс (1820–1895) учился в городской школе, затем в гимназии, которую не закончил. Университетского образования как такового не имел. В 1841–1842 гг., отбывая воинскую повинность в качестве бомбардира в артиллерийской бригаде в Берлине, ходил

ранней стадии промышленного капитализма, но ее достаточно критиковали и без него. Несостоятельность К. Маркса как социолога-прогнозиста, а именно это поприще он считал для себя главным, уже к концу XIX в. стала совершенно очевидной. «Капиталистический» мир демонстрировал абсолютно иные тенденции в своей эволюции, что было очевидно уже для Карла Каутского, которого Фридрих Энгельс считал своим преемником.

Весь прогресс в современном мире сосредоточен там, где в наибольшей степени **раскрепощена личность**, раскрепощена во всех отношениях, и в экономическом — в том числе.

В «западной культуре» человек уже очень давно воспринимается как индивидуальность, первичная по отношению к любой коллективности. Общество — совокупность индивидов. В странах Востока (Индия, например) традиционно считается наоборот — социальное целое онтологически[78] предшествует отдельно взятому индивиду. Знаменитые русские поговорки «я — последняя буква алфавита» и «все солдаты — не в ногу, один — в ногу», красноречиво свидетельствует, что для нашего мышления нормальным считается ходить строем и быть «как все», то есть подавлять в человеке индивидуальное.

К науке марксизм имеет малое отношение. Это чисто политическая концепция, *своеобразная форма верований*. М. Горький в своей художественной автобиографии вспоминает слова В. Г. Короленко о марксизме: «***Не спешите выбрать верования***, я говорю — выбрать, потому что, мне кажется, теперь их не вырабатывают, а именно — выбирают. Вот, быстро входит в моду материализм, ***соблазняя своей простотой***. Он особенно ***привлекает тех, кому лень самостоятельно думать***».[79]

Многие из тех, кто в современной России называют себя «коммунистами», никогда не читали ни «Критики Готской программы», ни «Манифеста коммунистической партии», не понимают противоречивости коммунистической теории, ничего не знают об эволюции взглядов Маркса, Энгельса, Ленина, Карла Каутского и т. д. Заявляя о себе как о коммунистах, они просто ностальгируют по безвозвратно ушедшим годам молодости и привычному бюрократическому режиму, от которого, при его возрождении, ожидают социальных благодеяний.

§ 7. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на древнее общество и эволюцию семейно-брачных отношений. Гипотеза Л. Г. Моргана

Вплоть до конца 1850-х гг. Маркс и Энгельс почти не использовали в своих работах этнографический материал и в таких, казалось бы, концептуальных сочинениях как «Немецкая идеология» (написана совместно Марксом и Энгельсом в 1845–1846 гг.) и «Манифест коммунистической партии» (1847 г.) не говорили ничего конкретного о дописьменной истории. В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» Маркс выделил как самую раннюю «*азиатскую форму собственности*», где объединил общинные формы жизни у славян, кельтов, германцев, греков и формы деспотического устройства азиатских государств (т. е. все, что по его мнению предшествовало в историческом и типологическом смысле греко-римской античности). В первом томе «Капитала» (1867 г.) уже много ссылок на этнографический материал. Маркс прочитал книгу А. Бастиана «Человек в истории» (отозвавшись о ней: «...Плохо, сбивчиво, бесформенно»), возможно, познакомился и с другой, аналогичной по направленности литературой.

Революцию во взглядах «классиков» на исторический процесс произвело знакомство с книгой американца Л. Г. Моргана «Древнее общество». С этого времени в марксистские сочинения проникло понятие «*родовое общество*», куда, в отличие от «азиатской формы собственности», «азиатского способа производства», деспотические государства Востока уже не зачислялись. Почти год К. Маркс изучал труд Л. Моргана, предполагая написать собственную версию истории первобытного общества, но не успел (умер в 1883 г.). В 1884 г. не он, а Ф. Энгельс по материалам Л. Моргана и марксовским конспектам написал и выпустил книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Льюис Генри Морган (1818–1881) был богатым человеком, адвокатом, акционером компаний.[80] Жил в г. Рочестере штата Нью-Йорк. В молодости он сдружился с несколькими индейцами-ирокезами,[81] начал интересоваться условиями жизни индейского населения, защищать его права (американская политическая система это позволяла). 31 октября 1847 г., в благодарность за выигранный судебный процесс о собственности на землю против одной частной компании, ирокезы (племени сенека) усыновили Моргана. Последний, став среди индейцев своим человеком, деятельно занялся этнографическими наблюдениями.

в университет слушать лекции.

[78] Т. е. с точки зрения философского понимания бытия.

[79] Горький М. Собрание сочинений. Издание третье. Том IX. — М.; Л., 1947, с. 708.

[80] Идеологи пролетариата также сами не были пролетариями. К. Маркс был сыном зажиточного адвоката, происходившего из еврейской раввинской семьи, Ф. Энгельс был фабрикантом. В. И. Ленин, благодаря заслугам отца, являлся потомственным дворянином и сполна использовал своё привилегированное положение.

[81] В числе его друзей был видный общественный деятель Эли Паркер. Морган организовал общество «Великий орден ирокезов» (1840) с целью пропаганды «добрых чувств к краснокожему», оказания индейцам культурной и правовой помощи.

Моргана заинтересовала система родства, сходная у разных групп ирокезов. В отличие от европейца, ирокез называл «отцом» не только действительного отца, но и всех его братьев (родных, двоюродных, троюродных и т. д.), «сыновьями» и «дочерьми» — не только собственных детей, но и детей своих братьев, «матерью» ирокез называл и действительную мать, и её сестер, «внуками» — не только собственных внуков, но и детей сыновей и дочерей своих братьев. Аналогично, ирокезка именовала «детьми», помимо собственных, детей своих сестер и т. д.

Вначале Морган счел эту систему специфично ирокезской, но изучив сравнительный материал по другим странам, собранный через Смитсоновский институт[82] (разославший специальную печатную анкету), убедился в обратном. В 1866 г. он написал, а в 1870 г. издал труд под названием «Системы родства и свойства человеческой семьи». В развитии тех же взглядов в 1877 г. появилась его новая книга «Древнее общество». В общей сложности этнографическими наблюдениями Морган занимался почти 40 лет.

Морган назвал привычную для нас систему родства «описательной», а системы, подобные ирокезской, — «классификаторскими» (подразделив их на «малайские» и «турано-ганованские»). Далее Морган **совершенно бездоказательно** сделал допущение, **предопределившее выводы** исследования. Он почему-то решил, что *каждому типу терминологии непременно должна соответствовать особая форма брака и семьи*. Если современному моногамному браку, характерной чертой которого является исключительность сожительства, соответствует описательная система родства, то какими же должны быть брачные отношения, чтобы породить «классификаторскую систему»? Представив картину, когда группа мужчин, являющихся братьями (родными, двоюродными и т. д.), состоит в браке с группой женщин, являющихся сестрами, мы, уверял Морган, найдем в ней полный комплекс отношений, выраженных в ирокезской системе родства.

В итоге Морган выделил несколько стадий брачно-семейных отношений: «промискуитет» — беспорядочное половое смешение между людьми;[83] «кровнородственная» семья — брачные отношения между родными братьями и сестрами допускаются, но между родителями и детьми уже запрещены; «пуналуальная» семья: групповой брак нескольких сестер с общими мужьями или нескольких братьев с общими женами; «парная», или синдиасмическая, семья «без исключительного сожительства»; «патриархальная», т. е. полигамная семья; «моногамная семья» современного вида.

Противореча сам себе, Морган утверждал, что оказывается не все, а только некоторые семьи породили выделенные им родственные системы. Остальные, будто бы, были промежуточными и никак в терминологии родства не отразились.

Смелость моргановской концепции произвела впечатление. Л. Морган затронул вопрос, по которому было накоплено слишком мало материала. В плену ошибочных версий находились тогда и некоторые другие исследователи. Так, Л. Файсон и А. Хауитт первоначально толковали австралийские материалы примерно в том же моргановском ключе. Положительное отношение к реконструкциям американского исследователя высказали И. Бахофен и Э. Тайлор. Вместе с тем *слабость аргументации* Моргана, произвольности и натяжки в его концепции были видны невооруженным глазом. Поэтому теория «группового брака» и всё, нагороженное вокруг нее, сразу же подверглись критике со стороны таких ученых, как Дж. Лёббок, Дж. Мак-Леннан, О. Пешель и др.

Ф. Энгельсу произведения Моргана понравились в основном тем, что *ставили под сомнение тезис об извечности семьи*. Ведь марксисты XIX в., в отличие от «марксистов» Советского Союза, достаточно отчётливо понимали, что **пока существует семья, режим частной собственности упразднён быть не может**. К. Маркс и Ф. Энгельс вполне серьёзно развивали планы «обобществления» женщин и «общественного воспитания» детей.

Защищая эту идею, Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма» пишет: "Отношения полов станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которое обществу нет нужды вмешиваться. Это возможно благодаря **устранению частной собственности и общественному воспитанию детей**, вследствие чего уничтожаются обе основы современного брака, связанные с частной собственностью,— зависимость жены от мужа н детей от родителей. В этом и заключается ответ на вопли высоконравственных мещан по поводу **коммунистической общности жен**".[84]

С точки зрения марксизма, передача имущества по наследству внутри семьи (как и общественное разделение труда вне семьи) не позволит достичь не только имущественного равенства, но и элементарной «оплаты по труду». Один будет наследовать больше, а другой меньше, вне всякой зависимости от вклада в общественное производство. Руководствуясь этой логикой, Ф. Энгельс и назвал свою, упомянутую выше, работу по мотивам моргановских произведений «Происхождение *семьи, частной собственности и государства*», ибо **семья и частная собственность нераздельны**, государство же марксисты считали орудием эксплуатации неимущих

[82] Smithsonian Institution — одно из старейших государственных научно-исследовательских учреждений США, основанное в 1846 г. на средства английского учёного Джеймса Смитсона.

[83] От латинского «promiscuus» — «смешанный», «всеобщий».

[84] Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. I. — М.: Политиздат, 1985, С. 91; см. также Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. т. 4, с. 322-339.

частными собственниками. Энгельс полагал, что использованный Морганом подход универсален и способен объяснить самые трудные разделы греческой и римской истории, что он пригоден для истолкования основных черт общественного устройства в любой части Земли до возникновения государства.[85]

Полемизируя с Морганом, прежде всего отметим: **ни у одного народа мира отношения «группового брака» этнографически никогда не фиксировались.** «Промискуитет» Морган «реконструировал» чисто умозрительно (проще говоря, выдумал). Сведения о «пуналуальной семье» оказались вымыслом миссионеров — информаторов Моргана. Получены бесспорные свидетельства весьма позднего происхождения «малайской системы родства», на основе которой была «реконструирована» кровнородственная семья.

Отношения между коллективами, поставлявшими друг другу женщин (жён) вполне вероятны. Об этом есть прямые свидетельства. Нечто подобное можно видеть, скажем, в ранней истории Рима.[86] Чисто теоретически, подобные отношения, казалось бы, могли породить «классификаторские системы», однако в действительности этого не происходило, и форма семьи даже при таких отношениях оставалась совершенно обычной.

Морган считал, что термины родства имели групповое значение, поскольку отцовство при «групповом браке» не могло быть достоверно установлено (человек называл «отцом» всех потенциальных отцов). Критики этот постулат не выдерживает. Термин «мать» тоже имеет групповое значение, тем не менее реальное материнство тайны составлять не может.[87] Здесь Морган вынужден был прибегать к логическим увёрткам. Будто бы все женщины, входящие в одну группу с матерью, называются одним термином, потому что они общие жены «отцов».

В Австралии есть народы, у которых *сестра отца классифицируется как «отец»* (народы караджери и мурнгин в западной части штата южная Австралия и народ курнаи на юго-востоке штата Виктория).[88] Спрашивается, какие брачные отношения отражает эта терминология?

Морган вразумительно так и не объяснил, почему из всех «реконструированных» им форм семьи только одна породила терминологию, отличную от современной. Почему нет, скажем, своей терминологии (хотя бы в пережиточном виде) для довольно распространенной полигамной семьи?

Конрад Старке, убежденный материалист, в книге «Первобытная семья, ее возникновение и развитие» (1886 г.) оценил гипотезу Моргана, как «какой-то бессвязный бред, чтобы не сказать "горячечный бред"». По его мнению, классификаторские системы родства могут выражать только «юридические» отношения между людьми, или как писал позже австраловед А. Элкин, служить целям кодификации общественного поведения.[89]

Известный финский социолог,[90] философ и антрополог, автор «Истории человеческого брака» (1891) Эдуард Вестермарк (1862-1939) отметил, что способы полового привлечения у людей и у животных практически одинаковы и, поскольку люди вышли из животного мира, истоки брака надо искать в половых отношениях животных. Люди живут семьями, животные — тоже. Выдумывать промискуитеты и групповые браки совершенно незачем. По мнению Вестермарка, моногамная семья изначально была основной формой брачных отношений.

Критики Моргана отмечали и то обстоятельство, что его неспроста поддерживают вожди социал-демократии.

---

[85] У Энгельса был и личный мотив. Как известно, он состоял в связи с сёстрами Мэри и Лизи Бернс (см. публикацию М. С. Восленского «Смертные боги» // «Дайджест-Куранты», август 1991, № 3, с. 8-9). Не исключено, что теория Моргана помогала ему подвести под свой образ жизни «историческое» обоснование.

[86] «Городу, основанному согласно этрусским правилам, Ромул дал своё имя и стал его первым царём, учредителем его основных институтов (сената, всадничества, деления народа на патрициев и плебеев, патроната первых над вторыми, легионов и пр.). Для увеличения населения Ромул учредил в священной роще бога Лукариса убежище для беглецов, свободных и рабов, массами стекавшихся в Рим. Так как окрестные племена не желали выдавать за них замуж своих дочерей, Ромул пригласил на праздник в честь бога Конса соседних сабинян с их жёнами и дочерьми и дал приказ римлянам по условному знаку хватать девушек. Сам Ромул женился на Герсилии. Похищение сабинянок привело к войне с царем сабинян Титом Тацием и его союзником царём Ценина Акроном. Убив последнего в поединке, Ромул посвятил его доспехи ... у священного дуба Юпитеру Феретрию («сражающему»), устроив праздник и торжественное шествие, предвосхищавшее триумф. Храм он посвятил Юпитеру Статору («останавливающему») в благодарность за то, что бог остановил его обратившееся было в бегство войско. При посредничестве Герсилии и других сабинянок с сабинянами был заключён мир и союз. Ромул разделил власть с Титом Тацием, и их объединившийся народ стал называться «римский народ квиритов» (по имени Ромула и родины Тация города Куры). Они стали почитать общих римских и сабинских богов, повиноваться общим законам. Народ был разделён на три трибы: Рамнов (в честь Ромула), Луцеров (по одной версии, происхождение этого названия неизвестно, по другой, — оно было дано в честь союзника Ромула этруска Лукумона) и Татиев (или Тициев) (в честь Тита Тация). После смерти Тация Ромул стал править один, ведя победоносные войны с соседями и раздавая народу завоёванные земли...» (см. Штаерман Е. М. Ромул // Мифологический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1991, С. 469-470).

[87] Кроме случая с «амазонскими» культами — А. З.

[88] См. Приложение 1.

[89] Перенос терминов родства на сферу социальных отношений — явление распространенное: именование монахов «братьями», монахинь «сестрами», царя «батюшкой», царицы «матушкой»; обыденное обращение к старшим по возрасту — «отец», «мать», к младшим — «сынок», «доченька»; употребление слова «братан» не по прямому назначению и т. д.

[90] Профессор социологии Лондонского университета в 1907-1930 гг.

Через Моргана в марксистскую литературу проникло представление о ***роде*** как универсальном и основополагающем институте первобытности. Морган считал, что «фратрия» (введенный им термин), племя, конфедерация представляют последовательное развитие родовой форы. Род (genos) был известен задолго до Моргана, с античности, но его обычно (и совершенно справедливо) рассматривали как развитие патриархальной семьи. Морган же наличия семьи в первобытности не признавал, считал, что браки заключались между родами, а после знакомства с работой Иоганна Якоба Бахофена «Материнское право» встал на точку зрения исторического приоритета материнского рода.

В периодизации истории человечества Л. Морган шел вслед за Адамом Фергюссоном (XVIII в.), выделяя «дикость», «варварство» и «цивилизацию» (так называемые «этнические периоды»).[91]

Вульгарным материалистом Морган не был. У него есть упоминания о Божьем провидении, о замысле Высшего Разума. Род он склонялся считать чем-то вроде изобретения, которое легче заимствовать, чем придумать самостоятельно (т. е. признавал явление культурной диффузии). Государство Морган воспринимал как следствие развития ума и знаний людей. Наконец, для него было очевидно, что «развитие частной собственности идет... рядом с прогрессом изобретений и открытий». Судя по некоторым высказываниям, Морган не собирался упразднять частную собственность, а лишь хотел поднять человеческий разум до господства над ней, чтобы общее благо человечества превалировало над интересами накопления богатства отдельными людьми. Но тут же он проявлял наивность, утверждая: «Демократизм в управлении, братство в общественных отношениях, равенство в правах, всеобщее образование будут характеризовать следующий высший социальный строй, к которому неуклонно стремятся опыт, разум, знание. Он будет возрождением, но в высшей форме свободы, равенства и братства древних родов». Идеализация первобытности (тот же «добрый дикарь») при минимуме фактических знаний о ней — одно из самых слабых мест в системе взглядов Моргана. Аналогичными иллюзиями страдали Маркс и Энгельс, которые вроде бы и предостерегали от идеализации общинного быта, справедливо отмечая, что общины «составляли в течение тысячелетий основу **самой грубой государственной формы восточного деспотизма**», но в то же время верили, что при определенных условиях, «родовые учреждения явились бы великолепным отправным пунктом для дальнейшего развития к коммунизму» (письмо Ф. Энгельса к Бернштейну, 1886 г.).

Ни Морган, ни восхищавшиеся его «материалистическим пониманием истории» Маркс с Энгельсом, публикуя свои взгляды, никакого преступления не совершили. Морган изложил свое личное видение древнейшей истории, а Энгельс — тенденциозно-прокоммунистическое понимание этого моргановского видения. Для третьей четверти XIX в. гипотеза Моргана была оригинальной и даже сыграла некоторую положительную роль, заострив внимание на нерешенных проблемах ранней истории. Но уже в начале XX в. в распоряжении науки имелось достаточно фактических данных, полностью опровергавших построения американского автора. В России же, где у власти в 1917 г. утвердились люди, называющие себя «марксистами», вместе с Марксом — Энгельсом, причисленными к лику пролетарских святых, был канонизирован и Морган. В новых условиях все доказательства несостоятельности моргановской версии замалчивались или преподносились как вылазки «буржуазной науки». Давно отвергнутые за рубежом положения его схемы догматически комментировались.

Существование отцовского рода,[92] зафиксированное у самых отсталых народов — австралийцев, аэта, семангов, сеноев, кубу, бушменов, огнеземельцев и т. д., советские исследователи объявили «преждевременным». И как только не пытались уйти от этого «досадного» факта (придумывали «влияние европейской колонизации» и проч.), дабы спасти гипотезу о «приоритете материнского счета родства», «матриархате» и т. д. Летописную фразу о славянах «... живяху каждо со своим родом и на своих местех, владеюще каждо родом своим на своих местех» — некоторые авторы начали истолковывать как указание на «картину родового строя», хотя в годы составления летописи понятия «родовой строй» еще не существовало, и термин «род» употреблен там в другом, нормальном значении. Лишь после Великой Отечественной войны в Советском Союзе было разрешено говорить, что кровнородственной и пуналуальной семьи никогда не существовало.

В современной отечественной литературе уже можно найти указания на недостаточную обоснованность исторической реконструкции группового брака и признание того неоспоримого факта, что, «отправляясь только от живых реально зафиксированных институтов, историю брака и семьи надо начинать с парной семьи». Но до сих пор (2002 г.) с ущербных морганистских позиций написаны все учебники истории первобытного общества. Постулаты марксизма, базирующиеся на заведомых неточностях и предвзятостях относительно первоначальных форм семейно-брачной и социальной организации, являются господствующими в отечественной «науке».

[91] Морган, в сравнении с Фергюссоном, конкретизировал их содержание и первые два периода подразделил на ступени — низшую, среднюю, высшую, указав конкретные признаки «из области изобретений и открытий» (близко к «производительным силам»): добывание огня, лук и стрелы, гончарство, земледелие и скотоводство, металлургия железа и т.д. Морган ошибался, но «материалистичность» принципа в глазах марксистских исследователей затмевала всё. Огонь, как выяснилось, употребляется не со «средней ступени дикости», а с самого начала человеческой истории, употребление в пищу рыбы не связано с огнем — её можно есть вяленой, сырой, мороженной, сушеной. Между средней и высшей ступенью варварства лежит не плавка железа, а вообще металлургия, в частности бронзовая и т. д.

[92] Разумеется, «рода» — не в смысле стороны в «групповом браке», а в обычном значении этого слова.

Благодаря длительной самоизоляции, отечественная историко-этнографическая мысль как бы застыла на рубеже 70-х — 80-х годов XIX столетия.

Материалы (к Главе 3. Марксизм и этнография. Л. Морган, Главе 5. Очерк развития этнологии в России, Разделу 6. Теоретические построения в советской этнографии)

Абраменков С. "Чапанное" восстание // Волжские новости. — 1990. — октябрь. — № 10. — с. 11.
Авторханов А. Зарождение криминального течения в большевизме // Вечерняя Казань. — 1990. — 31 июля. — № 72.
Алданов М. Гитлер // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1990. — № 32. — 33. — 34.
Анфилов В. Самые тяжкие годы // Литературная газета. — 1989. — № 12. — 23 марта.
Арбузов Б. Право на сомнение // Наука и жизнь. — 1989. — № 3. — с. 14-18.
Афанасьев Ю. Где кончается компромисс и начинается отступление // Русский курьер. — 1990. — пробный номер.
Бедняк по-американски // Литературная газета. — 1990. — № 42. — с. 3.
Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссенция: Философский альманах. — Москва: Политиздат. — 1990. — с. 256-278.
Бутенко А. Был ли у России реальный путь к социализму // Наука и жизнь. — 1989. — № 11. — с. 50-57.
Бутенко А. Реальная драма советской истории // Наука и жизнь. — 1989. — № 12. — с. 37-45.
Валентинов Н. НЭП: свидетельство заинтересованного // Знание — сила. — 1990. — № 8. — с. 58-65.
Веледницкий А. Так принято... Походим ли мы на американцев // Неделя. — 1990. — № 44. — с. 5.
Волжский В. Судьба реформаторов // Неделя. — 1990. — № 43. — с. 12-13.
Волкова О. И не друг и не враг — а как ? // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1990. — № 26. — 25 октября.
Восленский М. Номенклатура // Новый мир. — 1990. — № 6. — с. 205-230.
Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. — 1989. — № 9.
Глоток свободы. — или пять часов в голландской тюрьме // Огонёк. — 1990. № 41. — с. 26-28.
Аксененко А. Не нужен нам берег турецкий // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1990. — № 26. — 25 октября. — с. 21.
Головков А. Предварительный диагноз // Огонёк. — 1990. — № 8. — с. 28.
Головнин В. Аксиомы японского сервиса // Эхо планеты. — 1990. — март. — № 11. — с. 26-33.
Дзокаева Т. Бестоварные принципы Владимира Ильича // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1990. — № 25. — 18 октября. — с. 14.
Дневник Бажанова ... // Огонёк. — 1989. — № 38-42. — 45.
Доронкин Г. Акулы социализма // Волжские новости. — 1991. — № 6. — с. 4.
Дяченко С. Страшный месяц пухкутень // Огонёк. — 1989. — № 27. — с. 22-25.
Иванов В. Антикоммунизм — светлое будущее всего // Собеседник. — 1990. — № 43. — с. 10-11.
Как было разогнано учредительное собрание // Аргументы и факты. — № 35. — 1990.
Как поссорился Владимир Ульянов с Карлом Каутским // Начало. — 1990. — № 5. — с. 5.
Карпинский Л. С социализмом наперевес // Вечерняя Казань. — 29 мая. — 1990 г. (или // Московские новости. — № 21. — 27 мая. — 1990 г.)
Кива А. Нужно ли нам покаяние // Известия. — 16 сентября 1990 г.. — № 259.
Кобзев И. С красным флагом против красных // Огонёк. — 1990. — № 30. — с. 9-12.
Конквист Р. Жатва скорби // Вопросы истории. — 1990. — № 1. — 4.
Константиновский И. Лев Толстой как зеркало перестройки // Огонёк. — 1990. — № 45. — ноябрь.
Костиков В. Воля к власти и воля к культуре // Огонёк. — 1990. — № 50. — с. 17-20.
Костиков В. След от шляпы Ю.О. // Огонёк. — 1990. — № 10. — с. 28.
Криворотов В. Вехи. Взлёты и падения особого пути России // Знание — сила. — 1990. — № 8. — с. 50-57; 1990, № 9, с. 28-35.
Кудрявцев А. Антоновщина: чья трагедия? // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1990. — 13 сентября. — № 20. — с. 12.
Куликов Ю. "Что было любимо..." // Литературная газета. — 1990. — № 38. — 18 сентября.
Курносов В. "Но нельзя постоянно обманывать всю нацию" // Вечерняя Казань. — 1990. — № 256. — вторник. — 6 ноября.
Латышев А. Г. Изъяны в наследии // Союз. — 1990. — октябрь. — № 41. — с. 12-13.
Ленин и Мартов: друзья — враги // Аргументы и факты. — № 17. — 1990. — с. 5.
Леонтьев Я. У матросов нет вопросов // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1990. — № 21. — 22 сентября.
Лещинский В. Пахан придёт как мессия // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1990. — № 39. — 13 декабря.
Лосев Е. Трижды приговорённый // Москва. — 1989. — № 2.
Медведев Р.А. Трудная весна 1918 г. // Волга. — 1989. — с. 155-183 (и далее).
Медведко С. Щит или копьё? Репортаж из расположения войск США в Саудовской Аравии // Литературная газета. — 1990. — № 43. — 24 октября.
Мень А. Религия. — культ личности и секулярное государство // Megapolis express Международная еженедельная газета. — 1990. — № 21. — 22 сентября.
Михайлов О. "Окаянные дни Бунина" // Москва. — 1989. — № 3.
Мороз И. Предводитель неизвестной войны // Аргументы и факты. — 1990. — № 37.
Мочалов И.И. Ленин и нечаевщина // Наука. — 1990. — 26 июня и следующие.
Николаев В. Гамбургский счёт // Огонёк. — 1991. — № 1. — с. 6-8.
Нуйкин А. И да здравствует социализм // Огонёк. — 1990. — № 31. — с. 26-30.
Орлов Б. Дикий социализм: улучшим ли его капитализмом // Огонёк. — 1990. — № 36.
Первый русский монархист // Аргументы и факты. — 1898. — № 25.
Петров Р. Третье сословие или уничтоженный капитал // Огонёк. — 1990. — № 27.
Попов Г. Об эволюции бюрократизма и путях его преодоления // Наука и жизнь. — 1989. — № 10. — с. 22-31.

Правила обращения с бесхвостыми обезьянами // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1990. — 8 ноября. — с. 22.
Пришвин М. Я в плену у жизни // Литературная газета. — 1990. — № 42. — 17 октября. — с. 6.
Радзинский Л. Шолохов и власть // Неделя. — 1990. — № 44. — с. 12.
Радзиховский Л. Капитализм в отдельно взятой квартире // Неделя. — 1990. — № 48. — 26 ноября—2 декабря. — с. 7.
Радзиховский Л. Чёрные спицы в красной колеснице // Дайжэест (Эстония). — 1991. — № 4 (35). — с. 9.
Расставание с богом // Огонёк. — 1990. — № 51. — с. 26-30.
Революция победила в 37-м // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1990. — 8 ноября. — с. 22.
Роговин В. Неизвестный Троцкий // Аргументы и факты. — 1990. — № 38. — с. 5-6.
Сагадеев И. Преступление и наказание КПСС // Казанский телеграф. — 1991. — № 2. — с. 5.
Сапоги из шагреневой кожи... // Огонёк. — 1989. — № 32. — с. 13.
Селюнин В. Истоки // Новый мир. — 1988. — № 5.
Сироткин В. Номенклатура // Неделя. — 1990. — № 21.
Сироткин В. Откуда наша ожесточенность? // Литературная газета. — 1990. — № 38. — 19 сентября.
Сироткин В. Уроки нэпа // Известия. — 1989. — № 69. — 10 марта.
Смирнов И. История с историей // Знание — сила. — 1989. — № 6.
Соколов М. Лубянка: действующие лица и покровители // Собеседник. — 1990. — № 36. — сентябрь.
Солженицын А. Чем грозит Америке плохое понимание России // Волжские новости. — 1990. — № 9. — с. 10.
Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Литературная газета. — 1990. — № 38. — с. 3-6. (см. до раздела способы голосования).
Солоухин В. Не наливают новое вино в старые мехи // Огонёк. — 1991. — № 29. — с. 20-22.
Солоухин В. Читая Ленина // Родина. — 1989. — № 10.
Социалистическое королевство Швеция // Аргументы и факты. — № 17. — 1990. — с. 4.
Столяров К. Яма // Неделя. — 1990. — № 44. — с. 10-11.
Суворов В. Исповедь шпиона // Собеседник. — 1990. — № 43. — с. 11-12.
Судьбы мировой революции // Аргументы и факты. — № 14. — 1989.
Хатюшин В. Не покаяние. — но искупление // Москва. — 1989. — № 4.
Ципко А. Возможно ли чудо // Советская культура. — 1990. — 26 мая.
Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. — 1988. — № 11. — 12; 1989. — № 1. — 2.(см. дополнительную литературу в конце № 11).
Ципко А. Осторожно: большевизм! // Огонёк. — 1990. — № 47. — с. 9-11.
Ципко А. Хороши ли наши принципы // Новый мир. — 1990. — № 4. — с. 173-204.
Ципко А. С. Ленин жив. — а живы ли мы? // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1991. — 3 января. — с. 20.
Чернов В. М. Милостивый государь Владимир Ильич! // Megapolis express. Международная еженедельная газета. — 1991. — 31 января. — № 5. — с. 22.
Чудовище // Московские новости. — 1991. — № 9. — 3 марта.
Шальнев А. Пристрастный взгляд из Гарварда. Книга Р. Пайпса о революции в России // Известия. — 1990. — № 329. — 27 ноября.
Шенталинский В. Хождение по мукам // Огонёк. — 1990. — № 40. — с. 12-13.
Шишков Ю. Теория империализма: ретроспективный взгляд в конце столетия // Наука и жизнь. — 1990. — № 10. — с. 16-24.
Эбестайн В. Государь. — государство. — общество // Знание — сила. — 1990. — № 8. — № 9. — с. 68-73.
Эйдельман Н. Революция сверху в России // наука и жизнь. — 1988. — № 10 и др.
Экономика кривых зеркал // Огонёк. — 1990. — № 20.
См. также о неизвестных страницах гражданской войны — Родина, 1990, № 10; Материалы о голоде 1921 г. и роли Ленина в нём (в том числе Послание патриарха Тихона) — Наш современник, 1990, № 4; Таблицу затрат времени на производство продуктов. — Наука и жизнь, 1991, № 2, с. 8.

§ 8. Школы и направления европейской и американской этнографии конца XIX — середины XX в.

К концу XIX в. этнография вступила в новый этап. Непосредственные этнографические наблюдения, которые ранее делались торговцами, миссионерами, путешественниками, теперь стали проводиться специально подготовленными учеными по предварительно разработанным программам. Начали снаряжаться большие, чисто этнографические экспедиции — на острова Торресова пролива (1898 г.), в северную часть Тихого океана (1899–1902 гг.) и др. Не стояла на месте и теоретическая мысль.

Эволюционизм утратил монопольное положение в этнографии. Его продолжали исповедовать такие ученые, как Дж. Фрэзер, Л. Нидерле, Л. Я. Штернберг. Вместе с тем появлялось все больше фактов, необъяснимых из собственно эволюционной схемы мышления. Потребовались новые теоретические модели. Они не сменяли одна другую, а *сосуществовали*, поскольку затрагивали разные стороны функционирования культур. Проверялись разные версии.

Благодаря **антропогеографической школе** Фридриха Ратцеля[93] (1844–1904) в этнологию на новом исследовательском уровне вошла **теория среды**.[94]

[93] Профессор географии в Мюнхенском, а с 1886 г. в Лейпцигском университете.

[94] Первые попытки рассмотреть вопрос о значении географических условий для формирования общественных и политических отношений делались ещё в античности. В средневековой европейской научной традиции особое внимание роли среды уделял французский философ XVI в. Ж. Боден. В XVIII в. его последователем стал Ш. Монтескье, трудами которого теория среды приобрела широкую известность.

В работах «Антропогеография» (1882–1891), «Народоведение» (1886–1888), «Земля и жизнь» (1901–1902 гг.) Ф. Ратцель попытался дать общую картину расселения человечества по Земле и развития культуры в связи с географическими условиями. По мнению Ф. Ратцеля, «на одинаковой почве складываются сходные явления в жизни народов и государств, которые можно классифицировать по географическому принципу». Среди этнологов XIX в. Ратцель первым обратил внимание на *закономерности распределения явлений культуры по странам и зонам*. У эволюционистов культурные явления были отвлечены от конкретных условий бытования и существовали как бы сами по себе, подобно неким звеньям в умозрительной цепочке. Ратцель считал природные условия важнейшей причиной различий между народами. Он же одним из первых поднял вопрос о *явлениях культуры как признаках связи народов*: расы смешиваются, языки меняются или исчезают, самосознание людей меняется, предметы же сохраняют форму и ареал бытования. Отсюда, важнейшая задача — изучить распространение этнографических предметов, и выявить признаки связи, которые могут сглаживаться благодаря контактам народов (переселение, завоевание, обмен, торговля, развитие путей сообщения и др.). Тезис об относительной независимости предметов культуры получил гипертрофированное развитие у собственно диффузионистов.

В конце XIX в. преобладающим направлением в немецкой философии стало *неокантианство*. В. Виндельбанд и Г. Риккерт, крупнейшие представители фрейбургской (баденской, юго-западной) школы неокантианства, приложили идеи этого философского направления к историческим наукам. Историю они понимали как дисциплину (группу дисциплин), изучающую *единичные, неповторимые явления* и оперирующую «ценностями». Причины исторических событий, считали сторонники школы, понять нельзя, а можно только реконструировать ход этих событий.

В области этнологии под влиянием неокантианства сформировалось несколько направлений **диффузионизма**. Для него было характерно противопоставление эволюционистской идее исторического развития концепции пространственного перемещения явлений культуры, поиск центров происхождения народов и культур. Связанная с диффузионизмом **теория миграций** утверждала, что каждый элемент ранней культуры человечества возникал лишь *единожды* и перемещение культурных ценностей превалировало над их многократным самостоятельным изобретением. В изучении областей распространения предметов культуры и путей их миграций диффузионизм тесно смыкался с антропогеографией.

Немецкий этнолог Лео Фробениус (1873–1928) создал в рамках диффузионизма концепцию **морфологии культуры** (культурной морфологии). Заимствуя образно-описательную философию В. Дильтея, Л. Фробениус считал, что культуры развиваются как живые организмы и обладают собственным характером, «культурной душой». Культура переживает рождение, детство, зрелый возраст, старость, смерть. Рождается культура, по Л. Фробениусу, из природных условий или из соприкосновения старых культур. В сходных условиях рождаются сходные культуры. Как всякий организм культура нуждается в питании. Пища культуры — охота, рыболовство, скотоводство, земледелие (словом, человеческое хозяйство). Как организм культура может быть пересажена на новую почву и в новых природных условиях её развитие направится в другую сторону. Без людей культура не может обойтись, поскольку не может без них передвигаться. Поэтому она заставляет человека переносить себя. Человек не создатель, а скорее *носильщик культуры*. Не столько культура создается людьми сколько люди культурой. «Весь процесс развития культуры проявляется в своей истинной независимости от человека. Культура растет сама по себе, без человека, без народа».[95]

В некоторых своих поздних работах Фробениус даже пытался выделить культуры разного пола — мужские и женские. Вначале он сделал это на примере Африки, а впоследствии концепцию полярной противоположности расширил до двух фундаментальных понятий «Запад» и «Восток». Востоку присуще «пещерное чувство», неподвижность, идея непреодолимой судьбы, а Западу — «чувство далёкого», динамичность, идея личности и свободы.

Фробениусу принадлежит попытка построить схему ранних стадий религий, где он выделил три ступени: почитание животных на стадии охотничьего хозяйства, культ предков на стадии оседлого земледелия, почитание солнца («соляризм») в связи с культом священных вождей.

Л. Фробениус внес огромный вклад в изучение этнографии Африки, организовал 12 экспедиций на этот континент.[96] Он был первым кто широко и систематически применял метод картографирования явлений культуры. Составленные им карты и поныне не утратили значения. Анализируя пространственное размещение компонентов культуры, Л. Фробениус выделял так называемые «культурные круги» — ареалы распространения определённой группы явлений культуры.[97]

---

[95] Сравнимо с марксизмом, мистически воспринимавшим термин «производительные силы», как будто бы не человек их создаёт (см. также в Разделе 6).

[96] Л. Фробениус настолько верил в африканский материал, что даже легендарную Атлантиду считал возможным локализовать в Западной Африке.

[97] «Западно-африканский культурный круг», например, включает: прямоугольные дома с двухскатной крышей, лук с растительной тетивой, плетёный щит, многострунные музыкальные инструменты с растительными струнами, барабан в форме песочных часов, маски и проч. (Всё это действительно очень характерно и группируется в указанной области). Фробениус обнаружил также сходство этого круга с культурой Новой Гвинеи и других частей Меланезии. Происхождение этой культуры он вёл из Юго-Восточной Азии, откуда и название — «малайско-нигритская». Фробениус также выделил в Африке ещё две «азиатские» культуры — индийскую и

В 1925 г. во Франкфурте-на-Майне был основан институт морфологии культуры.

На основе работ Ф. Ратцеля и Л. Фробениуса сложилась школа собственно **культурных кругов**, представлявшая попытку глобальной реконструкции первобытной истории. Последний шаг на пути создания новой школы сделали немецкие ученые Б. Анкерманн и Ф. Гребнер (1877–1934).

Они заменили принятое до этого сосуществование культурных кругов в пространстве их *последовательностью во времени*. Выводы о последовательности делались по особенностям размещения культурных кругов. Так появилась возможность говорить не только о культурных кругах, но и о культурных слоях. В виде системы Фриц Гребнер представил новый метод научной общественности в 1911 г.

Он предложил для предмета культуры критерий формы, не обусловленной ни функцией, ни материалом изготовления. От 5 до 20 взаимосвязанных элементов культуры, по Ф. Гребнеру, образуют культурный круг, определяемый ареалом распространения (использовался метод картирования).[98]

На материалах Австралии и Океании Ф. Гребнер утверждал, что ему удалось объединить культурные достижения всех народов Земли на догосударственной стадии в небольшое число культурных кругов (в разных своих работах он насчитывал от 6 до 8 «кругов», которые называл по-разному). Из пространственного размещения «кругов» Ф. Гребнер делал выводы об их временной последовательности и путях передвижения. Круг, занимающий середину какой-то области, — более поздний, так как вытеснял предыдущие. Если более поздний культурный круг в каком-то месте доходит до края области, то значит именно здесь он клином врезался в данную область и начал свою экспансию.

Сходные явления культуры Ф. Гребнер всегда считал исходящими из какого-то одного культурного круга. Каждое явление, каждый факт, будь то мужские союзы или лук со стрелами, появлялся в истории только раз и в каком-то строго определённом месте.

Второй этап развития школы культурных кругов начался, когда к ней примкнули австрийские этнологи В. Шмидт и В. Копперс, связавшие ее с доктриной политического католицизма.

Вильгельма Шмидта (1868–1954) — католического патера, крупного учёного в области лингвистики и этнографии — считают основателем особой **культурно-исторической школы** (Венской школы в этнографии). Теорию культурных кругов В. Шмидт дополнил мыслями швейцарского биолога И. Кольмана о развитии всех животных видов с *малых форм* и счел низкорослые народы самыми архаичными. Древнейшей культурой В. Шмидт признал пигмейскую, представленную наиболее типично семангами и андаманцами в Азии, бушменами и собственно пигмеями в Африке. Затем он поставил в восходящем порядке культуры, выделенные Ф. Гребнером: «тасманийскую», культуру бумеранга и т. д. Получилось, что история цивилизации — ряд культурных кругов, в основании которых лежит круг культуры пигмеев, якобы обитавших по всей ойкумене.[99]

Ф. Гребнер тоже ставил вопрос об историческом возрасте культур, но не так его акцентировал. В концепции В. Шмидта вопрос о возрасте является главным. В. Шмидт предпринял попытку доказать существование монотеизма на древнейшей ступени общественного развития, когда грубые формы верований (магия, фетишизм и проч.) еще отсутствовали, т. е. создал новую версию теории общественного регресса. В. Шмидт настаивал, что отцовское право предшествовало материнскому (потом они развивались параллельно), что моногамия изначально присуща человеческой семье. Для подтверждения этих концепций на средства Ватикана организовывались экспедиции в самые удаленные районы земного шара. После смерти В. Шмидта в 1952 г. сторонники Венской школы постепенно отошли от ее важнейших идей.

Проникновение диффузионистских идей в английскую этнографию связано с именем Уильяма Риверса (1864–1922). Риверс начинал как эволюционист, продолжатель моргановских традиций исследования брачно-семейных отношений.[100] Но, работая над книгой «История меланезийского общества» (издана в 1914 г.), он убедился в несовершенстве эволюционного метода применительно к конкретной территории. Риверс пришел к выводу, что нельзя рассматривать развитие родственных и общественных отношений у меланезийцев как про-

---

семитическую. Древнейшую африканскую культуру, якобы общую с Австралией и Океанией, он назвал «нигритской». Но культура эта одряхлела и от смешения с малайско-нигритской и азиатскими дала специфическую «африканскую», составляющие которой — кожаный щит, нож (развившийся из наконечника копья), музыкальный лук, цилиндроконическая хижина.

[98] Для примера приведём перечень составных частей «восточно-папуасской культуры»: земледелие с возделыванием клубневых растений, рыболовство при помощи ставных сетей, дощатая лодка, хижина с двухскатной крышей, огневая пила (?), спиральное плетение корзин, тяжёлая палица с утолщением на конце, широкий щит — деревянный или плетёный, два экзогамных класса с женским счётом, тайные мужские союзы и пляски в масках, культ духов умерших и черепов, лунная мифология, людоедский миф, пластические изображения духов, круговой орнамент, сигнальный барабан, флейта Пана, однострунный музыкальный инструмент, звучащие дощечки — всего 19-20 элементов.

[99] «Уркултур» — пра- (или первобытная) культура.

[100] Врач-невропатолог Уильям Риверс, заинтересовался этнографией, когда Альфред Хэддон пригласил его участвовать в «Кембриджской экспедиции» на острова Торресова пролива (1898). После этого он изучал племя «тода» в южной Индии. В 1908 г. Риверс совершил поездку на острова Меланезии и исследовал там брачно-семейные отношения, в чисто эволюционистском духе, продолжая и уточняя Л. Моргана.

стую эволюцию, что их многообразие должно иметь объяснение в истории формирования населения Меланезии. Гребнеровское, механистическое понимание процессов распространения культуры У. Риверсу тоже казалось неубедительным. Он надеялся, что его метод станет золотой серединой между старым эволюционизмом и гребнеровским диффузионизмом. Основная идея исследований Риверса — разделить наблюдаемые культуры населения Океании на отдельные элементы, принесенные древними миграциями.

В Океании Риверс находил несколько сменявших друг друга волн населения, видимо направлявшихся из Индонезии. Следы их можно проследить в составляющих культуры. Две наиболее поздние волны Риверс условно назвал по характерному для каждой виду наркотика: «народ кавы» и «народ бетеля». Каждой группе мигрантов он приписывал определённые элементы наблюдаемой культуры. В отличие от Гребнера, который рассматривал каждый отдельный элемент культуры как принесённый в совершенно готовом виде, Риверс полагал, что некоторые явления общественного строя и культуры возникали из самого соприкосновения отдельных культур. Например, тайные союзы, по его мнению, возникли в Меланезии вследствие того, что пришельцы, — «народ кавы» — бывшие в меньшинстве, вынуждены были исполнять свои религиозные обряды втайне от туземцев и т. д.

Под влиянием взглядов Риверса в английской этнографии появилось диффузионистское течение, называемое «**панегиптизм**», «**гипердиффузионизм**», или «**гелиолитическая школа**». Его приверженцы признавали единственный центр древней цивилизации в мире — Египет. Один из виднейших представителей панегиптизма, Графтон Эллиот-Смитт (1871–1937),[101] заинтересовался культурой Египта, погребальным культом, искусством изготовления мумий, издал на эту тему книгу и альбом (1911–1912 г.). Он обнаружил, что у некоторых народов техника мумификации сходна с египетской в ряде деталей. Нашлись и другие аналогии специфическим, казалось бы, чертам египетской культуры.

Эллиот-Смитт предположил, что обычай сооружать мегалитические памятники,[102] мумификация трупов, культ солнца и змеи, изготовление идолов, почитание божественных царей — «сыновей солнца», ткачество, обычай деформации черепа, обычай обрезания, протыкания и растягивания ушей, обычай кувады и т. д. зародились в Египте и около IX–VIII вв. до н. э. начали распространяться по другим направлениям, особенно на Восток (через Аравию, Персидский залив, Индию и Цейлон в Индонезию, Океанию, а через неё и северную часть Тихого океана — в Америку). На этот вывод его натолкнули, по собственному признанию, «поистине делающие эпоху исследования Риверса».

Ядро всего комплекса составили тесно связанные между собой по происхождению — мумификация, мегалиты, идолы. Остальные элементы присоединились случайно. Именно эта случайность, по мнению Эллиот-Смитта, доказывает, что в разных местах ойкумены сами по себе они возникнуть не могли, а исходят из одного центра. Эту всемирную цивилизацию, вслед за историком Броквеллом, он назвал «гелиолитической» (т. е. культурой солнечных камней) по главным признакам — культу солнца и сооружению мегалитов.

Свои взгляды Эллиот-Смитт изложил в книгах «Миграции ранней культуры» (1915) и «Человеческая история» (1930).

Сходно мыслил крупный исследователь Индонезии, известный историк религии Уильям Джеймс Перри. Его главные работы — «Мегалитическая культура в Индонезии» (1918) и «Дети солнца» (1923).

Перри выделял в истории человечества два качественно различных слоя: 1) примитивная культура «собирателей пищи», некогда распространенная повсеместно, а ныне сохранившаяся у наиболее отсталых народов; 2) высокая культура, основанная на земледелии, сложной технике камнестроительства, обработке металлов. Последняя зародилась в Египте. Её элементы: каменные пирамиды, дольмены, гончарство, металлургия добывание жемчуга, шлифованные каменные орудия, два деления в правящем классе («дети солнца» и военные вожди, связываемые с подземным миром), культ солнца, мумификация трупов, культ великой богини-матери, человеческие жертвоприношения, связанные с земледелием, тотемические кланы, дуальная организация, экзогамия[103] и некоторые другие. Египтяне предпринимали длительные путешествия в поисках золота, жемчуга, бирюзы и прочего, и в погоне за ними открывали новые страны.[104] Где бы не появлялись «дети солнца», они приносили и навязывали местным жителям свой тип цивилизации. В смешении египтян с аборигенами рождались культуры все более и более бедневшие по мере удаления от исходного центра.

Всеобщего признания гипотеза Эллиот-Смитта и Перри не получила. Однако никто из их критиков так и не сумел объяснить отмеченных этими (и другими) авторами поразительных сходств в культурах Нового и Старого Света. Из более поздних приверженцев некоторых идей гелиолитической школы можно назвать Т. Хейердала.

---

[101] Графтон Эллиот-Смитт был родом из Австралии, читал курс анатомии в Каирской медицинской школе, а с 1909 г., после переезда в Англию, работал преподавателем в Манчестерском, потом в Лондонском университетах.

[102] Мегалиты — культовые сооружения из огромных необработанных или полуобработанных каменных глыб. Известны в Западной Европе, Северной Африке, на Кавказе и др.

[103] Экзогамия (от греческого exō — вне, снаружи, и gamos — брак) — запрет браков в пределах одного коллектива.

[104] В преданиях инков сообщается о каком-то щупе — «золотом волшебном жезле». Этот жезл пытались воткнуть в землю, подбирая место, где он «сам войдёт».

После второй мировой войны диффузионизм повсеместно потерял влияние. Дольше всего он сохранялся в Скандинавии, где развивалось его историко-географическое направление (Э. Нордшельд). Позже к диффузионистскому методу обратился Р. Хайне-Гельдерн, чтобы с помощью изучения распространения определенных типов топора реконструировать историю заселения южной части Тихого океана. Как частный метод диффузионизм вполне себя оправдывал. В противовес эволюционистам, рассматривавшим человека и его культуру абстрактно, вне времени и пространства, диффузионисты вполне законно поставили вопрос о конкретных культурных связях между народами.

Основателем **американской исторической школы** в этнологии, возникшей в 1890-х гг., был Франц Боас[105] — крупный лингвист,[106] антрополог,[107] этнограф,[108] активный общественный деятель.

Боас считал, что этнография должна изучать всю совокупность явлений социальной жизни и составить в целом «историю человечества», а не одних только цивилизованных наций. Важнейшая цель — открытие общих законов социального развития. Начинать изучение культуры надо с накопления материала: изучения каждой культурной группы и её уникальной истории. Это конкретное изучение нельзя подменять упрощенными абстрактными схемами, поскольку явления, сходные между собой, могут иметь совершенно разное происхождение и совершенно разные функции. Ф. Боас скептически относился к эволюционизму, диффузионизму и проч. Рассматривая каждую культуру как нечто уникальное и особенное, сторонники американской исторической школы проводили детальнейшие описания культур.

В истории этнографической мысли Боас одним из первых, если не первым поставил вопрос о необходимости критического пересмотра всей нашей системы этических понятий. Мысль распространить «наибольшее благо» на наибольшее число людей ни к чему не ведёт, поскольку нельзя определить, что же такое благо. «Социальные идеалы негров Центральной Африки, австралийцев, эскимосов, китайцев настолько отличаются от наших, что оценки, даваемые ими поведению человека, несравнимы». То, что одни считают добром, другие — злом. Ф. Боас указывал: «Научное изучение обобщенных социальных форм требует..., чтобы исследователь освободился от всех оценок, основанных на собственной культуре. Объективное, строго научное исследование возможно только в том случае, если нам удастся войти в каждую культуру на ее основе как таковой». Впоследствии эта идея легла в основу целого направления в американской этнографии — релятивизма.

Эта позиция определила осуществленный последователями Боаса переход от анкетирования к наблюдению как основному способу проникновения исследователя в систему представлений изучаемого народа. Стационарный метод работы, основанный на длительном пребывании в «поле» и отказе от услуг переводчика, требовал от исследователя знания местных языков. Накопление огромного и разнородного материала вызвало необходимость в специальных методах его обработки. Одним из результатов этого явилось развитие этнографического картографирования. Ф. Боасом и его школой изданы многие обобщающие труды и этнографические каталоги.[109]

Наряду со школой Ф. Боаса, в США существовало и другое направление исторической школы — **концепция культурных ареалов**. Граница между двумя направлениями не всегда была четкой, хотя сам Ф. Боас концепцию ареалов отвергал. Создателем теории культурных ареалов считается американский этнолог О. Мэйзон, предложивший в 1894 г. построенную на ее основе классификацию индейских племен.

Развернутую теорию разработали два десятилетия спустя Э. Сэпир и К. Уислер. Другие известные ее приверженцы — К. Кребер и М. Херсковиц. Теория исходила из первостепенного значения производства средств к существованию для вида и способа формирования культуры. В качестве важного компонента рассматривалась географическая среда, открывавшая перед человеком ограниченное число возможностей хозяйственной и культурной деятельности. Выбор между многочисленными возможностями интерпретировался как результат случайно принятого решения носителей соответствующей культуры. По мнению сторонников концепции культурных ареалов, культура может распространяться лишь в той среде, где она возникла, поэтому теория миграций, в чистом виде, ими не принималась.

---

[105] Ф. Боас был выходцем из Европы (происходил из немецких евреев), по образованию — физиком и математиком. В 1883-84 гг. он совершил поездку в Америку на Баффинову землю, где заинтересовался бытом эскимосов. Его научный авторитет постоянно рос, и в 1890-х гг. под влиянием Боаса в американской этнографии сформировалось целое научное направление.

[106] Боас знал 17 индейских наречий. Многие его идеи о диффузии грамматических процессов, о смешанности многих языков, о множественных корнях опередили классическое индоевропейское языкознание.

[107] Огромен вклад Боаса в ликвидацию расовых предрассудков. Он обнаружил очень быстрые изменения расовых признаков. Дети евреев, переселившихся в США и характеризовавшихся относительной короткоголовостью (головной индекс 82-83), обнаружили более удлинённую голову (80-81), а дети выходцев из Южной Италии и Сицилии, сравнительно длинноголовых (78-79), наоборот оказываются более короткоголовыми (79-80). Объяснить этот факт Боас не смог, но для опровержения расистских концепций он значил очень много. Боас также не разделял взглядов об умственной неполноценности и примитивности психического склада отсталых народов.

[108] Новаторство и эрудиция Боаса были так велики, что даже высказывалось мнение о создании им одним всей новейшей этнографии в Америке, в отличие от Европы, где этнография развивалась многими деятелями и из разных источников.

[109] Их ценность очень велика, поскольку Ф. Боас никогда не подгонял факты под схему, даже если это противоречило общепризнанным взглядам на историю.

Американская историческая школа оказала глубокое влияние на европейскую, а частью и на русскую науку. Ее основные идеи разделял такой известный отечественный исследователь, как В. Г. Богораз. В США в 1930-е годы историческая школа начала уступать свои позиции психологически ориентированным направлениям, а с появлением неоэволюционизма и культурного релятивизма окончательно отошла на задний план.

В Европе одновременно с диффузионизмом, в конце XIX в. сложилась **французская социологическая школа**. Ее крупнейший представитель — философ, педагог Эмиль Дюркгейм (1858–1917). Школа, основная задача которой видна уже из названия («социум» — общество), исходила из того что человеческое общество не может быть сведено к сумме индивидов. Общество — система не производственных, не материальных, не трудовых, а прежде всего нравственных (моральных) связей между людьми. Все общественные явления Дюркгейм называл «социальными фактами». Индивидуальная психология для объяснения социальных фактов недостаточна. «Социальный факт» — «приемы действия, мышления, чувствования, внешние по отношению к индивиду», которые как бы навязываются ему и обладают принудительной силой. Сила социальных фактов может проявляться в организованных формах (например, государство) и неорганизованных (общественное мнение и проч.). Бывают «*нормальные*» социальные факты, а бывают и «*патологические*».

Э. Дюркгейм ввел понятие «*коллективные представления*». У человека, утверждал он, есть два сознания: одно — личное, второе — общее для всей данной группы. Второе не заимствуется из непосредственного опыта, а навязывается извне. Коллективное сознание находит выражение в коллективных представлениях — религии, мифах, морали. Они вырабатываются всей группой в целом, являясь, по существу, различными аспектами ее самовосприятия.

По Э. Дюркгейму, каждое общество имеет свою фатальную и неизменную систему нравственных связей. Каждое человеческое объединение — общество — самостоятельная и независимая друг от друга единица. Всемирно-исторической точки зрения Дюркгейм не признавал: «В действительности прогресса человечества не существует. Что существует, что единственно дано для наблюдения — это отдельные общества, которые рождаются, развиваются, умирают независимо одни от других».

Э. Дюркгейм попытался дать классификацию обществ. Самым простым он называл «первобытную орду», далее орда перерастает в «клан», объединения и сочетания кланов дают «племена», «фратрии» и т.д. вплоть до больших империй. Отсюда следовал вывод, что всякое общество есть лишь определённая комбинация одного и того же первобытного общества.

Оригинальностью отличались взгляды Э. Дюркгейма на религию. Основной признак религии он видел в разделении мира на священный (сакральный) и обыденный (профанный). Перейти эту границу человек может только ценой изменения собственного существа: инициация, монашество, религиозный аскетизм, религиозное самоубийство. Анализируя тотемистические представления австралийцев, Дюркгейм сделал вывод, что главный объект культа — не животные, растения, изображения, а некая анонимная и безличная сила, находящаяся в каждом из этих существ или предметов. Индивиды умирают, поколения сменяют друг друга, но сама сила всегда действенная, живая и равная сама себе не меняется. Она оживляет сегодняшнее поколение так же, как оживляла вчерашнее. Тотемистический принцип (бог клана) есть не что иное, как сам клан, род, родовое общество, «гипостазированное и представленное в изображениях под чувственными видами растений или животных, служащих тотемами». Вывод Дюркгейма: всякий предмет поклонения, «бог» есть лишь олицетворение общественных сил, господствующих над человеком. Каждый человек ощущает на себе давление безличной силы общества, постигнуть которую он не в состоянии.

Э. Дюркгейм также считал, что общественная структура послужила первичной моделью классификации предметов мира. С его точки зрения, элементарные логические категории — понятия пространства, времени, причины, тождества, противоречия и т. д. — могли возникнуть только в обществе, где они были нужны для регулирования общественных дел — устройства общих сходок, обрядов, праздников и пр. Индивидуальному охотнику всё это не нужно. Вне общества людям негде взять образец для систематизации явлений природы. По Дюркгейму, человек-одиночка не способен группировать и типологизировать.[110]

Очень существенно методологическое требование Дюркгейма: не смешивать *причину* общественного явления с выполняемой им *функцией*, не подменять казуальное (причинное) объяснение функциональным. Показать, чему служит данный факт, не значит объяснить, как он возник. Функция предмета может меняться, а предмет оставаться сам собой.

Последователем Э. Дюркгейма в сфере изучения духовной культуры был Люсьен Леви-Брюль (1857–1939), разработавший теорию «*дологического мышления*».[111] Леви-Брюль считал, что законы, управляющие коллективными представлениями отсталых народов, совсем непохожи на наши законы логического мышления: они не отделены от эмоций и не направлены на объяснение явлений действительности. Первобытные люди смешивают реальные предметы с представлениями о них, не различают сновидения и реальность, человека и его имя, чело-

[110] Эксперименты, проведённые с обезьянами в последние полвека, показали, что к типологизации и классификации способны даже приматы. Таким образом, данный постулат Дюркгейма, как и многие другие, нуждается в корректировке.

[111] Изучением духовной культуры «примитивных народов» и специфических черт их мышления Л. Леви-Брюль занялся под впечатлением «Исторических записок» китайского историка Сыма Цяня и «Золотой ветви» Д. Фрэзера.

века и его тень и проч. Отсюда, в частности, происходит боязнь быть околдованным через имя (человек у примитивных народов получает массу имён, которые враг не сможет запомнить). Проверка опытом ни в чем не может убедить дикаря. Место логических законов там занимает «*закон сопричастия*». Предмет может быть сам собой и чем-то иным, находиться в одно время в разных местах. Например, люди племени «трумаи» (Бразилия) верят, что они водяные животные, а люди «бороро» — что они красные попугаи. Человек чувствует себя мистически единым с тотемом. «Дологическое мышление» — не то что бы нелогичное, а просто такое, которое не стремится, подобно нашему, избегать противоречий. Особенности этого мышления присущи не мышлению вообще, а только «коллективным представлениям». В сфере личного опыта первобытный человек действует вполне здраво. Леви-Брюль приводил массу примеров в системах счисления, в обычаях, в лечении больных, в погребении умерших, в обрядах посвящения, в верованиях и проч. «Коллективные представления» присутствуют и в современных европейских обществах, но их роль в мышлении «низших обществ» несравненно выше.

Концепция Л. Леви-Брюля произвела сильное впечатление в науке. Под воздействием этих идей находился Н. Я. Марр. Через труды Л. Леви-Брюля многие исследователи познакомились с работами Э. Дюркгейма и его учеников. Оказав значительное влияние на развитие западной этнологии, после второй мировой войны французская социологическая школа прекратила свое существование. М. Мосс — племянник и ближайший ученик Э. Дюркгейма своими трудами способствовал становлению французского структурализма.

Структурализм во Франции связан с именем Клода Леви-Стросса. Помимо учения Дюркгейма, большое влияние на него оказали лингвистика и семиотика.[112] Языковед Фердинанд де Соссюр (1857–1913) высказал такую мысль, что фонемы не обладают каким-либо значением и только их комбинация (слово) приобретает смысл. Этот тезис Клод Леви-Стросс перенес в науки об обществе и стал искать значение не в самих эмпирически устанавливаемых фактах, а в их соотношениях. Основной задачей науки он считал *выявление структур мышления*, скрытых за внешней картиной явления. С 50-х и до конца 70-х гг. XX в. Клод Леви-Стросс оказывал решающее воздействие на образование и методы работы французских этнологов.

Из сделанного Леви-Строссом часто указывают его оригинальную интерпретацию тотемизма.[113] Тотемизм он рассматривал всего лишь как способ классификации явлений природы. Эта классификация, по Леви-Строссу, ничем не отличается от средневековых классификаций и даже современных, применяемых зоологами, потому что основывается на тех же двух принципах смежности и сходства. «Тотемизм устанавливает логическую эквивалентность между обществом отдельных видов и миром социальных групп».

Задачей науки Клод Леви-Стросс считал восстановление структур, скрытых за внешней картиной явления и непознаваемых человеком. По его утверждению наиболее любимы человеком бинарные оппозиции: верх—низ, небо—земля, мужчина—женщина, животное—человек и др. В основе всего лежит генеральная оппозиция: Природа—Культура. Главную сферу приложения идей Леви-Стросса составляли мифы индейцев Южной Америки.

Метод Леви-Стросса справедливо подвергается критике как чисто формальный, игнорирующий реальное содержание явлений. С точки зрения историка, это учение крайне вредное, так как уводит от изучения исторических корней мифов в сферу анализа абстракций. Серьёзное отрицательное влияние оказало на отечественных языковедов, литераторов, специалистов по мифологии.[114]

В Нидерландах с 1930-х гг. развивалось крупное структуралистское направление — **Лейденская школа** (название дано по основному научному центру — университету в г. Лейден). Истоки воззрений школы: 1) лингвистический структурализм Ф. де Соссюра, Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона; 2) идеи французской социологической школы Э. Дюркгейма и М. Мосса. Школу отличают эмпиризм, опора на полевые исследования, внимание к образу собственной культуры, сложившемуся у ее носителей. Основной регион исследований — Малайский архипелаг и Карибский бассейн, излюбленный объект анализа — *системы народных классификаций*. Кроме того анализируются системы символов, брачные структуры, мифологические тексты, материальная культура, религия и т. д. Одни и те же классификационные принципы выявляются в разных сферах культуры, этим доказывается тезис о структурном единстве культуры как системы. Работы Лейденской школы оказали влияние на французский структурализм, школу когнитивной антропологии.

Когнитивная антропология (**этносайнс**, «**новая этнография**») — одно из ведущих структуралистских направлений культурной антропологии США, Великобритании, Японии и других стран. Она зародилась в середине 1950-х годов в США. Значительное влияние на ее формирование оказали лингвистический структурализм и психолингвистические теории. У истоков направления стояли антропологи У. Гудэнаф, Ф. Лаунсбери, Х. Конклин, психологи С. Брунер, Дж. Гудноу, Дж. Остин, лингвисты Д. Хаймс, К. Пейк и другие. Культура, в когнитивной антропологии, — *система символов*, организованных в виде набора правил, *способ организации и осмысления окру-*

---

112 Наука о свойствах знаков и знаковых системах.

113 Термин «тотемизм» заимствован наукой из языка индейцев оджибве, где «от отем» означает «его род». Тотемизмом называют комплекс представлений о родстве между группами людей и отдельными видами животных, растений, предметов, явлений природы.

114 Точка зрения автора.

жающей действительности. Сигналы из окружающего мира группируются мозгом человека в классы на основе культурно обусловленных признаков-сигнификатов («процесс когниции»). Такие классы называются «когнитивными категориями». Они не являются имманентно присущими человеческому мышлению, а усваиваются человеком в процессе инкультурации (приобщения к культуре). В языке, по мнению сторонников школы, заключены все когнитивные категории. Когнитивная антропология занимается сравнением когнитивных категорий в разных культурах. Предпосылка любого сравнения — анализ культуры или ее части в терминах, присущих самой этой культуре. Изучаются системы терминов родства, цветовые таксономии, классификации животных, растений, продуктов питания, болезней и проч. Специфична методика полевых исследований школы: источником познания культуры служат *высказывания самих носителей* о ней, полученные обычно как ответы на стандартизированные тесты. Формализованная методика обеспечивает легкость компьютеризации.

Функционализм в этнографии зародился под влиянием французской социологической школы Э. Дюркгейма и практических потребностей колониальной политики. Первая завершенная функционалистская концепция в литературе связывается с именем немецкого этнолога Р. Турнвальда. Однако наибольшее развитие функционализм получил в Великобритании, где его виднейшим представителем был Бронислав Малиновский.[115] Идеи Малиновского в самом кратком виде сводятся к следующему. Человек — животное, имеющее первой задачей удовлетворить простейшие биологические потребности. Удовлетворяя их, человек добывает пищу и топливо, делает жилище, одежду и т. д. Так создается вторичная производная среда — культура, порождающая новый круг потребностей человека. Средства удовлетворения и основных, и производных (порожденных самой культурой) потребностей Б. Малиновский называл «организацией», а первичную единицу этой организации — *институтом*. Различия между культурами — различия в способах удовлетворения элементарных человеческих нужд. Все процессы эволюции и заимствований происходят в форме изменений институтов.

Малиновский резко критиковал предшествующие этнографические направления. «Диффузионисты», например, по Малиновскому, ущербны тем, что понимают культуру как кучу вещей, а не как живое органическое целое, где каждая часть выполняет функцию, жизненно важную для целого. Доставалось и любимому эволюционистами методу «пережитков». Пережитков в культуре нет, а есть явления, которые приобрели *новую функцию* вместо прежней. Конный экипаж среди автомобилей на улицах Лондона — не пережиток, он удовлетворяет чьи-то романтические, эмоциональные потребности. Устаревшая модель автомобиля — не пережиток, просто у владельца нет средств на новую. Камин при наличии центрального отопления тоже не пережиток, он призван удовлетворить потребность в уюте. Малиновский видел недостаток всей этнографии в том, что разыскивалась экзотика и мало внимания уделялось обыденным действиям. У Малиновского ярко выражен антиисторизм. Он считал, что прошлое бесписьменных народов познать невозможно (нет письменных памятников), поэтому любая реконструкция не даёт надёжных результатов (сколько людей, столько мнений). А главное, она совершенно бесполезна, так как нисколько не помогает понять теперешнее положение вещей. От того, что предки африканских племён были каннибалами, мы никак не сможем понять диету современных африканских детей или рабочих.[116]

Другие видные представители английского функционализма: И. Шапера, Г. Купер, М. Глакмэн, П. Ллойд, Л. Фаллерси, Р. Фирт, Я. Хогбин, А. Браун и др.

Чуть ли не главным признаком функционализма сделалась его прикладная сторона. Малиновский прямо формулировал задачу своих исследований: научить колониальные власти и европейских предпринимателей, как нужно обращаться с туземным населением (в его же интересах), чтобы достигать поставленных целей и избегать конфликтов. При этом он призывал европейцев умерить рвение, прекратить грубое вмешательство в чужую жизнь. Жажда насаждать своё, и напротив искоренять чужое, то, что шокирует нашу моральную, гигиеническую или приходскую чувствительность, происходит от непонимания того, что каждая черта культуры, каждый обычай и верование представляет некоторую ценность, имеет положительное биологическое значение. Уничтожая традицию, вы лишаете социальный организм его защитного

---

[115] Бронислав Каспер Малиновский, поляк по национальности, уроженец города Кракова (1884-1942). Он изучал математику и в 1908 г. получил степень доктора физико-математических наук Краковского университета. Под влиянием «Золотой ветви» Фрезера заинтересовался этнографией, поехал учиться в Лейпциг, а затем перебрался в Лондон. В Германии он познакомился с культурно-исторической школой, в Англии с учениками Тэйлора, а также с ярым противником Моргана Э. Вестермарком. Лектор Лондонской экономической школы (в Лейпциге он изучал экономическую историю), Малиновский в 1914 г. отправился в научную экспедицию в Австралию и Океанию, где и застала его война. Как подданный враждебной страны (Краков находился в Австро-Венгрии) подлежал интернированию, но за него заступились английские этнографы. Неприятность обернулась для Малиновского большой пользой. Два с половиной года он провёл на Тробриандовых островах в Новой Гвинее, где мог беспрепятственно заниматься научной работой. Собранных материалов ему хватило на всю жизнь. Основные труды: «Туземцы Маилу», «Первобытная экономика Тробриандовых островитян», «Аргонавты западной части Тихого океана», «Преступление и обычай в дикарском обществе» и др. С 1924 г. Малиновский читал в Лондонском университете лекции по социальной антропологии, а в 1927 г. возглавил специально созданную кафедру. Состоял консультантом колониального министерства.

[116] Сам Малиновский называл 27 своих предшественников начиная с Геродота и включая Тайлора, Дюркгейма и др. Великим учителем функционализма был Иисус Христос, в Евангелии от Матфея сказано (гл. 7, 16): «По плодам их узнаете их». По мнению Малиновского это есть чистейший функционализм.

покрова. Культурная система представляет целостность, которую нарушать нельзя, иначе рухнет вся пирамида ценностей более высокого порядка, опирающаяся на данную.

Исследования функциональной школы широко использовались английской колониальной администрацией Очень продуктивной оказалась идея «непрямого управления», когда функции низовой администрации выполняли местные племенные вожди. Одновременно изучалось, на чём основывается авторитет этих людей, какие они несут общественные функции и т.д. В США функционализм использовался при выработке политики в отношении индейцев, в отношении рабочего движения. В Германии, утерявшей колонии, и во Франции, осуществляющей прямое политическое господство, он почвы для себя не нашел. В Южной Африке распространением функционалистских идей занимался М. Глакмэн.

Для первого этапа развития функционализма характерна *теория равновесия*. Согласно ей, все элементы каждой культуры уравновешены. Если равновесие нарушается, нужно провести изменения в других областях данной культуры, чтобы вновь его достичь. При этом система стремится к саморегулированию.

Функционалисты утверждали, что даже безусловно вредные, варварские обычаи народов просто так уничтожать нельзя. Вначале надо выяснить все функции, ими выполняемые, и подобрать полноценную (но более приемлемую) замену. Например, попытки запретить межплеменные военные столкновения на Новой Гвинее не приведут ни к чему хорошему. Войны эти не так часты, а жертвы слишком малы. Зато такая война даёт поле для проявления личного мужества, силы, ловкости, инициативы и т.д., нечто вроде драматического и романтического интереса. Потребность в проявлении всего этого есть. Если вы хотите уничтожить подобный обычай, то его не нужно запрещать, а надо вытеснить чем-то новым. Например — постепенно смягчать и превратить в спортивные состязания.[117]

Всякая культура в ходе своего развития, по Малиновскому, вырабатывает у себя некоторую систему равновесия, где каждая часть целого выполняет свою необходимую функцию. Уничтожить одну из функций, которая пришлась не по вкусу колониальным властям — значит нарушить равновесие, подвергнуть культуру, а вместе с ней и народ угрозе гибели.

После окончания второй мировой войны группа ученых во главе с М. Глакмэном разработала *теорию конфликтов*, позволяющую анализировать неравновесные состояния. Теория постулирует неизменный характер конфликтов («конфликт господства»), возникающих только из индивидуальных несоответствий: плохого исполнения должностными лицами служебных обязанностей и т. п. Нормальным состоянием общества признается равновесие, а главная задача видится в недопущении преобразующего действия конфликтов. Сторонники теории исследовали «социальные поля» (разнообразные группы: семья, профсоюзы, театральные и футбольные общества, политические партии и др.) на *африканском континенте*. Теория конфликтов имела значение не только для функционализма, но и для структурализма в этнологии, а также для социологии.

В 1920-х — 1930-х гг. в Великобритании ученик Риверса, испытавший также влияние идей Э. Дюркгейма и П. А. Кропоткина,[118] Альфред Реджинальд Радклифф-Браун (1881–1955), создал научное направление, называемое **английским структурализмом**, или **структурным функционализмом**. В нем сочетались функционалистские и структуралистские подходы в анализе общественной жизни, сознания людей, мифологии и религии. Структурный функционализм считает, что общество, подобно животному организму, базируется на взаимосвязи элементов, и основная задача состоит в показе этих повторяющихся структурных взаимосвязей.

Сходство с функционализмом и структурализмом имеет также **теория систем**, рассматривающая культуру и общество как *кибернетические системы*. Теория возникла в 70-е гг. XX в., когда микроэлектроника дала сильный импульс развитию кибернетики.[119] Теория систем не является чисто этнологической,[120] в зарубежных этнологических исследованиях находят отражение отдельные ее аспекты.

---

[117] Точка зрения, в известной степени сравнимая с любой идеализацией первобытности, с умилением равенству «примитивных народов» и их занятиям, вроде «охоты за головами».

[118] Пётр Алексеевич Кропоткин (1842-1921) — русский географ, революционер и теоретик анархистского движения, чьи научные интересы были неразрывно связаны с политическими убеждениями. Возражая против дарвинистской концепции борьбы видов, Кропоткин утверждал. что сотрудничество в большей степени, чем конфликты являются фактором развития. Для сообществ людей, по мнению Кропоткина взаимопомощь также является скорее правилом, чем исключением. Более всего П. А. Кропоткин интересовался развитием добровольных форм сотрудничества в человеческой истории, от самых примитивных (племенных, общинных) до сложно построенных добровольных ассоциаций, сохраняющихся в условиях господства бюрократического государственного аппарата (профсоюзы, гуманитарные организации и т. д.). На Западе работы П. А. Кропоткина получили широкую известность — «Paroles d'un révolté» (1885), «In Russian and French Prisons» (1887), «The Conquest of Bread» (1892), «Fields, Factories and Workshops» (1899), «Memoirs of a Revolutionist» (1899), «Mutual Aid» (1902), «Russian Literature» (1905), «The Great French Revolution 1789-1793» (1909).

[119] Кибернетика — наука об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации. Кибернетическая система — множество взаимосвязанных элементов, способных воспринимать, запоминать и перерабатывать информацию, обмениваться ею.

[120] С ее помощью пытались анализировать демографический взрыв, проблемы окружающей среды, социальную напряженность и проч.

В этнографии существует несколько психологических направлений. Внимание к сфере психического имеет глубокие корни. В 1860 г. немецкими исследователями, философом Морицом Лацарусом (1824–1903) и языковедом Хейманом Штейнталем (1823–1899), было провозглашено создание особой дисциплины — «*психологии народов*». Они утверждали, что существует психическое сходство индивидов, принадлежащих к определенной нации, некий «народный дух». К психике человека обращались эволюционизм[121] и структурализм, к групповой психологии — социологическая школа. Признавал психологический аспект культуры и Ф. Боас.[122] В 1900–1920 гг. была издана 10-томная «Психология народов» немецкого психолога, физиолога и философа Вильгельма Вундта[123] (1832–1920).

Тогда же, в конце XIX–начале XX в. возник **фрейдизм** — течение, пытающееся применить в сфере этнографии метод психоанализа, созданный австрийским врачом-психиатром и психологом Зигмундом Фрейдом (1856–1939).[124] Согласно теории З. Фрейда, *психическое развитие отдельного индивида сокращённо повторяет историческое развитие человечества*. Духовная культура, социальные институты, нормы человеческого поведения возникали под влиянием бессознательных психических процессов. Поэтому в истории первобытного общества, мифологии и религии обнаруживаются те же функциональные закономерности, конфликты и комплексы, что и в психическом развитии ребенка.

Зигмунд Фрейд, будучи врачом, владел гипнозом и внушением. Он обратил внимание, что пациенты, страдающие нервными расстройствами (особенно истерическими), сами не способны понять причину своего заболевания, но под гипнозом отвечают на вопросы врача и тем самым обнаруживают эту причину. А причина — всегда некая «динамическая травма», вызванная подавленным или вытесненным из сознания импульсом — «постыдным импульсом» (почему он и подавляется). В каждом человеке идёт борьба между «принципом удовольствия» (стремлением удовлетворить влечение) и «принципом реальности» (невозможностью или трудностью удовлетворения, вследствие сопротивления среды). Потому-то эти импульсы вытесняются в область бессознательного. Для выявлении скрытых «динамических травм» Фрейд занялся анализом сновидений своих пациентов и в 1900 г. выпустил толстую книгу на этот счёт. Она послужила краеугольным камнем теории психоанализа. Подлинная сущность снов, по мнению Фрейда, — это, в большинстве случаев, эротические эмоции и побуждения, подавленные или вытесненные в детстве. Во сне они приобретают искажённую символическую форму.

Большое внимание Фрейд уделял детской сексуальности. Вначале эротические побуждения ребёнка направлены на себя: аутоэротизм, нарцизм, а затем на родителей: у мальчиков — на мать, у девочек — на отца. При этом мальчик по Фрейду обязательно ревнует мать к отцу, воспринимая его как соперника (бессознательное враждебное чувство). В подкрепление этой мысли Фрейд ссылался на древнегреческое сказание о царе Эдипе (поэтически обработанное в трагедии Софокла), который, сам того не зная, убил своего отца и женился на собственной матери. Фрейд считал это явление универсальным, и с его руки оно получило название «эдипов комплекс». Гамлет, по Фрейду, только потому не отомстил убийце своего отца, что этот убийца выполнил его собственное тайное желание.

Таким образом, Фрейд с самого начала вторгся в область мифологии и культуры, а в 1913 г. вышла его очередная книга имеющая самое прямое отношение к этнографии «Тотем и табу[125] (психология первобытной культуры и религии)». Фрейд доказывал, что есть существенное сходство между «психологией первобытных народов», известной по этнографическим описаниям и «психологией невротиков», а значит одно может объяснить другое. Например, экзогамию Фрейд объяснял «боязнью инцеста». Сам запрет, как он полагал, — позднейший, на ранних этапах кровосмешение, видимо, имело место, поскольку у невротиков наблюдается подавленное стремление к инцесту (с матерью, сестрой). Табу, окружающее вождей, по

---

[121] Эволюционисты постоянно ссылались на психику, как фактор развития религиозных идей, мифологии и др.

[122] Из крупных этнографических направлений только диффузионисты игнорировали человека как фактор развития культуры.

[123] Один из основоположников экспериментальной психологии, иностранный почётный член Петербургской Академии наук с 1902 г.

[124] З. Фрейд родился в городке Фрейберг в Моравии (тогда провинции Австрии) в 1856 году. Поступил на медицинский факультет Венского университета 1873 году. Работал в терапевтической, психиатрической клиниках Вены, у знаменитого врача, одного из основоположников невропатологии и психиатрии Жана Мартена Шарко (1825-1893) в Париже. Более сорока лет посвятил разработке теории и практике психоанализа. Работы — «Толкование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни» (1901), «Тотем и табу» (1913), «Лекции по введению в психоанализ» (1917), «Психология масс и анализ человеческого "Я"» (1921), «"Я" и "Оно"» (1923), «Будущее одной иллюзии» (1927), «Неудовлетворенность культурой» (1930) и другие.

В 1938 году, после вторжения нацистов в Австрию, Фрейд стал узником гетто. Его лишили паспорта, конфисковали имущество, библиотеку. Международное психоаналитическое общество пыталось вызволить Фрейда. Фашисты потребовали выкуп. Одна из пациенток Фрейда, принцесса Мария Бонапарт заплатила 100 тысяч шиллингов за его освобождение. Семья Фрейда (Фрейд имел 6 детей) переехала в Лондон, а четыре его сестры погибли а газовых камерах. Умер З. Фрейд в Лондоне в 1939 году, в возрасте 83 лет.

[125] Термин «табу» пришёл в науку из полинезийского языка. Им принято обозначать характерную для многих «ранних» обществ систему немотивированных запретов, регулирующую общественное поведение. Запреты могли налагаться на совершение каких-либо действий, произнесение слов, пользование определёнными предметами. Подразумевалось, что нарушение табу повлечёт неминуемое наказание со стороны сверхъестественных сил.

Фрейду, производно от того, что людям хотелось «убивать своих королей и священников» (такие обряды действительно есть), табу на трупы — людям хотелось терзать умерших и т. д. Тотемизм Фрейд объяснял тем, что у детей есть боязнь определённых животных.[126] Исходя из тезиса о вытесненных в подсознание причинах, животное здесь выступает в роли заместителя отца. Отец для маленького мальчика — соперник в либидо к матери, но в то же время и некий идеал для подражания. Эта двойственность (амбивалентность) в отношении отца переносится на животное, которое становится и предметом страха, и предметом некоторого обожания. Свою мысль Фрейд подтверждает тем, что сами «примитивные народы» называют тотем «своим предком и праотцом».

В самом начале XX в. была опубликована работа малоизвестного ныне исследователя Аткинсона «Первобытное право», где автор, ссылаясь на некоторые мысли Дарвина, выдвинул предположение, что первоначальной формой общежития предков человека была «циклопическая семья», состоявшая из одного старого самца и некоторого количества самок с детёнышами. Самки находились в безраздельном пользовании самца. Молодых же взрослых самцов он изгонял из семьи. Они бродили где-то поодаль в полиандрическом сожительстве с какой-либо захваченной самкой, пока один из них не сменял одряхлевшего отца. Фрейд позаимствовал эту картину и дополнил её тем, что в один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили отца и съели, положив конец отцовской орде. Для каннибалов-дикарей это вполне естественно. Сообща они совершили то, что невозможно каждому в отдельности (общество?). Древняя каннибальская трапеза, по Фрейду, сохранялась в виде ритуальной трапезы-жертвоприношения: первобытный клан периодически убивал и торжественно поедал своё тотемическое животное, своего бога. Из этого древнего отцеубийства выросли социальные организации, нравственные ограничения и религия. Сыновья раскаялись в своём преступлении и наложили запрет на повторение подобного действия (табу), а чтобы не было самого повода к вражде и взаимной ревности, был введён запрет брачно-полового общения с женщинами своего клана, то есть экзогамия.

Для Фрейда и его последователей культура — система норм и запретов, прежде всего обуздывающих и символизирующих изначальные эротические влечения и импульсы. В ряду последних центральное место занимает бессознательное влечение мальчика к инцестуозной связи с матерью, восприятие отца как соперника и стремление к отцеубийству («эдипов комплекс»). Два запрета — запрет убить и запрет брачно-полового общения с женщинами своего клана (экзогамия) — являются базисом культуры.

Чем выше стадия развития культуры, тем сложнее общественное поведение. При этом постоянно присутствует психологический конфликт: бессознательные силы стремятся нарушить все запреты, пойти на агрессию и кровосмесительную любовь, а сознательные (рассудок и с детства усвоенные нормы) сдерживают их. Цена прогресса — утрата счастья исполнения сексуального влечения, превращение психики в «бурлящий котел возбуждений», откуда войны, революции, преступления.

Построения З. Фрейда послужили для этнологов стимулом к разработке таких проблем, как (1) происхождение социальных учреждений, (2) нормы сексуальных и семейно-брачных отношений, (3) природа и функции культурного символизма, (4) национальная психология. Сильное, хотя и временное влияние оказал Фрейд на Малиновского.[127]

Уже при жизни Фрейда ряд приверженцев его метода создали собственные варианты психоанализа. Например, швейцарский психолог и философ Карл Густав Юнг (1875–1961) постулировал наличие в психике человека, помимо индивидуального бессознательного, более глубокого слоя — коллективного бессознательного, т. е. запечатленного в структурах мозга опыта прошлых поколений.[128] Французская школа психоанализа в послевоенные годы сблизилась со структурализмом (Ж. Лакан).

В то время как в Европе фрейдизм утрачивал влияние, в США в 1930-е гг. зародился **неофрейдизм**. В противоположность биологизму З. Фрейда, здесь на первый план выдвигался принцип социального или культурного детерминизма — внутриличностные конфликты рассматриваются как производные от межличностных отношений.

Одно из ведущих направлений в американской этнографии 1930-х — 1950-х гг. — **этнопсихологическая школа**, разрабатывавшая неофрейдистскую теорию «*культуры и личности*» (Р. Линтон, Э. Сэпир, Р. Бенедикт, К. Дюбуа, И. Халлоуэл). Теория возникла из слияния двух течений: культурного детерминизма школы Ф. Боаса, утверждавшего, что характер человека формируется исключительно в результате воспитания (Р. Бенедикт, М. Мид), и собственно неофрейдизма (А. Кардинер, Р. Линтон, К. Дюбуа, И. Халлоуэл). Одним из первых программу нового направления декларировал Эдуард Сэпир. Он заявил, что культура — не более как «статистическая фикция», подлинной же объективной реальностью является «индивидуум». Исследовательница Рут Бенедикт писала, что культуры — индивидуальная психология, отброшенная на большой экран, получившая гигантские пропорции и большую длительность во времени. Главный постулат теории «культуры и личности» — наличие у каждого народа специфической для него «*базовой структуры характера*», «основной

[126] Фрейд понимал тотемизм упрощённо, как комплекс представлений, связанных с животными. Действительно, животные чаще всего являются тотемами человеческих коллективов, но этим содержание тотемизма не исчерпывается (см. также примечание 113).

[127] В частности, под впечатлением работ З. Фрейда Б. Малиновский написал свою известную книгу «Половая жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии».

[128] Его содержание, якобы, составляют общечеловеческие первообразы и архетипы матери-земли, героя, мудрого старца и т. д.

личности», передающейся из поколения в поколение и определяющей историю данного народа. Ключ к этой базовой структуре дает изучение *способов воспитания детей*.

Психика человека формируется только в первые 4-5 лет жизни под воздействием внешней среды и способа ухода за младенцами в каждом обществе: способы кормления, ношения, укладывания, позже — обучение ходьбе, речи, чистоплотности и пр. Всё это накладывает отпечаток на личность человека на всю жизнь. Психика как бы затвердевает. Социальная позиция на поведение влияет мало. Поскольку внутри каждого народа способы ухода за детьми примерно одинаковы, то и «нормы личности в разных обществах различаются между собой». У каждого народа своя структура характера, своя средняя психика (понятие «основная личность»). Процесс формирования психики беспрерывен и охватывает поколение за поколением.

Методы работы этнопсихологов[129] вызвали резкую критику в США и других странах.

Как пример упрощенности теоретических основ школы обычно приводится «пеленочный детерминизм» («пелёночная теория») Д. Герера, объяснявшего черты русского национального характера обычаем туго пеленать младенцев: народы, туго пеленающие детей — покорны, а не туго — демократичны, свободны.

Недостатком этнопсихологии был крайний субъективизм: одни и те же народы разными приверженцами школы описывались по-разному. На съезде этнографов в Нью-Йорке в 1952 г. направление потерпело поражение и быстро пошло на убыль. Односторонние психоаналитические модели начали дополняться и частично вытесняться из этнопсихологических исследований бихейвиористскими.

Бихейвиоризм[130] — направление в культурной антропологии США, сторонники которого считали предметом психологии не сознание, а поведение, понимаемое как совокупность ответов (реакций) на воздействия (вызовы, стимулы) внешней среды, и, подобно этнопсихологической школе, пытались с помощью исследования поведения индивидуумов делать вывод об основной ориентации целых культур, ибо поведение человека складывается под воздействием окружающей культурной среды.

С бихейвиоризмом связана концепция «**конфигурации культуры**» имеющая истоками идеи немецкого философа и историка культуры Вильгельма Дильтея (1833–1911)[131] и концепцию морфологии культуры Л. Фробениуса.

Американские этнопсихологические исследования часто объединяют общим понятием «**психологическая антропология**».

Психологические направления способствовали применению в этнографии психологических и психиатрических методик, развитию сравнительных исследований мира детства, изучению истории жизни, сновидений, фантазий, оказало заметное влияние на социологию и социальную психологию.

В западноевропейской и американской этнологии примерно с середины 1950-х гг. получила распространение концепция **культурного релятивизма**.[132] Она возникла как реакция на европейский этноцентризм большинства путешественников и этнографов XIX в., видевших в неевропейских народах прежде всего черты варварства и отсталости. Культурный релятивизм провозглашает несравнимость культурных типов отдельных народов, невозможность измерить их единым масштабом.

С точки зрения школы, у каждого народа своя культура, обеспечивающая его жизнеспособность как целостной системы, и нельзя сказать чья культура выше, чья ниже. Попытки ранжирования всегда будут относительны и субъективны. Предпочтение тому или иному элементу культуры объясняется не иерархией, а просто разными, уникальными системами ценностей.

Сторонники рассматриваемой концепции за любой культурой признают одинаковые значения сложности, ценности и самобытности, отказываются уравнивать технологическое развитие с умственным и нравственным. Они видят в каждой культуре свой способ приспособления к данным условиям, вполне адекватный любому другому, и оперируют лишь теми категориями, на которые сами носители сознательно разлагают свою культуру. Единство культуры человечества не признается, понятие культурной отсталости тоже.

Один из видных представителей культурного релятивизма — Мелвилл Херсковиц (1895-1963),[133] учившийся у Ф. Боаса и А. Гольденвейзера. По М. Херсковицу в культуре каждого народа есть некий

---

[129] В данном случае подразумевается «этнопсихологическая школа». Под термином «этнопсихология» может пониматься ещё и ветвь социальной психологии, изучающая особенности психологического склада отдельных социальных общностей и расовых групп, а также все психологические направления американской этнографии.

[130] Термин «бихейвиоризм» происходит от англ. behaviour, bihevior - поведение, и первоначально обозначал направление в американской психологии. Родоначальник психологического бихейвиоризма и автор термина (1913) — американский психолог Дж. Б. Уотсон (Ватсон) (1878-1858). Основополагающая работа Уотсона «Введение в сравнительную психологию», было издано в 1914 г. Позже, в 1920-е гг., когда бихейвиоризм достиг в США пика своего развития, его идеи и методы были перенесены в антропологию, социологию, педагогику, объединённые в качестве «бихевиоральных наук», т. е. изучающих поведение.

[131] В. Дильтей выдвинул «учение о понимании» постулирующее, что в отличие от «объяснения» в естественных науках, гуманитарные науки имеют своей методологической основой «понимание» — целостное духовное переживание.

[132] От латинского relativus – относительный.

[133] Лектор антропологии в Колумбийском, «чёрном» Говардовском и частном Северо-Западном университетах, автор большого

«культурный фокус» — самая существенная черта. В современной европейско-американской культуре самое существенное — технология, в средневековой Европе — супернатурализм (засилье религиозной идеологии), у современных меланезийцев — социальный престиж, у тода в Индии — буйволы, на острове Понапе (Микронезия) — ямс. Херсковиц утверждал: «Предположение, что культуры бесписьменных народов ниже, чем наша, является результатом нашего же длительного интеллектуального развития. Редко вспоминают о том, что понятие прогресса, столь глубоко проникшее в наше мышление, сравнительно недавнего происхождения. На деле — это уникальный продукт нашей культуры. Это часть того культурного потока, который создал научную традицию и машину». То, что приемлемо для одного народа — неприемлемо для другого. Нельзя присваивать себе право вмешиваться в жизнь какого-то племени под тем предлогом, что оно-де неспособно к самостоятельному развитию. Херсковиц считал необходимым «признать, что право, справедливость, красота могут иметь столько же разных проявлений, сколько есть культур». Херсковиц и его единомышленники разработали целую программу сбора материала о исходных ценностях (взгляд на вселенную, на гармонию в природе и обществе), о свойствах человеческой натуры, представлениях о жизни и счастье. Представления, понятия, мировоззрение получило название «система ценностей». Соответственно шла разработка теории ценностей.

Херсковиц видел и общее в культурном развитии человечества. Черты общечеловеческой культуры он называет «универсалиями». Например, народное творчество проявляется в разных формах, но в основе его лежит стремление к красоте к гармонии, которое свойственно всем народам.

Критики этой теории (а их немало) возражают, что едва ли можно признать «культурной ценностью» охоту за головами на Новой Гвинее, костры инквизиции, гладиаторские бои, концентрационные лагеря в Германии и СССР. Ценность ценности всё-таки рознь. В этом слабое место релятивизма. Теория релятивизма продержалась только до 60-х гг. Она оказалась слишком односторонней.

Как остроумно заметил Клод Леви-Стросс, те отсталые народы, которых Херсковиц защищал от вмешательства извне, предпочли не его теорию, а однолинейный эволюционизм, поскольку это давало возможность пользоваться благами цивилизации. Лучше считать себя временно отставшим, чем «перманентно уникальным» (или навсегда «своеобразным»).

Эволюционная идея, с которой начиналось становление теоретической этнографии, в XX в. имела продолжение. Одно из поздних эволюционистских направлений — **Амстердамская школа**, развивавшаяся на кафедре этнологии Амстердамского университета. Основателем и главой школы был С. Р. Штайнметц, руководивший названной кафедрой с 1907 по 1938 г. Представители Амстердамской школы занимались сравнительно-исторической типологизацией культурных явлений. Х. Нибур, Т. С. Ван дер Бей, Й. Фаренфорт рассматривали пространственные и временные вариации таких явлений, как война, рабство, первобытные верования, положение женщины и т. д. Их работы отличало богатство фактического материала. В 1920-е годы школа начала каталогизацию имеющихся в литературе сведений по более чем 1500 различным культурам. Работа не была доведена до конца, но она предвосхитила создание Ареальной картотеки человеческих отношений в США.

Основные идеи Амстердамской школы возродились в 1950-е годы под названием **сравнительного функционализма**. Это направление возглавил А. Й. Кёббен, руководивший департаментом культурной антропологии Амстердамского университета. Сравнительный функционализм придавал большое значение полевым исследованиям. В области теории приближается к холокультурализму.

Эволюционистские (и частично неоэволюционистские — см. ниже) взгляды отстаивал профессор Мичиганского университета[134] Лесли Уайт (1900-1975). Центральное место в его научном мировоззрении занимало понятие «культура».[135] Её он трактовал как совокупность символов, а ещё точнее — способность человека создавать символы, т. е. придавать вещам некоторое значение, которое самим по себе вещам не присуще (золото, деньги). Такая способность — главный признак, отличающий человека от животных. Орудийная деятельность таким признаком служить не может (орудовать палками или ветками могут и птицы и обезьяны). Эволюцию культуры Уайт рассматривал с точки зрения учения о энергии. Во всей Вселенной господствуют законы термодинамики, согласно которым энергия стремится к равномерному рассеянию в пространстве, а структура Вселенной — к упрощение (увеличению энтропии). Однако в живых организмах процесс направлен в противоположную сторону — к накоплению энергии и усложнения структуры. Культура же служит неким механизмом для связывания энергии в целях использования человеком. С ходом развития культуры постепенно меняется соотношение «человеческой» и «нечеловеческой»

числа научных публикаций, М. Херсковиц как учёный занимался в основном исследованием американских негров — их физического типа, социального положения и культурных корней в Африке. Херсковиц был автором редкого по тематике исследования «Экономическая жизнь примитивных народов» (1940), выпущенного вторым изданием в 1952 г. под названием «экономическая антропология». Он также изучал мифологию, фольклор и музыку африканских негров.

[134] В Мичиганском университете Л. Уайт преподавал в 1930-1970 гг. Последние годы жизни Л. Уайта были связаны с отделом антропологии в университете Калифорнии.

[135] Л. Уайту принадлежит модный ныне термин «культурология». Первоначально это была концепция, изложенная в серии эссе «Наука о культуре» («The Science of Culture», 1949). Другие известные работы Уайта — «Эволюция культуры» (1959), «Концепция культуры» (1973, в соавторстве с В. Диллингхэмом)

энергии, используемой людьми: вторая неуклонно возрастает за счёт первой. Происходит как бы аккумуляция энергии предшествующих поколений в виде культурных ценностей. «Культура движется вперёд по мере того, как возрастает количество обузданной энергии на душу населения, или по мере того, как возрастает эффективность ... средств управления энергией, или то и другое вместе». Основа всего процесса эволюции, по Уайту, — технологическое развитие, определяющее все остальные компоненты: «социологический», «идеологический», «сентиментальный».

Л. Уайт разграничивал примитивные и цивилизованные общества, границей между которыми служит частная собственность. В то же время Л. Уайт был по многим своим взглядам близок к марксизму, следовал Л. Моргану, верил в идею возрождения «свободы, равенства и братство древнего родового быта, но уже в высших формах». Уайт также полагал, что рабочий класс, двигающий, по его мнению, уже сейчас прогресс «технической культуры», в будущем «будет управлять ею также в социальном отношении».

Холокультурализм, или **кросс-культурный анализ**, зародился в 1930-е годы в ходе исследований, проводившихся в Институте человеческих отношений при Йельском университете (США). Становление его связано с деятельностью Дж. П. Мердока, создавшего с учениками и последователями мировой корпус этнографических данных ХРАФ (Ареальная картотека человеческих отношений). Холокультуралисты признают свою преемственность с эволюционистами, Амстердамской школой, американской исторической школой и стремятся к *выведению общих законов социальной и культурной эволюции из анализа как можно большего числа обществ*. В рамках направления сформулирован ряд теорий общего и частного характера. Эволюционно-коррелятивные концепции созданы в таких областях, как формы родственной организации, воспитание детей, антисоциальные формы поведения, «эдипов комплекс» и т. д. Холокультурализм добился больших успехов в дефиниции, типологизации и формализации элементов культуры. Недостатками его теории и методики являются категоричность в трактовке выведенных корреляций, ошибки источников и некоторые другие. Тем не менее, кросс-культурный анализ используется практически во всех научных центрах США. Последователи школы имеются в Великобритании и Японии.

Неоэволюционизм — направление, возникшее в 1940-х гг. в США как попытка преодолеть упрощенную прямолинейность классического эволюционизма. Универсальной исторической закономерности неоэволюционисты не признавали, понятие эволюции трактовалось ими как поступательное развитие вообще, происходящее по неопределенным причинам, вместо учения об однолинейном развитии были разработаны более дифференцированные теории эволюции:

– теория общего и частного развития (есть эволюция, отражающая общезначимое в историческом процессе, а есть локальные исторические события, целиком и полностью подчиненные случайности, а потому несравнимые);
– теория микро- и макропроцессов (проводит различие между процессами, повторяющимися с течением времени на одном и том же уровне, и теми процессами, которые сопровождаются поступательным движением от низшего к высшему);
– закон культурной доминанты (в историческом процессе постоянно происходит вытеснение менее совершенных форм культуры более развитыми, что позволяет народам миновать определенные эпохи эволюции);
– закон потенциала развития (чем меньше специализация культуры, тем выше возможность достижения исторического прогресса, поэтому во всемирной истории поступательное движение нередко исходило с периферии старых центров).

Одна из концепций, пытающаяся согласовать идею эволюции с фактом огромного разнообразия культур и форм социальной жизни — «теория многолинейной эволюции» (1955) — принадлежит Джулиану Стьюарду[136] (1902-1972). Исходный тезис: «Известные основные типы культуры могут развиваться сходными путями при сходных условиях, но мало таких конкретных аспектов культуры, которые бы проявлялись у всех групп человечества в правильной (то есть одной и той же) последовательности». По Стьюарду история человеческого общества равна сумме многолинейно развивающихся замкнутых систем. Многолинейность — прямое следствие приспособления сейчас или в прошлом к различным экологическим средам. Чем проще культура, тем сильней прямое влияние географической среды. Лесли Уайт говорил по этому поводу, что Стьюард признаёт эволюцию поштучно.

Неоэволюционизм приобрел особое влияние в США в 50-е гг. XX в. и сохраняет свое значение до настоящего времени. Имеет сторонников и в ФРГ (И. Раум, Г. Гукш). Существует большое число различных неоэволюционистских течений. По теории и методике исследований неоэволюционизм близок к холокультурализму.

Таковы, вкратце, основные направления в зарубежной этнографии.

[136] Известный исследователь американских индейцев. Работал в нескольких университетах, а с 1935 г. сотрудничал с Американским бюро этнологии Смитсоновского института. Занимал посты старшего антрополога (1938) и директора Института социальной антропологии (1943-1946). Был редактором объёмного семитомника «Руководство по южноамериканским индейцам» (1946-1959). Последующая деятельность связана с Колумбийским университетом (1956-1962) и университетом штата Иллинойс.

Глава 4. Очерк развития этнологии в России

Первый «русский» источник, где содержатся сведения об окружающих народах — «Повесть временных лет», называемая также иногда «Начальной летописью», «Летописью Нестора».[137] Этот памятник имеет исключительно сложный состав, причём собственно «Повестью временных лет», отвечающей на вопрос: «откуду есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду русская земля стала есть», является только его первая часть. Собственно «Повесть...» — это связное и цельное произведение, лишённое летописных приёмов и без хронологических пометок.[138] Повесть рассказывает о разделении земли после потопа между сыновьями Ноя с перечнем стран, доставшихся каждому, о расселении народов после столпотворения,[139] о поселении славян на Дунае и расселении их оттуда, о славянах восточных и их расселении в пределах России, о хождении апостола Андрея на Русь, об основании Киева с новым очерком расселения восточных славян и соседних с ними финских племён, о нашествии разных пародов на славян с третьим очерком расселения славян восточных и с описанием их нравов, о нашествии на них хазар, о дани, которую одни из них платили варягам, а другие хазарам, об изгнании первых, о призвании Рюрика с братьями из-за моря, об Аскольде и Дире и об утверждении Олега в Киеве в 882 г. Рассказывая об утверждении Олега в Киеве в 882 г., повествователь замечает: «беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася Русью». С этого рубежа для автора «Повести...» и начиналась собственно русская история.[140]

Последующие источники, содержащие этнографическую информацию, относятся уже к московскому периоду русской истории (после 1462 г.). Основной прирост материала происходил на восточном направлении вместе с ростом территории, подконтрольной московскому правительству. Некоторая этнографическая информация поступала в Россию из Западной Европы, в основном через посредство «польской учёности». Так, в Хронограф 1617 г. оказался включённым раздел «О островах диких людей, коих немецкие люди называют новый свет, или четвёртая часть вселенные». Там говорится о Христофоре Колумбе, Америго Веспуччи и даётся описание Америки.

До конца XVII–начала XVIII в. сведений, представляющих хоть какой-то этнографический интерес, в дошедших до нас русских источниках крайне мало.

В 1466-1472 гг. (по другим данным в 1468-1474) совершил поход «за три моря» торговый человек из Твери Афанасий Никитин. Его записи об этом путешествии, дошедшие до нас в 6 списках, богаты, но не систематичны. Никитин посетил Персию, Индию (1468-74), а на обратном пути Сомали (Северо-Восточная Африка), Маскат (Юго-Восточная Аравия), Турцию. Особенно ценно описание Индии. Как цели путешествия Никитина, так и значение собранного им материала для эпохи, в которую он жил, не до конца ясны. В печати «Хождение за три моря» впервые было упомянуто Николаем Михайловичем Карамзиным.

Походы Ермака 1581-1585 гг. положили начало проникновению русских в Сибирь, и уже к середине XVII в. землепроходцы дошли до крайних пределов Азии, до Тихого и Ледовитого океанов. Служилые и торговые люди небольшими группами проникали в «неведомые землицы», облагали местное население царскими налогами и попутно сообщали об этом населении сведения, часть которых представляет этнографическую ценность. В 1633-1641 гг. совершил поход на р. Яну Иван Ребров. В 1643-1646 гг. из Якутского острога на Амур ходил Василий Поярков. Тогда же, в 40-е гг. XVII в., Михаил Стадухин побывал в земле чукчей. В 1651-1653 гг. маршрут Пояркова повторил Ярофей Хабаров.

В 1675 г. с посольством в Китай ездил Николай Милеску-Спафарий (молдавский грек, поступивший в 1671 г. на русскую службу). Он оставил записи о Китае и крайне подробное описание маршрута.

Богатый фактическим материалом источник — «сказки» казачьего пятидесятника Владимира Атласова. В ходе путешествия 1697-1700 гг. он первым из русских проник на Камчатку.

«Первым этнографом Сибири» называют иногда тобольского сына боярского Семена Ремезова. Он известен как составитель «Чертежной книги Сибири» (1701 г.) и автор дошедшего до нас в отрывках «Описания о народах Сибири» (1698 г.).

Первой этнографической монографией на русском языке С. А. Токарев считал «Краткое описание о народе остяцком»[141] Григория Новицкого (1715 г.), выполненное по итогам двух поездок на нижнюю и среднюю Обь

[137] Время создания «Повести...» гипотетически определяется концом XI-началом XII в. В виде отдельного памятника «Повесть...» не сохранилась и известна только как часть более поздних сводов. Древнейшим из сводов считается «Лаврентьевская летопись» (1377 г.)

[138] Хронологические указания появляются только с 852 г., и вставлены они так неловко, что вероятнее всего это сделано позднейшими переписчиками (подробнее см. Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. Т. 1. — М., 1956).

[139] Путеводной нитью для составителя собственно «Повести...» (предположительно это был игумен Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве Сильвестр) служил византийский хронограф Георгия Амартола (IX в. с продолжением до 948 г.), известный на Руси в славянском (болгарском) переводе.

[140] Другие части «Начальной летописи», или «Повести временных лет», в широком смысле, — сказание о крещение Руси при Владимире, составленное не ранее 1099 г., и Киево-Печерская летопись, которую писал, согласно монастырскому преданию, в конце XI и начале XII в. монах Нестор. Эта летопись кончалась 1110 г.

[141] Остяки — устаревшее название хантов.

(поездки совершались по указу Петра I с целью массового крещения остяков и искоренения языческих верований). Сочинение Новицкого долгое время оставалось неизвестным и было опубликовано только в 1884 г.

Систематический характер этнографические исследования в России приобрели после образования в 1724 г. Академии наук. Большое значение имела организация Петром I Кунсткамеры. Её этнографические коллекции были впервые выставлены в 1717 г. в Петербурге в Кикиных палатах. В дальнейшем фонды Академии и Кунсткамеры постоянно пополнялись новыми материалами и экспонатами, привозимыми учеными и путешественниками. Одними из первых в названные учреждения поступили богатые записи, чертежи, коллекции, собранные во время путешествия по Сибири в 1719 г. данцигским ученым Даниелем Мессершмидтом (на русской службе — с 1716 г.).

В XVIII в. было проведено более 50 экспедиций, в основном силами Академии наук. Для этнографии наиболее плодотворными оказались «*Великая северная*» (или «*Вторая камчатская*») экспедиция 1733–1743 гг. и «*Физическая*» (или «*Академическая*») экспедиция 1768–1774 г. В состав «сухопутного отряда» Великой северной экспедиции входили историк Герард Фридрих Миллер (1705–1783), натуралисты Иоганн Георг Гмелин (1709-1755) и Георг Вильгельм Штеллер (Стеллер) (1709-1746), а также Степан Петрович Крашенинников (1711–1755), Иоганн Фишер, Якоб Линденау. Для этнографии наибольшее значение имел опубликованный в 1755 г. труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

Физическая экспедиция включила в себя несколько поездок, выполненных по единому плану. В числе ее участников были Петр Симон Паллас (1741–1811), Иван Иванович Лепехин (1740–1802), Иоганн Готлиб Георги (1729–1802) и другие. И. Г. Георги был автором первой сводной этнографической работы «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». Она увидела свет в 1776–1780 гг.

В связи с принятием русского подданства «Младшей ордой» казахов и важностью торговых связей со Средней Азией, по проекту обер-секретаря сената И. И. Кирилова и под его началом была организована «Известная экспедиция», позже переименованная в «*Оренбургскую* экспедицию» (1734–1737 гг.). Под другими названиями и под другим руководством экспедиция продолжала работать и в 1740-е гг. В работу Оренбургской экспедиции особый вклад внес Петр Иванович Рычков (1712–1777), автор «Топографии Оренбургской».

Большинство публикаций XVIII в. представляли комплексные описания отдельных регионов — природы, населения, экономики, истории, культуры и быта.

Большое значение для развития этнологии имела составленная Василием Никитичем Татищевым (1686–1750) — выдающимся государственным деятелем, дипломатом и историком — *программа сбора сведений*[142] об отдельных областях России.

В конце XVIII–начале XIX в. появились первые публикации по русскому фольклору, религии славян — Михаил Дмитриевич Чулков (1734[или 43]–1792), М. В. Попов, Григорий Глинка, Андрей Сергеевич Кайсаров (1782–1813). По характеру они были скорее любительскими, чем научными. Только работа Павла Михайловича Строева (1796–1876) «Краткое обозрение мифологии славян российских» (1815 г.) выделяется из этого ряда.

Усилиями Иллариона Калиновича Россохина (1707 или 1717-1761) и Алексея Леонтьевича Леонтьева (1716-1786) зарождается русское китаеведение. Оба они в разное время достаточно долго жили в Китае, а по возвращении в Россию занимались переводами китайских сочинений на русский язык при Академии наук.

В конце XVIII в. были совершены плавания в Америку — правительственная экспедиция Иосифа Биллингса и Гаврилы Сарычева и экспедиция купца Григория Шелехова, пополнившие сведения о народах.

Обширный этнографический материал был собран русскими кругосветными экспедициями, которых всего было 45. Первое кругосветное плавание русские корабли совершили под командованием Ивана Фёдоровича Крузенштерна (1770-1846) и Юрия Фёдоровича Лисянского (1773-1837) в 1803 г. Следующими по времени были плавания Василия Михайловича Головина, Отто Евстафьевича Коцебу (1788-1846). Из особо знаменитых и плодотворных назовём плавание в Антарктику 1819–1821 гг. под командованием Фадея Фадеевича Беллинсгаузена (1778-1852) и Михаила Петровича Лазарева (1788-1851), а также плавание Фёдора Петровича Литке (1797–1882).

С начала XIX в. Александр I по совету своего учителя, швейцарского ученого и общественного деятеля Фредерика Сезара де Лагарпа (1754-1838) начал открывать в России университеты. Они мыслились средством к созданию образованного слоя общества, интеллектуальной элиты — предполагаемой социальной опоры будущих радикальных реформ политической системы империи. В 1804 г. был основан Казанский университет,[143] ученые которого внесли большой вклад в изучение поволжских и других народов.[144] В числе участников экспедиции Бел-

---

[142] Она существовала в двух редакциях: первая (1734 г.) включала 92 вопроса, вторая (1737 г.) — 198.

[143] Другие университеты, открытые в этот период, — русские Харьковский и Петербургский (главный педагогический институт, позже преобразованный в университет), а также польский Виленский университет и немецкий Дерптский. Московский университет существовал с 1755 г. Казанский университет — единственный из открытых в начале XIX в. провинциальных университетов, который находится на территории современной Российской Федерации.

[144] Одной из задач, поставленных перед вновь созданным университетом, было географическое и этнографическое изучение

линсгаузена-Лазарева был профессор-астроном из Казани Иван Михайлович Симонов, изучавший во время этого плавания культуру и быт народов Тихого океана. Особого упоминания заслуживает книга профессора естественной истории и медицины Карла Фукса «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях», ставшая первым монографическим описанием казанских татар (1844 г.). Академик Осип (Юзеф) Михайлович Ковалевский (1800/01–1878), бывший профессором Казанского университета в 1833–1860 гг., оставил ряд трудов по монголоведению и буддизму, создал собственную научную школу. Из своих путешествий по Сибири, Забайкалью, Китаю О. М. Ковалевский привёз значительную коллекцию бытовых вещей, которая также, как и коллекция И. М. Симонова, поступила затем в этнографический музей Казанского университета.

Из других востоковедов первой половины XIX в. особенно следует назвать Никиту Яковлевича (в монашестве — Иакинф) Бичурина (1777–1853). Н. Я. Бичурин прожил 14 лет в Китае в составе православной миссии, призванной обслуживать пленных русских казаков, захваченных китайцами после падения в 1685 г. крепости Албазин на Амуре. Петербургское начальство осталось недовольно исполнением Бичуриным своих прямых обязанностей. По возвращении на родину он был строго наказан. Зато вместе с собой Бичурин привез 400 пудов китайских книг и всю последующую жизнь занимался их изучением и переводом. С 1827 г. одно за другим выходили в свет его сочинения о Китае и соседних с ним странах, снискавшие автору славу классика мировой синологии.[145]

Между 1800 и 1830 гг. было совершено много поездок в Среднюю Азию. Шло целенаправленное изучение Русской Америки. В 1825[22?]–1829 гг. Георг Генрих Лангсдорф возглавил экспедицию в Бразилию.

Увлечение патриархальной стариной русского народа, фольклором, поверьями, праздниками набирало силу с 1820-х гг. и нашло выражение в деятельности таких известных собирателей, «романтиков-народолюбов», как Иван Михайлович Снегирев, Иван Петрович Сахаров, Вадим Васильевич Пассек, Александр Васильевич Терещенко. Опубликованные ими материалы являются ценным источником по истории народного быта для современных исследователей.

В 1836 г. при разделении Кунсткамеры на ряд специализированных музеев был создан Этнографический музей. В уставе Академии наук было записано, что Этнографический музей — центральное учреждение в империи для изучения «различных человеческих племен» и их культурного развития, особенно — живущих в Российском государстве. В 1879 г. музей был преобразован в Музей антропологии и этнографии. С 1903 г. он стал официально именоваться Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого.

Организационное оформление этнологии в России завершилось с созданием в 1845 г. Русского географического общества (РГО) с отделением этнографии. Первое время этнографическим отделением руководил естествоиспытатель Карл Максимович Бэр (1792-1876). Он был сторонником широких сравнительно-этнографических исследований, призванных, по его мысли, дополнить историческую науку там, где не хватает прямых исторических свидетельств. Этнографические сведения такого рода представлялись К. М. Бэру подлинным сокровищем, постоянно возрастающим в цене, поскольку запасы с каждым днем уменьшаются. Однако очень скоро деятельность Общества получила иное направление. Группа молодых, русских по национальности ученых — Николай Иванович Надеждин (1804-1856), Владимир Иванович Даль (1801-1872), Измаил Иванович Срезневский (1812-1880) и другие — добилась того, чтобы основное внимание было направлено на изучение русского народа. Бэр вынужден был подать в отставку с занимаемого поста. В конце 1848 г. во главе отделения этнографии встал Н. И. Надеждин. В 1847 г. РГО составило и разослало на места «циркуляр» (программу) для собирания этнографического материала. Поступавшие отчеты разрабатывали Н. И. Надеждин и Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885). Так были заложены основы этнографической части Архива РГО.

Для всей пореформенной эпохи было характерно усиленное внимание к изучению крестьянства, его семейного быта, сельской общины, «обычного права», что определялось большим общественным интересом к этим проблемам после падения крепостничества, широким использованием исторических и этнографических материалов в дискуссиях о дальнейших путях развития страны. Изучались народная поэзия, народное искусство, верования. К этому времени относится деятельность нового поколения краеведов, историков-любителей и собирателей фольклора. С конца 1850-х гг. печатался Павел Иванович Якушкин (1822-1872), в 1860-е гг. — Иван Гаврилович Прыжов (1827-1885), Иван Александрович Худяков (1842-1876), с 70-х гг. — Павел Васильевич Шейн (1826-1900) и Д. Н. Садовников. Как собиратель сказок Пермской губернии начинал краевед, а впоследствии известный ученый — Дмитрий Константинович Зеленин (1878-1954).

стран Востока, а также многонационального Урало-Поволжья. С этой целью в университете открылся факультет (разряд) восточной словесности, переведенный в 1856 г. в Петербургский университет. В первой половине XIX в. этнографическая тематика разрабатывалась на многих кафедрах Казанского университета, но главным образом на кафедре Российской истории, географии и статистики. В 1888 г. в Казанском университете была образована кафедра географии и этнографии (см. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. К столетию кафедры этнографии в казанском университете Советская этнография, 1989, № 4).

[145] О Н. Я. Бичурине подробнее см. Денисов П. В. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина: Монография. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. — 272 с.

В 1864 г. образовалось Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете, в 1878 г. — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ).

Виднейшими представителями профессиональной этнологии в пореформенной России были Михаил Игнатьевич Кулишер (автор «Очерков сравнительной этнографии и культуры» — 1877 г.), казанский профессор Иван Николаевич Смирнов, изучавший финские народы Поволжья, харьковский профессор Н. Ф. Сумцов — специалист по украинской этнографии, Д. А. Коропчевский — переводчик классических иностранных работ, С. С. Шашков — популяризатор западных этнологов, Э. Ю. Петри, написавший двухтомник «Антропология» (1890–1897 гг.), Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), известный работами по общинному землевладению и «родовому строю», семья этнографов Харузиных (Михаил Николаевич, Алексей Николаевич, Николай Николаевич, Вера Николаевна — братья и сестра), Лев Яковлевич Штернберг (1861-1927), Дмитрий Николаевич Анучин (1843-1923) и другие. Н. Н. Харузин (1865-1900) первым в России читал курс этнографии в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков. Широко эрудированным ученым, теоретиком был Александр Николаевич Максимов. Он неоднократно выступал с критикой эволюционистских построений по истории брака и семьи, отвергал теорию родового строя, группового брака, критиковал излишнюю увлеченность широкими обобщениями в этнографических вопросах.

В 1880-х гг. благодаря хранителю этнографических коллекций Всеволоду Фёдоровичу Миллеру (1848–1913) усилилась изыскательская деятельность Московского Румянцевского музея. Этот музей был создан на основе собрания графа Николая Петровича Румянцева (1754-1826),[146] и включал Дашковское этнографическое отделение и Отделение иностранной этнографии.

В 1897 г. в Петербурге был создан Русский музей с этнографическим отделом, сразу же развернувший широкую собирательскую работу под руководством крупного этнографа, бывшего политического ссыльного Дмитрия Александровича Клеменца (1848-1914). Появление и расширение этнографических музеев способствовало развитию серьезных исследований в области материальной культуры.

Не ослабевал интерес к явлениям духовной культуры российских народов. Изучалось колдовство, шаманство, заговоры, заклинания. Традиция исследований славянского язычества была продолжена во второй половине XIX в. А. И. Кирпичниковым, И. И. Срезневским, П. С. Ефименко, А. С. Фаминцыным. Из последних работ этого ряда, выходивших в дореволюционной России, назовем вышедшую в 1914 г. монографию Е. В. Аничкова «Язычество и Древняя Русь», работы Н. М. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси» и Дмитрия Константиновича Зеленина «Очерки русской мифологии» (обе — 1916 г.).

Много ценного материала было собрано частным «Этнографическим бюро» (1898–1901) князя В. Н. Тенишева. Бюро рассылало на места единую программу сбора сведений «о крестьянах Центральной России» и платило корреспондентам за каждый присылаемый лист. Обобщениями собранных данных являются публикации С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила», Г. Попова «Русская народно-бытовая медицина», Анны Стеллинг «Рассказы из народного быта», В. В. Тенишева «Правосудие в русском крестьянском быту».

В пореформенную эпоху продолжились экспедиционные исследования российских ученых в разных регионах мира. В изучение Азии большой вклад внесли Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888), Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (1860–1936), Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), Петр Кузьмич Козлов (1863–1935), Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930). Гонбочжаб Цэбекович Цыбиков (1873–1930). Г. Ц. Цыбиков (по происхождению — бурят) — востоковед, окончивший Петербургский университет, в 1899–1902 гг. по поручению РГО первым из русских проник в столицу Тибета Лхасу, привез оттуда собранные втайне материалы своих наблюдений и 300 томов тибетских книг. Можно упомянуть также китаеведа и монголоведа Петра Ивановича Кафарова (в монашестве — Палладий) (1817–1878), опубликовавшего в 1866 г. «Сокровенное сказание» о Чингисхане), монголоведа Алексея Матвеевича Позднеева (1851–1920), китаеведов Василия Павловича Васильева (1818–1900) и Сергея Михайловича Георгиевского (1851–1893), основателя отечественной индологии Ивана Павловича Минаева (1840–1890). Василий Васильевич Юнкер (1840–1892) в 1870-е — 1880-е гг. совершил две большие экспедиции в Африку, Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846–1888)— несколько поездок по Океании.

В конце XIX — начале XX в. появились этнографические труды, написанные политическими ссыльными: «Якуты» Вацлава Серошевского (1858–1945), «Чукчи» Владимира Германовича Богораза (1865–1936; псевдонимы — Н. А. Тан, В. Г. Тан), «Гиляки» Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927) и многие другие. Ссыльный землеволец Василий Филиппович Трощанский опубликовал в Казани в 1902 г. «Эволюцию черной веры (шаманства) у якутов», где попытался увязать развитие их верований с предполагаемым переселением предков якутов из Южной Сибири.

Широкий интерес образованных слоев общества к этнографическим материалам нашел выражение в появлении специальных периодических изданий: «Этнографическое обозрение» (орган ОЛЕАЭ, выходил в

[146] После смерти Н. П. Румянцева в 1826 г. собрание было передано государству. В 1831 г. его открыли для обозрения в Петербурге, а в 1861 г. — перевезли в Москву.

1889 г.), «Живая старина» (орган РГО, выходил с 1890 г.). Из местных периодических изданий самые знаменитые — «Известия» Казанского ОАИЭ (с 1878 г.), «Киевская старина» (с 1882 г.). Появились коллективные издания и популярные серии: «Русские народы. Наброски пером и карандашом» (1894 г.), четырехтомник «Народы земли» (1903–1911 гг.), «Народы России» (1905 г.), «Великая Россия» (1912 г.), незаконченное многотомное географическое издание, содержащее значительные сведения по этнографии, «Россия» (1899–1914 гг.).

Между 1917 и 1922 гг. Российская империя трансформировалась в СССР. В ходе гражданской войны на всей ее территории установился советский строй. Грандиозные социальные потрясения привели к некоторому перерыву в деятельности этнологических учреждений. Но уже в начале 1920-х гг. некоторые из них, существовавшие с дореволюционного времени, возобновили свою работу. Началось создание новых. К 1927 г. в столицах союзных республик, областных и некоторых уездных городах было открыто более полутора тысяч краеведческих музеев и обществ. Их работу координировало Центральное бюро краеведения.

Была развернута подготовка этнографических кадров. В 1925 г. началось преподавание этнографии в Ленинградском университете, где работали В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг. В том же году в Московском университете факультет общественных наук был преобразован в этнологический факультет.

В 1926 г. начал выходить журнал «Этнография» (с 1930 г. — «Советская этнография», с 1992 г. — «Этнографическое обозрение»).

Наметившиеся процессы были прерваны на рубеже 1920-х — 1930-х гг. В 1929 г. при Центральном музее народоведения, организованном в 1924 г., начал работу «Этнологический марксистский семинар». С 1929 по 1932 гг. проводились этнографические «совещания» для «выработки» общих позиций «по ряду принципиальных теоретических вопросов». Эти сборища знаменовали полный разгром действительной науки и начало такого ее этапа, когда сами слова «наука», «ученый» можно употреблять только с приставкой «эрзац-». Гуманитарное знание в СССР на долгие годы заменила историко-материалистическая мифология.

С начала 30-х гг. на смену существовавшим научным направлениям и отдельным группам учёных-единомышленников пришла так называемая «советская этнографическая школа».[147] Она признала марксизм-ленинизм «единственным подлинно научным методом» и противопоставилась на этой основе всей мировой («буржуазной») науке. В этнологию, как и в историю, обществоведение, философию, политэкономию, социологию, средствами административного насилия была внедрена абсурдная «теория» общественно-экономических формаций,[148] выполнявшая роль пролетарской отмычки к историческому процессу. В резолюции, принятой Совещанием этнографов Ленинграда и Москвы в 1929 г., указывалось, что «основным понятием и объектом исследования этнографии должны быть *социально-экономические формации* в их конкретных вариантах».[149] На том же совещании было заявлено, что изучаться должны главным образом те общества, которые находятся на низких стадиях развития. В статье «Этнография», опубликованной в 1933 г. в первом издании Большой советской энциклопедии, она определялась как наука, изучающая народы, стоящие «на различных, часто *довольно ранних*, ступенях *докапиталистического* развития и поэтому сохранивших у себя *пережитки* докапиталистических формаций». В этих пережитках одно время даже пытались увидеть зачатки коммунистических отношений будущего.

Тридцатые годы отмечены активизацией этнографической работы в районах Крайнего Севера, Сибири, Средней Азии, Казахстана. Авторы этого периода проявляли особый интерес к анализу общественной организации, выявлению хотя бы и гипотетических следов «общинно-родового уклада», родоплеменной структуры. Задачи этнографии сужались, предмет сводился к изучению сомнительно реконструированного первобытнообщинного строя (методом этнографического наблюдения). С тех же позиций крайне тенденциозно развивались исследования общих вопросов истории первобытного общества.

В 1933 г. на базе Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде был создан Институт антропологии и этнографии АН СССР, переименованный в 1935 г. в Институт этнографии АН СССР (ныне — Институт этнологии и антропологии Российской академии наук). С 1942 г. центр этнографической науки переместился в Москву (в современном Петербурге находится «часть» Института этнологии), и все этнографические исследования возглавил Сергей Павлович Толстов. Это был деятельный и думающий человек, автор многих работ и интересных гипотез, хороший организатор. Тем не менее это был человек своей эпохи. Вместе со всеми он клялся в верности «Великому Сталину», раскаивался в «ошибках», клеймил позором инакомыслящих.

Известный российский этнолог, Вадим Александрович Александров, хорошо знавший С. П. Толстова лично, вспоминал о нём: «Работать с С. П. Толстовым-директором было очень трудно. ... Не жалея себя, он не считался в работе и с другими, а возникавшие затруднения вызывали взрывы, терпеть которые следовало только с нервами, зажатыми в комок. В иных случаях Сергей Павлович мог быть изысканно вежлив, откровенен и великодушно широко прямолинеен, грубовато шутлив, нетерпелив и капризен. Понимал он собеседника, что называется, с первого слова. В общем, температура в директорском кабинете была трудно

---

[147] Термин введен в 1946 г. С. П. Толстовым.
[148] Подробнее см. раздел «Теоретические построения в советской этнографии».
[149] Этнография, 1929, № 2, с. 118.

предсказуема. ... Пожалуй, самое трудное для него самого, глубоко скрытое в душе, заключалось в неизбежной необходимости сочетать крупного, самостоятельно думающего ученого с деятелем административно-идеологической системы, болтиком которой он был. Как человек тщеславный, тяготевший к тому же к принципиальному одобрению своей деятельности, он шел на поводу этой системы, а случалось, и ее безнравственности. ... При некоторой доли подозрительности он старался вникать в детали деятельности сотрудников и своих помощников. ... С.П. Толстов мне импонировал широтой своих научных взглядов...».[150]

В послевоенный период в СССР были проведены 3 комплексные этнографо–археолого–антропологических экспедиции — Памиро-Ферганская, Балтийская, Хорезмская.

В 50-е гг. началось написание — самой фундаментальной за весь советский период серии монографий — «Народы мира» (серия завершена в 1966 г.). Серия имела как достоинства, так и недостатки.

В. А. Александров пишет: «С. П. Толстов ... задумал создать фундаментальную серию «Народы мира» и, придавая ей первостепенное значение, считал, что именно она должна отражать лицо института. Коллективный метод написания вузовских учебников был распространен уже перед войной, но в 1950-х гг. политика утверждения в академических институтах именно этого метода как первостепенного в их работе стала утверждаться особенно настойчиво. В результате стала появляться серия «кирпичей» до 80-100 печатных листов[151] каждый. Само собой разумеется, в подобных изданиях подтверждались концепции социального заказа. Мнения, противоречившие этим концепциям или их отдельным положениям, отводились с «порога». Назначение этой серии было очень неопределенным. По своим объемам и тиражам такие тома были недоступны широким читательским слоям, исследователям они нужны были лишь для справок. Пожалуй, только ремесленники-профессионалы, преподаватели высших учебных заведений находили в них необходимый материал для создания своих лекционных курсов. В результате огромный затрачиваемый труд при создании этих «коллективных» изданий растягивавшийся на долгие годы, не соответствовал результатам. К тому же, исследовательская мысль в индивидуальных исследованиях так или иначе «пробивалась через укатанный асфальт» созданных и официально одобренных концепций и скоро становилось ясно, насколько быстро содержание «кирпичей» устаревало».[152]

В 1966 г. на пост директора Института этнографии был назначен Юлиан Владимирович Бромлей. Благодаря ему, весь период с середины 60-х годов и до «перестроечной эпохи» прошел под знаком разработки так называемой «*теории этноса*» (ее рассмотрению будет посвящен особый раздел) и сопровождался внедрением представлений об «этносе» как главном исследовательском объекте этнографии. С начала 60-х гг. делались попытки обосновать дисциплины *на стыке* этнографии с другими науками. В 1961 г. С. И. Брук и В. И. Козлов опубликовали в «Советской этнографии» статью об этнической картографии, в 1963 г. они же и М. Г. Левин — статью об этногеографии. Заговорили об «этнодемографии», «этносоциологии», «этноэкологии» и проч. Эти направления имеют приверженцев и сегодня.

Кроме Ю. В. Бромлея, была еще одна фигура, без упоминания которой портрет этнографии в рассматриваемую эпоху не будет полным, — Сергей Александрович Токарев. Он заведовал сектором в Институте этнографии, а с 1956 по 1973 г. — кафедрой этнографии Московского университета. С. А. Токарев был необычайно эрудированным человеком, своеобразной «живой энциклопедией». Им очень много сделано для изучения истории русской и зарубежной этнографической науки,[153] созданы труды по религиям народов мира, написан учебник по этнографии народов СССР. С. А. Токарев выступал редактором учебных пособий, энциклопедий, справочных изданий, трудов зарубежных ученых. Конечно, написанное С. А. Токаревым, с современных позиций, нуждается в некоторой переоценке, но его заслуги перед наукой и образованием по-настоящему велики.

В 1989 г. (еще при жизни Ю. В. Бромлея) Институт этнологии и антропологии в Москве возглавил Валерий Александрович Тишков. Его приход к руководству был отмечен публикацией двух близких по содержанию статей, автором которых он являлся, свежих стилистически и концептуально (в журналах «Коммунист» и «Советская этнография»). Новый директор не скрывал, что является сторонником обновления и интеграции отечественной этнологии в мировую научную систему.

В докладе на заседании Ученого Совета Института этнографии 18 января 1990 г., через 8 месяцев после утверждения в должности директора, В. А. Тишков отметил «достаточно серьезный кризис отечественного гуманитарного знания, особенно его теоретико-методологических основ» и поставил одной из задач преодоление «позитивистского мышления и упрощающей суть вещей теории отражения, свойственных марксистско-ленинскому обществознанию». В. А. Тишков высказался за отказ от обязательной для всех ученых-гуманитариев единой методологии и от «ритуального поклонения одной дисциплинарной метатеории, имеющей тенденцию к мумификации и застою...». «Раскованность и неортодоксальность мысли, видимо, сейчас

[150] Александров В. А. Путь в историю, пути в истории. (Моя жизнь). — М., 1998, с. 57–58.

[151] «Печатный лист», или «авторский лист» — 16 страниц машинописного текста через полтора интервала или 22 страницы через 2 интервала, около 40 тыс. печатных знаков.

[152] Александров В. А., указ. соч., с. 81–82.

[153] Использованы составителем настоящего издания в работе над Разделом 2.

важнее ригоризма нашего языка прошлых десятилетий».[154] В качестве серьезных и больных проблем В. А. Тишков назвал низкий статус этнологии в обществе и в системе АН СССР, малое число этнологов («в десятки раз меньше, чем в США, и в несколько раз меньше, чем в других развитых странах»), трудности с привлечением перспективной молодежи. «Сказывается имидж дисциплины как занимающейся маловажными, малоинтересными и недостаточно перспективными проблемами. … Учебник по этнографии[155] представляет собою устаревший и просто слабый текст, который может скорее отпугнуть, чем привлечь студентов к данной профессии. Не менее архаично и содержание этнографической подготовки...».

К этому хотелось бы добавить,[156] что вся гуманитарная наука СССР строилась на строго авторитарных принципах. В ней процветало чинопочитание, уважение не к знаниям и не к личности, а к должности, лакейство перед власть имущими, готовность угодливо обслуживать существующий тоталитарный режим, «научно обосновывать» любые его действия.

Все «общественные науки», и этнография в том числе, являли собой **раздел коммунистической пропаганды**. Ни одна монография, ни один учебник, ни одна самая захудалая брошюра, программа, методическая разработка, научная статья не могли быть опубликованы без предварительной проверки на соответствие марксизму-ленинизму. Свобода дискуссий даже в самые лучшие годы миролюбивого и лениво разлагавшегося брежневского социализма сводилась к чуть более или чуть менее вольным интерпретациям «классиков» и «основоположников» так называемого «научного коммунизма», приправленным для осовременивания обильным цитированием последних партийных документов.

Сложилась целая когорта ученых, одержимых внутренней цензурой, не умеющих думать иначе, как в категориях диалектического и исторического материализма, ученых (пусть это прозвучит пародоксально) недостаточно образованных, наглухо изолированных от общечеловеческих ценностей, подлинных достижений цивилизации, воспринимающих все многообразие мира сквозь призму классового противостояния, искренне убежденных, что марксизм-ленинизм является венцом философской и общественно-политической мысли, закономерным и достойным итогом всего пройденного человечеством пути. Люди эти представляли своеобразную низшую категорию жречества, на которую время от времени низвергались потоки животворящей благодати с уровня Политбюро ЦК КПСС, нескольких академиков «противоестественных» (как их называли в народе) наук и прочих «непогрешимых». Публицисты, вузовские педагоги, авторы научных публикаций имели задачей действовать «в свете» постоянно принимаемых партией «исторических решений», по возможности доходчиво спускать полученные руководящие указания «в массы», соблюдая верность «заветам», «духу и букве единственно верного и всепобеждающего учения». Сам процесс научного и околонаучного мышления в СССР понимался как *манипуляция заданными шаблонами*, набор которых менялся в зависимости от политической конъюнктуры. Это была самая настоящая, ничем не завуалированная профанация науки, где нехватка фактических знаний компенсировалась развитым «классовым чутьем».

В области узконаправленных, локальных и конкретных исследований советского периода можно говорить о каком-то прогрессе, каких-то достижениях.[157] Но в целом, по всем отраслям общественно-исторического знания, и по этнологии в том числе, происходило и, к большому сожалению пока продолжается, падение уровня квалификации научных кадров, девальвация дипломов всех рангов.

В теоретических наработках советского периода, доныне (2000 г.) пронизывающим *все школьные и вузовские учебники*, во взглядах и оценках, господствующих среди специалистов и неспециалистов, ничего нельзя понять, абстрагируясь от тех исторических условий, в которых они зарождались и развивались.

[154] Советская этнография, 1990, № 3, с. 141–147.

[155] Имелся в виду учебник 1982 г. — *А. З.*

[156] Здесь и ниже автор излагает собственную точку зрения так, как считает это необходимым. Ознакомившись с трудами выдающихся ученых советского периода, проследив по подшивкам профессиональных журналов ход дискуссий, читатель вправе сам определить, стоит ми ему соглашаться с изложенной оценкой.

[157] В частности, это выражалось в публикациях трудов учёных, получивших образование ещё до сталинских времён.

Раздел 2. **ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ЭТНОЛОГИИ (ЭТНОГРАФИИ)**

Из предшествующего раздела очевидно, что понимание предмета этнографии на протяжении ее достаточно длительной истории (если начинать от самых истоков) менялось. В тезисной форме эти изменения можно свести к следующему:

1. Этнография берет начало в *комплексном страноведении*. Характерное для трудов античных авторов комплексное описание стран и народов сохранялось и в работах многих ученых средневековья и нового времени.[158]

2. Очень долго этнография понималась как *описание чужих народов*. Собственные народы, за редчайшим исключением, не описывались. Слово «этнос» со времен Аристотеля (IV в. до н. э.) обозначало «чужой» народ.

3. С момента введения в научный обиход слово «этнография» и его французский аналог «этнология» (народоведение) *неточно отражали реальный предмет науки*, которую призваны были обозначать. Говорилось — «народоописание», «народоведение», подразумевалось — изучение традиций и обычаев *неевропейских* общностей.

4. В отдельную науку этнография оформилась в первой половине XIX в. как *наука о человеке и его культуре*. Это было зафиксировано в первом теоретически значимом этнографическом направлении — эволюционизме, изучавшем *историю культурного развития человечества*.[159] В англоязычных странах с конца XVIII в. для обозначения науки о человеке и его культуре использовался более удачный, чем «этнография», термин «*антропология*» (дословно: «наука о человеке»), подразумевавший изучение всех свойств человека вообще. Английские эволюционисты в строгом смысле слова не были «этнографами», они были «антропологами».[160]

5. С завершением становления этнографической науки продолжало подразумеваться, что цивилизованные народы в целом этнографами не изучаются. Изучению подлежат только их отдельные, *отставшие в культурном отношении группы* (крестьянство), хранящие в своем укладе жизни *пережитки* глубокой старины, интересные для сравнительных историко-культурных построений и реконструкций.

6. Осмысление этнографических данных очень рано начало сливаться с концептуальным *осмыслением всей истории человечества*. Абстрагируясь от истории этнографии ничего нельзя понять в обществоведении (начиная с терминов) и таких политических учениях, как, скажем, марксизм.

7. Этнография тесно связана с «социологией» (наукой об обществе). Явления *социальной культуры* (организация власти, брачные нормы и проч.) в первую очередь привлекали внимание этнографов. То, что называют «историей этнологии», для Франции можно назвать и историей социологической мысли. Английский термин «социальная антропология» говорит сам за себя.

8. Еще одно приоритетное направление этнографических исследований — *верования и культы*. Религиоведение являлось основным содержанием большого числа «этнографических» работ.[161]

9. До конца XIX в. *этнографического образования не существовало* и профессиональной этнографии тоже. Науку двигали дилетанты, любознательные люди иных профессий.

Как уже говорилось, все собиратели фольклора периода «мифологической школы» были не этнографами, а философами, поэтами, писателями. Выдающийся ученый, создатель и руководитель Берлинского музея народоведения Адольф Бастиан был врачом по образованию. Теодор Вайц, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм были философами. Джон Мак-Леннан имел юридическое образование. Эдуард Тайлор происходил из зажиточной семьи, готовился к предпринимательской деятельности и высшего образования не получил вообще (с 1896 г. после организации первой кафедры антропологии при Оксфордском университете Тайлор стал ее профессором). Шарль Летурно был по образованию врачом и специалистом в области физиологии, Уильям Риверс — врачом-невропатологом. Графтон Эллиот-Смитт профессионально занимался анатомией. Фридрих Ратцель занимал должность профессора географии в Мюнхенском, а с 1886 г. в Лейпцигском университете. Вильгельм Шмидт был католическим патером. Бронислав Каспар Малиновский изучал математику, получил в Краковском университете степень доктора физико-математических наук (до переезда в Лейпциг и Лондон). Франц Боас был по образованию физиком и математиком.

В первые несколько десятилетий XX в. произошла профессионализация науки о культурах. Закончилась эпоха экстравагантных гипотез. Появились кадры специалистов. Оформилось несколько научных направлений.

10. Иными были тенденции в развитии отечественной науки. После непродолжительного периода инерционного движения, вслед за событиями 1917–1922 гг., она фактически прекратила свое существование. Все общественные науки были заменены марксизмом (марксизмом-ленинизмом). Вместо этнографической *науки* появилась *отрасль марксизма* под названием «этнография». Собирался первичный этнографический материал (много внимания стало уделяться изучению «материальной культуры»), выпускались обобщающие истори-

---

[158] Как мы уже отметили выше, само название «этнография» вошло в научный обиход в конце XVIII в. в Германии как аналог слова «география»: география — землеописание, этнография — народоописание.

[159] С этого времени этнография понимается как дисциплина исторического цикла.

[160] Как уже говорилось, современные англоязычные аналоги отечественной этнографии (этнологии) — «социальная антропология», «культурная антропология».

[161] Работы Э. Тайлора, Дж. Фрэзера, Л. Я. Штернберга и др.

ко-материалистические труды, готовились кадры этнографов-марксистов. Называть все это «наукой» нельзя, ибо **наука невозможна там, где господствует одна на всех «единственно верная» теория и методология** (за сомнение в которой исключают из «научного» сообщества, а то и сажают в лагерь), где еще до начала исследования известен результат, к которому следует прийти. В условиях, когда были прерваны традиции отечественной науки и наступила изоляция от науки мировой, произошло заметное снижение профессионального уровня «советской этнографии». Сама этнография стала пониматься как «наука о народах», по дословному переводу термина, а еще хуже — как «наука о национальном», «наука об этнических особенностях».[162]

По состоянию отечественной гуманитарной науки в целом, сегодня дать грамотное определение предмета этнографии, можно лишь опираясь на знание ее истории. Перечень существующих среди современных учёных «мнений»[163] малопродуктивен для определения предметной сферы, поскольку эти мнения — лишь продолжение истории одного действительно капитального (с 1917 г.) заблуждения.

В самом общем виде определение предмета этнографии понятно, оно уже давалось выше, и остается только повторить: **наука о человеке и его культуре**. Реально, все авторы советского времени, утверждая, примерно с 70-х гг., что изучают «этносы», изучали конкретные разделы культуры у отдельных групп населения той или иной территории.

Однако культуры можно изучать по-разному, с разных позиций и преследуя различные цели. Как было показано в Главе 2 предыдущего раздела, в зарубежной науке существует несколько подходов к изучении культур:

- Реконструкция первобытного состояния человечества. Этот подход был присущ *эволюционизму* (что видно, в частности, по названиям некоторых работ, приведенным на с. 14).
- Изучение происхождения отдельных элементов культуры, линий их эволюции. Тоже *эволюционистский* подход, нашедший продолжение в *неоэволюционизме* и *холокультурализме*.
- Реконструкция истории человечества как истории отдельных культурных групп, особенно групп, не имеющих письменности. Подход, присущий *школе Ф. Боаса*.
- Изучение пространственного размещения явлений культуры путей их миграций. *Диффузионистский* и *антропогеографический* подход.
- Изучение культуры как равновесной системы и функций отдельных ее элементов, включая динамику функций. *Функционалистский* подход.
- Исследование психологической обусловленности существующей культурной среды, выявление взаимосвязей между формами культуры и особенностями человеческого мышления. Подход, характерный для *эволюционизма*,[164] *структурализма*, *фрейдизма*, *социологической школы.*
- Интерес к культуре как к способу организации и осмысления окружающей действительности, как к системе ценностей, мотивирующих человеческую деятельность; исследование стереотипов сознания и поведения, обусловленных культурной средой. Подход, отличающий «*новую этнографию*» (когнитивная антропология, этносайнс) и *этнопсихологические направления* (бихейвиоризм, «конфигурация культуры», «культура и личность»).

Так что, данное в 1920-е гг. Л. Я. Штернбергом определение **этнографии**, **как квинтэссенции общественных наук**, советскими авторами было похоронено совершенно напрасно. Этнография — не вспомогательная историческая дисциплина, как её пытались и ещё пытаются представлять, и не наука о каких-то мифических «этносах».[165] Это **фундаментальный раздел научного знания о формировании и развитии созданных человечеством культур, о системах ценностной ориентации личности, о «свойствах организованных человеческих групп»**,[166] **об особенностях индивидуальной и групповой психологии, находящих отражение в социальных институтах и нормах**, **в окружающей человека вещественной среде, в стереотипах мышления**.[167]

Можно сказать и короче: **этнография — наука об образе жизни.** Она изучает *варианты* образа жизни человечества, выясняет, как эти варианты формировались.

По определению В. А. Тишкова, «***этнология описывает и объясняет культурно обусловленный образ мышления и поведения прошлых и современных обществ***».

---

[162] В то же время, в «историю этнографической науки», благодаря работам С. А. Токарева, включалось именно то, что и следует включать; поэтому в предыдущих главах мы использовали общепринятую схему, лишь несколько изменив периодизацию.

[163] Как это сделано, например, в учебном пособии Р. Ф. Итса.

[164] Например, эволюционист А. Бастиан свою работу оценивал как «естественнонаучное объяснение психологии и психологическое объяснение истории» и свою книгу «Человек в истории» снабдил подзаголовком: «К обоснованию психологического мировоззрения».

[165] См. раздел «Теоретические построения в советской этнографии», параграф «Теория этноса».

[166] В кавычках — выражение Э. Тайлора.

[167] По этой причине, в частности, настоящие издание названо «Введением в предмет». Прочитать курс «Этнологии» за один или даже два семестра, строго говоря, невозможно, как невозможно прочитать в таком же объёме курс под названием «История».

«Народы», или «этносы», этнография тоже изучает, но только как разновидность социальных общностей, частный случай социально-психологических оппозиций. Это не основной её «объект».

Отечественная этнография входит в число «*исторических* наук»,[168] хотя в последние несколько десятилетий в ней заметно усилилась тенденция к изучению *современности*. Это надо иметь в виду, переходя к характеристике источников и методов этнографических исследований.

Этнография пользуется:

– всеми видами исторических источников,
– данными многих самостоятельных наук (лингвистики, археологии, антропологии и др.),
– собственно этнографическими материалами, собираемыми в ходе полевых исследований.

Полевая работа этнографов, как правило, связана с поездками (экспедициями). Проводиться она может:

1) стационарным,
2) маршрутным,
3) кустовым методом.

Стационарные исследования подразумевают длительное проживание в среде изучаемой группы и позволяют получить очень подробные сведения о ней. Такие исследования велись Н. Н. Миклухо-Маклаем у папуасов Новой Гвинеи, В. Г. Богоразом у чукчей Сибири, Б. Малиновским — на Новой Гвинее и Тробриандовых островах.

Когда требуется охватить большую территорию, выявить границы распространения отдельных культурных элементов, стационарный метод не годится. В этом случае исследователь (исследовательская группа) движется по выбранному маршруту (*маршрутный* метод) или, выбрав крупный населенный пункт в качестве базы, совершают выезды из него по ближайшей округе (*кустовой* метод). Возможен и смешанный, *маршрутно-кустовой* способ охвата территории. Степень подробности при любом из этих вариантов будет, разумеется, ниже, чем при стационарном методе.

Существует всего два основных метода сбора полевого материала — *наблюдение* и *опрос*. Ими охватываются многие частные методы.

Наблюдение предполагает ведение записей, зарисовку, фотографирование, киносъемку и все другие формы непосредственной фиксации культурных явлений. Исследователь может и сам принимать участие в деятельности изучаемой им группы. Такое наблюдение иногда называют «включенным», в отличие от «простого».

Опрос информаторов по-другому называют «интервьюированием». Интервью может быть формализованным (по заранее составленному вопроснику), полуформализованным и «открытым». В последнем случае намечаются лишь основные темы беседы. Интервью подразделяют также на «глубинное» (с основными, или, как их ещё называют, «ключевыми», информаторами) и «структурное», или «тематическое» (у большого числа лиц). При интервью могут использоваться «таблицы узнавания» и другие заранее подготовленные исследователем материалы.

Есть еще один способ сбора материала — анкетирование, когда опрашиваемый получает стандартный вопросник и ему предлагается на эти вопросы ответить. Анкета-вопросник может рассылаться по почте или распространяться любым другим методом. Контакта исследователя и опрашиваемого способ не подразумевает. Иногда, не вполне точно, «анкетированием» называют метод формализованного интервью.

В отечественной полевой этнографии последних лет удельный вес методов наблюдения непрерывно сокращается, а роль различных форм опроса растет.

Методы обобщения в этнографии сводятся к следующим:

1) Описательный метод. Исследователь воссоздает картину увиденного и услышанного, стремясь к максимальной ее полноте.

2) Типологический метод. Состоит в выделении у изучаемых явлений признаков, позволяющих объединить их в группы. Другие признаки при этом игнорируются.

3) Сравнительно-исторический метод. Он основан на сравнении культур, выявлении общего, особенного, причин сходств и различий и тесно связан с типологическим методом.

4) Картографический метод. Карта — не иллюстрация, а именно метод исследования, и достаточно эффективный. Картографический метод используется во взаимосвязи с типологическим и сравнительно-историческим.

5) Математические методы количественного анализа. В этой группе простейшим является «статистический» метод. Более сложные методики строятся на использовании результатов массовых опросов населения по стандартизированным программам, что позволяет проводить их компьютерную обработку. Эти методы достаточно сложны и не вполне корректны, поскольку испытали на себе влияние так называемой «теории этноса», появившейся в советское время.[169]

---

[168] В этом есть своя логика — см. сноску 159 на с. 48.

[169] См. раздел «Теоретические построения в советской этнографии».

Раздел 3. ВАЖНЕЙШИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Глава 5. Расы человека

§ 9. Географические вариации физического типа человека (расовые признаки)

Современная наука исходит из представления, что биологически человечество едино. То есть, все люди Земли относятся к одному биологическому типу. Но некоторые особенности физического строения людей меняются от места к месту, «обнаруживают географические вариации». Такие особенности, передаваемые по наследству и характерные для больших групп людей, называют расовыми признаками.

К расовым признакам, например, относятся:

1. Форма волос. Учитываются две особенности: жёсткость и извилистость. Жёсткость зависит от толщины волоса. Площадь сечения жёсткого («тугого») волоса в два раза больше, чем мягкого.

По извилистости[170] волосы подразделяют на прямые, широковолнистые, узковолнистые, курчавые разных степеней. Наиболее курчавые волосы называют «спирально-завитыми». Они характерны для бушменов и готтентотов южной Африки.

2. Третичный волосяной покров. Его развитие оценивается в баллах от 1 (очень слабое) до 5 (очень сильное). Учитывается густота волос и площадь поверхности кожи, которую они занимают (у мужчин). Слабое развитие третичного волосяного покрова отмечено у многих народов Центральной и Северной Азии (монголы, эвенки, эвены и др.), у индейцев Северной Америки. Сильно развит третичный волосяной покров у айнов, австралийцев, некоторых народов Передней Азии и Закавказья (например, у армян).

3. Цвет кожи. Может изменяться от бледно-розовой до темно-коричневой и почти черной. Шкала цветов насчитывает до 36 оттенков. Наиболее светлая кожа — у населения Северной Европы, наиболее темная — у жителей Центральной Африки.

4. Цвет волос. Принято различать черные, темно-русые, светло-русые, белокурые, рыжие волосы.

5. Цвет глаз (окраска радужной оболочки). Темные глаза: черные, карие, желтые; глаза смешанных, или переходных, цветов — желто-зеленые, зеленые, серые; светлые глаза — светло-серые, голубые, синие.

Географические вариации цвета глаз в общем совпадают с территориальной изменчивостью окраски волос и цвета кожи. Иногда все эти три признака (3-й, 4-й, 5-й из перечисленных нами) объединяют понятием «интенсивность пигментации».

6. Рост. Средняя длина тела у человека 165 см для мужчин и 154 см для женщин. Наименьший средний рост зафиксирован у пигмеев бассейна р. Конго — 141 см для взрослого мужчины. К низкорослым группам (ниже 150 см) относятся бушмены южной Африки, негритосы Андаманских островов и некоторых внутренних районов Индокитая. Самый высокий средний рост — 182 см характерен для населения, живущего южнее оз. Чад. Рост выше 175 см имеют многие африканцы, проживающие в районе верховьев р. Нила и в других областях к северу от зоны тропических лесов, а также черногорцы, шотландцы, шведы, норвежцы, полинезийцы Маркизских островов.

7. Пропорции тела. По отношению длины конечностей к длине тела, ширине плеч и таза выделяют: 1) брахиморфный[171] тип — относительно короткие руки и ноги, длинное туловище, широкие плечи и таз; 2) долихоморфный[172] тип — сравнительно длинные конечности, короткое туловище, узкие плечи и таз; 3) мезоморфный[173] тип — занимает промежуточное положение между первыми двумя.

8. Параметры головы. Большинство из них определяется путем специальных измерений. Отметим «головной указатель» — отношение ширины головы (поперечный диаметр) к длине (продольный диаметр), выраженное в процентах. Соотношение меньше 75,9% — долихокефалия, или долихоцефалия; между 76,0 и 80,9% — мезокефалия; больше 81% — брахикефалия.[174] Долихокефалия преобладает у коренного населения Австралии, Меланезии, Индии, Африки, в Средиземноморье, Скандинавии, встречается в Америке у эскимосов Аляски и севера Канады, у индейцев Амазонки. Брахикефалия распространена в Центральной, Юго-Восточной, Передней Азии, на Кавказе, Балканах, в Альпах, Пиренеях, в некоторых районах Северной и Южной Америки (например, у индейцев Тихоокеанского побережья США и Канады).

---

[170] Извилистость волос связана с расположением их корней в коже и с формой поперечного сечения волоса. Прямой волос выходит из кожи под углом близким к прямому, и корень его не имеет изгиба. У волнистых волос корень изогнут и угол выхода более острый. У курчавых волос изгиб корня еще больше, а угол выхода еще меньше. Поперечное сечение прямых волос близко к кругу, а волнистые и курчавые волосы в сечении дают овал.

[171] От греческого brachys — короткий, morphē — форма.

[172] Греческое dolichos — длинный.

[173] Греческое mesos — средний.

[174] Греческое kephalē — голова. См. также сноски 171-173.

9. Ширина лица. Наиболее широкие лица у народов Северной и Центральной Азии, на Севере Америки, у брахикефальных групп Европы (Балканы, Альпы, Северная Германия). Очень узкое лицо у бушменов, пигмеев, народов Эфиопии и некоторых других групп африканцев, у многих народов Южной Европы и Индии, негритосов Юго-Восточной Азии.

10. «Высота» лица. Различают физиономическую (от подбородочной до верхнелобной точки) и морфологическую (от подбородочной до верхненосовой точки) высоту лица.

11. Горизонтальная профилировка лица. Плоское лицо характерно для большинства народов Центральной, Северной и Восточной Азии, а также для бушменов. Резкой горизонтальной профилировкой лица обладает большинство европейцев, большинство народов Передней Азии, Кавказа. Среднепрофилированные лица — у африканцев и многих индейцев.

12. Выступание челюстей («прогнатизм»). Прогнатизм характерен для австралийцев, народов Африки, Юго-Восточной и Южной Азии, Америки.

13. Эпикантус — складка кожи верхнего века у внутреннего угла глаза, прикрывающая слезный бугорок. У народов Центральной, Восточной, Северной Азии эпикантус отмечается у 50–60% взрослых мужчин. У женщин встречается чаще. У детей развит сильнее, чем у взрослых.

14. Развитие складки верхнего века. Складка достигает края века, что делает ее незаметной, а само веко, фактически, — трехслойным.

15. Параметры носа: длина, ширина, высота переносья, профиль спинки носа, положение кончика носа, форма носовых отверстий.

16. Высота и толщина губ (степень выступания слизистой оболочки).

Почти все упомянутые признаки, условно называемые «внешними», наследуются независимо друг от друга и являются полигенными, то есть контролируемыми многими генами. У людей существуют и другие ареальные особенности, с более простой генетической детерминацией, зависящие от одной или нескольких пар аллелей.[175] К ним принадлежат многие эритроцитарные группы крови, узоры на подушечках пальцев рук и ног, особые линии (борозды) на ладонях и подошвах, вкусовые ощущения фенилтиокарбомида,[176] виды цветовой слепоты (дальтонизма) и многие другие морфофизиологические и биохимические особенности человеческого организма. Их географические вариации часто не совпадают с ареалами основных расовых признаков хотя и обнаруживают в пределах этих ареалов некоторые закономерности распределения.

Изучение расовых признаков необходимо для выяснения происхождения человека и хода его расселения по земному шару. Оно позволяет по описанию составить зрительное представление о физическом типе какой-либо человеческой общности.[177] А вот показателями «родства» и взаимодействия народов расовые признаки могут служить в самой малой степени, хотя в некоторых случаях это оказывается возможным.

Как отмечает С. А. Арутюнов, «черты антропологического облика людей не есть нечто неизменное, они подвержены эволюции во времени вне зависимости от явных внешних воздействий, и далеко не всегда можно с уверенностью сказать, является ли грацилизация, брахикефализация или, наоборот, дебрахикефализация результатом смешения или же проявлением действия процессов внутренней спонтанной эволюции без всякого смешения».[178]

§ 10. **Классификация рас**

«Расами» принято называть крупные подразделения человечества, отличающиеся морфологическими и физиологическими особенностями.[179]

Географические вариации морфофизиологических («расовых») признаков, рассмотренных в предыдущем параграфе, позволяют выделить 4 так называемые «большие расы»:

1) европеоиды (евразийская раса);
2) монголоиды (азиатско-американская раса);
3) негроиды (африканская раса);
4) австралоиды (океанийская раса).

---

[175] Генов, расположенных в одинаковых участках парных хромосом и определяющих направление развития одного и того же признака.

[176] Одним людям он кажется горьким, другим — безвкусным.

[177] Случаи удачного использования антропологических материалов в исторической и этнографической литературе довольно редки. К числу таких удачных случаев, по мнению автора этой книги, может быть отнесён краткий очерк антропологии татар, помещённый в научно-популярном издании профессора Альфреда Хасановича Халикова «Татарский народ и его предки» (Казань, 1989, с. 31-36).

[178] Арутюнов С. А. Народы и культуры. — М., 1989, с. 13

[179] Слово «раса» производно от французского «рас», обозначающего «род», «порода». Откуда это слово попало в сам французский язык, до конца не выяснено. Как один из возможных вариантов рассматривается арабское «рас» – голова, начало. В современном смысле, слово «раса» впервые, из известных источников, встречается французского ученого Ф. Бернье (1684 г.) .

Европеоиды отличаются волнистыми или прямыми мягкими волосами разных оттенков, светлой или смуглой кожей, сильным развитием третичного волосяного покрова, разнообразием окраски радужной оболочки глаз (от карих до светло-серых и голубых), слабым или средним выступанием скул, незначительным выступанием челюстей (ортогнатизм), узким выступающим носом с высоким переносьем, тонкими или средней толщины губами.

Подразделения европеоидной расы:

1) южная группа, или индо-средиземноморская раса с интенсивной пигментацией:

а) долихокефальные популяции:

— средиземноморская;[180]

— индо-афганская;

б) брахикефальные популяции:

— адриатическая, или динарская раса (Балканский полуостров, восточный берег Адриатики);

— переднеазиатская, или арменоидная;

— памиро-ферганская (таджики, часть узбеков).

2) промежуточная группа (главным образом, короткоголовые популяции):

— альпийская раса (Швейцария и прилегающие области Франции, Германии, Австрии, Италии);

— среднеевропейская (Центральная и Восточная Европа, включая некоторые группы южных немцев, австрийцев, венгров, чехов, словаков, западных украинцев, южных белорусов, литовцев);

— восточноевропейская (большая часть русских, северные украинцы и белорусы).

3) северные (слабо пигментированные) европеоиды:

— северо-западные европеоиды, или атланто-балтийская раса (Великобритания, Нидерланды, северные районы Германии, Скандинавия, Латвия и Эстония, Западная Финляндия);

— северо-восточные европеоиды, или беломорско-балтийская раса (северные русские, карелы, вепсы, северные коми).

По другой схеме северные европеоиды описываются под названиями:

— северная, или нордийская раса (высокорослые, средне- и длинноголовые);

— балтийская раса (более брахикефальная).

Для ***монголоидов*** характерны прямые, часто тугие (жёсткие) темные волосы, слабое развитие третичного волосяного покрова, желтоватый оттенок кожи, карие глаза, уплощенное лицо с сильно выдающимися скулами, узкий или среднеширокий нос, часто с низким переносьем, эпикантус.

По многим признакам к монголоидам, кроме населения Азии, относятся американские индейцы, однако общий монголоидный облик у них сглажен, эпикантус встречается редко, нос обычно сильно выступает.

Подразделения азиатских монголоидов:

1) тихоокеанские монголоиды, среди которых особо выделяются северные группы, называемые также дальневосточной или восточно-азиатской расой (северные китайцы, северные тибетцы, корейцы);

2) континентальные монголоиды, отличающиеся от тихоокеанских менее интенсивной пигментацией, большей массивностью скелета более широким лицом, более тонкими губами:

— североазиатская раса (эвенки, эвены, юкагиры, негидальцы, ороки);

— центрально-азиатская раса (монголы, буряты, якуты, тувинцы, южные алтайцы);

3) арктическая или эскимосская раса (эскимосы, алеуты), занимающая промежуточное положение между континентальными и тихоокеанскими монголоидами. Для ее представителей характерно очень высокое и широкое лицо, узкий нос, тенденция к прогнатизму.

Негроидную расу отличают курчавые черные волосы, интенсивно пигментированная темно-коричневая кожа, карие глаза, слабое или среднее развитие третичного волосяного покрова, умеренно выступающие скулы, средняя уплощенность лица, прогнатизм, слабо выступающий широкий нос, толстые губы. Вопрос о разделении негроидов на расовые типы еще далек от разрешения. В массе негроидов морфологически явно обособляются:

— негрилли, или пигмеи (карликовый рост, тонкие губы, более светлая, чем у других негроидов, кожа, большее развитие волосяного покрова на лице и теле);

— бушмены и готтентоты (желтоватая кожа, малый рост, уплощённое лицо, эпикантус, стеатопигия — скопление жира в области ягодиц);

— нилоты и суданцы (очень темная кожа и высокий рост);

— негры бассейна р. Конго (умеренно долихокефальные и коренастые).

Австралоиды в подавляющем большинстве имеют темную окраску кожи, широкий нос, толстые губы, что сближает их с негроидами. Но есть и признаки, явно отличающие австралоидные группы от этих последних:

[180] Здесь и ниже указания на локализацию опущены, если они очевидны из названия.

волнистые волосы (аборигены Австралии, веддоиды), сильное развитие третичного волосяного покрова (австралийцы), ослабленная пигментация (айны).

В составе австралоидной расы выделяют:

— аборигены Австралии;

— веддоидная раса (ведды Шри-Ланки, бхилы Индии, сенои Малакки некоторые дравидийские народы и народы мунда; признаки расы встречаются у кубу, лубу и других малых индонезийских народов);

— папуасско-меланезийская раса;

— негритосская раса (аэта Филиппин, семанги Малайзии, андаманцы Индии);

— айнская раса.

Так называемые **«большие расы» не представляют компактных четко очерченных групп людей**. Не только отдельные люди, но и целые народы по физическим признакам могут быть отнесены и к той и к другой расе. Например, у бушменов имеются признаки и негроидности, и монголоидности. Айны сочетают отдельные особенности трех больших рас (светлая кожа и очень сильно развитый третичный волосяной покров, как у европеоидов; австралоидные широкий нос и покатый лоб; уплощенность лица и наличие эпикантуса, характерные для монголоидов).

В то же время, для каждой из 4-х «больших рас» специфично распределение полигенных наследственных факторов белков сыворотки крови. Так по системам иммуноглобулинов[181] и трансферринов[182] отчетливо выделяются все 4 большие расы.

Высказывалось предложение объединять большие расы в две группы: Западную и Восточную, но единой точки зрения пока не выработано. Одни специалисты, основываясь на особенностях волосяного покрова и строения черепа, относят к западной группе европеоидную, австралоидную и негроидную расы (к восточной — монголоидную), другие, используя данные об особенностях строения зубов, узоров на подушечках пальцев и свойствах сыворотки крови, включают в западную группу негроидов и европеоидов (в восточную — австралоидов и монголоидов). На интересное обстоятельство указывает В. П. Алексеев: у европеоидов и негроидов выраженность расовых признаков усиливается с возрастом, у монголоидов — ослабляется.[183]

В зонах контактов больших рас существует ряд *переходных* и *смешанных* расовых типов (рас).[184]

Между европеоидами и монголоидами:

— уральская раса (ханты, манси и др.);

— лапоноидная раса (саами);[185]

— смешанный южносибирский расовый тип (казахи, киргизы);

— смешанные популяции Средней и Центральной Азии (туркмены, уйгуры, салары, частично узбеки и таджики).

Смешанный европеоидно-монголоидный облик имеют потомки русских переселенцев в Сибирь: камчадалы, колымчане и др. Слабо выраженные монголоидные черты прослеживаются у венгров, части населения Германии, Финляндии.

Между европеоидами и веддоидами:

— южноиндийская раса (наиболее характерными представителями которой являются дравидоязычные народы южной Индии).

Между европеоидами и негроидами:

— переходная эфиопская раса;

— переходные группы Западного Судана (народы фульбе и др.);

— смешанные формы Судана.

Между монголоидами и австралоидами:

— переходная южноазиатская или малайская раса (южные китайцы, вьеты и другие народы Вьетнама, лао, кхмеры, многие народы Таиланда и Бирмы, малайцы, большинство народов Индонезии и Филиппин, включая яванцев, тагалов, бисайя и т. д.); многие особенности южноазиатской расы свойственны японцам;

— переходные антропологические типы Полинезии и Микронезии, в формировании которых возможно приняли участие европеоиды.

В результате смешения нескольких расовых компонентов образовались:

---

[181] Иммуноглобулины обеспечивают защитную функцию против различных болезней.

[182] Трансферрины обеспечивают нормальную циркуляцию ионов железа в токе крови.

[183] Алексеев В. П. Становление человечества. — М., 1984, с. 343–344.

[184] Переходными называют такие расы, которые сформировались столь давно, что уже невозможно установить, являются ли они результатом смешения или сохраняют древние черты, существовавшие у больших расовых стволов до их расчленения. Смешанные же расовые типы образовывались в древности, в средневековье, в новейшее время в процессе метисации.

[185] Некоторые антропологи объединяют уральскую и лапоноидную расы в одну — урало-лапоноидную, особенности которой выражены также в менее резкой форме у удмуртов, коми-пермяков, марийцев, некоторых групп мордвы и др.

— смешанный малагасийский тип (Мадагаскар);

— «цветные» (Южная Африка);

— промежуточные типы в Австралии, Новой Зеландии, Полинезии, Микронезии, на Фиджи, в Каледонии, а также на американском континенте.

Систематика рас очень трудна, а их границы весьма расплывчаты. Разные авторы предлагают разные варианты расовых классификаций. Сколько вообще существует на Земле рас, сказать с уверенностью невозможно.

Как мы уже говорили, расы образованы морфофизиологическими признаками, наследуемыми независимо друг от друга, и очень часто полимерными, т. е. определяемыми целой серией генов. Закономерные географические вариации этих признаков специфичны и тоже часто не совпадают друг с другом не только в крайних вариантах, но и в границах концентрации тех или иных вариантов. Поэтому некоторые генетики и антропологи (В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, В. П. Алексеев и др.) **отрицают** традиционную «*типологическую*» концепцию расы[186] и противопоставляют ей «*популяционное*» понимание: раса — исторически сложившееся сочетание морфологических и физиологических признаков у населения определенной территории.[187]

Популяционно-генетическая классификация рас человека имеет следующий вид:

I. Восточный (Амеро-Азиатский) ствол.

1) Американоидная ветвь:

— североамериканская локальная раса;

— центрально-южноамериканская локальная раса.

2) Азиатская ветвь:

— южномонголоидная;

— восточномонголоидная;

— арктическая;

— тибетская;

— североазиатская;

— южносибирская;

— уральская.

II. Западный (Евро-Африканский) ствол

1) Европеоидная ветвь:

— балтийская (североевропейская);

— центральноевропейская;

— средиземноморская (южноевропейская).

2) Негроидная ветвь:

— южноиндийская;

— эфиопская;

— негрская;

— центральноафриканская;

— южноафриканская.

3) Австралоидная ветвь:

— андаманская;

— негритосская материковая;

— негритосская филиппинская;

— австралийская;

— меланезийская;

— тасманийская;

— полинезийская;

— айнская (курильская).

Таким образом, выделяются 25 локальных рас, объединенных в 5 ветвей, составляющих 2 ствола.[188]

Классифицировать народы по расовым признакам нельзя. Расовые и этнические общности имеют разную природу[189] и выделяются по совершенно разным признакам. Связь расовых признаков с этнической принадлежностью достаточно условна. В современном мире совпадения границ расовых и этнических групп весьма редки, и очень малая часть существующих обществ являются в расовом и этническом отношениях гомогенны-

---

[186] Она предполагает существование определенных расовых «типов» человека и возможности разложить любую человеческую группу на составляющие ее расовые компоненты.

[187] См. Арутюнов С. А. Народы и культуры. – М., 1989.

[188] См. Народы мира: историко-этнографический справочник. — М., 1988, с. 17.

[189] Расы — биологические категории, качественно отличные от всех социальных общностей.

ми. Крупные по численности народы могут быть однородны на уровне «больших рас», но всегда гетерогенны в отношении подразделений этих рас. Народы Европы, например, в большинстве европеоиды, но каждый из них включает представителей двух, а то и трёх ветвей этой расы. Тем более не совпадают с этническими границами границы более дробных расовых типов большой европеоидной расы. Ярким примером интенсивного смешения расовых типов при образовании этносов служит население подавляющего большинства стран Америки. Здесь смешивались 2 или даже 3 большие расы.[190]

По моральным и частично политическим причинам в последние годы исследователи крайне осторожно пользуются концепцией расы, особенно в качестве одной из классификационных характеристик этнических общностей. Концепция расы применяется физическими антропологами как средство различения основных фенотипических подразделений человеческого вида. Иногда раса рассматривается как одна из форм социальной классификации, используемая в том или ином обществе. Из последней энциклопедии «Народы и религии мира» (1998) расовые характеристики практически исключены.

§ 11. **Факторы расообразования**

Первый фактор расообразования — ***географическая среда***. Многие расовые признаки человека имеют видимое приспособительное значение. Так, темный цвет кожи негров обусловлен присутствием в подкожном слое пигмента — меланина, защищающего человека от губительного ультрафиолетового излучения солнца. Удлиненная, высокая черепная коробка, жёсткие курчавые волосы негров, возможно, предохраняют голову от перегрева. Узкий нос жителей пустынь и северных народов (особенно у эскимосов) затрудняет свободную циркуляцию воздуха, что полезно при очень низких температурах. Отложение жира на лице у монголоидов препятствует обморожению, а кроме того создает для организма запас высококалорийного питательного вещества на неблагоприятные сезоны года. Последним обстоятельством принято объяснять и стеатопигию — скопление жира в области ягодиц у бушменов в пустынных районах Южной Африки. Узкая глазная щель и набухшие массивные веки монголоидов защищают глаза от травм пылью, песком, от яркого солнечного света, эпикантус — прикрывает слезный бугорок, затрудняет смачивание ресниц, и пыль на них оседает меньше. В тропиках приспособительное значение для усиленного испарения влаги через слизистую оболочку могли иметь утолщенные губы и широко открытые ноздри. У эскимосов при низких температурах скорость кровотока примерно вдвое больше, чем у европейцев, что позволяет сохранить тепловой баланс и оберегает от переохлаждения. У народов северных Анд, проживающих на больших высотах, зафиксированы приспособительные изменения в величине легких и интенсивности кислородного обмена.

Группы крови тоже имеют некоторое приспособительное значение, поскольку их носители неодинаково восприимчивы к разным инфекционным заболеваниям. Негроиды невосприимчивы к многим болезням тропической зоны, губительным для европейцев, но чрезвычайно чувствительны к тем инфекциям, которые существуют вне пределов африканского материка. Группы крови «В» в Китае, Индии и других странах получили преобладание потому, что их носители реже заболевали свирепствующей здесь оспой и легче ее переносили.[191]

В. П. Алексеев отмечал, что к человеку применимы некоторые общие экологические правила. Согласно правилу К. Бергмана, наблюдается зависимость между температурой среды и размерами тела гомотермных животных: на севере и юге размеры тела больше, чем в тропической зоне. Это следствие общих закономерностей терморегуляции организма. Применительно к популяциям человека аналогичное соотношение продемонстрировано для длины, веса, площади поверхности тела. Правило Д. Аллена устанавливает связь пропорций тела с климатом. В холодном климате гомотермные животные имеют укороченные конечности и отличаются более плотным сложением. Те группы человечества, которые проживают в тропиках, отличаются удлиненными конечностями и менее плотным сложением, а проживающие в умеренном и холодном поясе — более плотным сложением и укороченными пропорциями. Правилом К. Глогера устанавливается зависимость интенсивности окраски от географической широты местности: чем ближе к тропикам, тем окраска интенсивнее. У человека и цвет кожи, и цвет волос светлеют по мере перехода от тропического пояса к умеренным зонам и далее к поясам холода в обоих полушариях.

Специфическое для человека правило А. Томсона и Л. Бакстона говорит о зависимости ширины носа от среднегодовой температуры и солнечной радиации. Максимальная ширина — в тропиках, минимальная в Скандинавии, на северо-востоке Азии, на Аляске, в Гренландии на Огненной Земле.

Отмеченные закономерности носят статистический характер и устанавливаются на большом материале (парного сопоставления групп — недостаточно). Справедливость экологических правил по отношению к человеку свидетельствует о том, что адаптивный фактор играет значительную роль в расообразовании.[192]

---

[190] Также не совпадают границы между расами и языковыми подразделениями (о них — см ниже). Например, языки тюркской группы распространены и среди представителей монголоидной расы (якутов, тувинцев и др.) и среди европеоидов (азербайджанцев, турок и др.). Многие носители тюркских языков смешаны в расовом отношении. К различным большим расам принадлежат народы, говорящие на языках уральской языковой семьи и т. д.

[191] См. Алексеев В. П. Становление человечества. — М., 1984, с. 324–325.

[192] Там же, с. 320–324.

Существуют расовые признаки, видимой связи с географической средой не имеющие. Например, довольно трудно объяснить, какую приспособительную роль играют вариации ладонных линий и пальцевых узоров, вкусовая чувствительность к фенилтиокарбомиду и т. д. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что никакой полезный признак из области морфологии и физиологии, приобретенный человеком на протяжении жизни, потомству передаться не может.[193] Как ни велика роль географической среды, она не оказывала бы никакого влияния на морфофизиологический облик людей, если бы не было второго факторе расообразования — спонтанно идущего ***мутагенеза*** в биосфере и в человеческих популяциях в том числе. Постоянные изменения в генетическом аппарате человека идут самопроизвольно, а среда только придает им определенную направленность (за счет отбора). Неоднородность среды создает предпосылки для территориальных различий в направленности генетико-автоматических процессов.

Третий фактор расообразования — географическая и социальная (языковая, религиозная, кастовая и т. д.) ***изоляция***. При заключении браков преимущественно внутри своей обособленной группы могут происходить заметные сдвиги в распределении генов,[194] контролирующих расовые признаки. Например, в изолированных популяциях могут происходить браки — или долихокефализация, уменьшение или увеличение массивности скелета (грацилизация или матуризация). Подобным же образом пытаются объяснять возникновение многих одонтологических (строение зубов), серологических (иммунных), дерматоглифических (узоры на пальцах, ладонях, стопах) и других по большей части нейтральных, с точки зрения приспособительного значения к среде обитания, различий между популяциями (в том числе между западной и восточной группами больших рас). Этим объясняется некоторая связь расового и национального фактора.[195]

Четвертый фактор расообразования, противоположный по действию предыдущему, — ***метисация*** (смешение). Действие метисации усиливается по мере роста связей между различными странами, увеличения миграционной подвижности людей, роста плотности населения в ходе хозяйственного развития

Таковы причины, которые вызывали постоянное появление новых очагов расообразования на протяжении эволюции Homo sapiens. Социальные факторы (дифференцирующие и консолидирующие) дополнили разнообразие среды и дифференциацию экологических ниш.[196] Фенотипическое разнообразие человека бесспорно и является реальностью биологического порядка. Это разнообразие отражает прежде всего способность любых форм жизни к эволюции, и именно через эти эволюционные механизмы возникает разнообразие человеческих типов, давшее основание для понятия «раса».

Вопрос о времени появления рас (обычно подразумеваются большие расы человека) до конца еще не решен. Долгое время в отечественной литературе господствовал постулат, что люди современного физического типа появились 35 — 40 тыс. лет назад, и что одновременно с новым физическим типом человека возник и новый тип культуры — на смену так называемому «среднему палеолиту» пришел «верхний палеолит» с гораздо более разнообразными каменными изделиями расцветом техники обработки кости и рога, с развитой изобразительной деятельностью (пещерные «картинные галереи», гравировка по кости и камню, мелкая пластика). Все это увязывалось с надуманным тезисом о «роли труда» в процессе антропогенеза, о ведущем значении пресловутых «производительных сил» в развитии человечества. В конце 1960-х годов в Африке и на Ближнем Востоке были сделаны находки черепов неоантропов с возрастом 60-130 тыс. лет, и этим неопровержимо доказано, что **люди современного физического типа десятки тысяч лет были носителями «среднепалеолитической» культуры**, которая приписывалась неандертальцам. Более того, по последним данным, преемственности между неандертальцем и современным человеком нет вообще.

В середине 1980-х гг. несколько групп ученых (биологи, биохимики, специалисты в области генетики) в лабораториях США, Японии, Англии (У. Браун, К. Стрингер, Р. Канн, М. Стоункинг, А. Уилсон, Дж. Уэйнскоут), независимо друг от друга, пришли к следующим выводам: 1) в интервале между 360 и 180 тыс. лет назад человечество прошло через «бутылочное горлышко»: популяция резко сократилась, а затем начала расширяться («Ноев ковчег»); допустимо даже, что все современные люди происходят от одной женщины («Евы»), и наиболее вероятное время этого события — 200 тыс. лет назад; 2) все современные неафриканские популяции произошли от «популяции-основателя», мигрировавшей из Африки (внутри Африки генетические различия у разных групп населения больше, чем на других континентах); 3) время расхождения негроидов с европеоидами и монголоидами — 80-150 тыс. лет назад; 4) европеоидный тип — самый молодой, ему примерно 50 тыс. лет.[197]

---

[193] Существование вещества наследственности (гена) было основой широко известного спора между выдающимся учёным Николаем Ивановичем Вавиловым (1887-1943) и проходимцем от науки Т. Д. Лысенко (1898-1976). И. В. Сталин встал на точку зрения «академика» и президента Академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) Т. Д. Лысенко, посчитав, что так будет материалистичнее.

[194] Те же самые генетико-автоматические процессы, или «дрейф генов».

[195] См. подробнее в разделе о феномене национального.

[196] Алексеев В. П. Становление человечества. — М., 1984, с. 320, 327, 329–330, 345.

[197] См. обзор иностранных публикаций — Знание-сила. 1989. — № 8. — с. 19–24. Журнал «Эхо планеты» в 1988 г. со ссылкой на газету «Таймс» сообщал своим читателям: «Сейчас в руках специалистов, изучающих эволюцию человека, появился новый метод исследований — так называемые «генетические часы». Как известно, в клетках существует два типа генетического ма-

Такова одна из последних гипотез относительно возраста рас человека. Насколько она подтвердится — покажут дальнейшие исследования.

§ 12. **Расизм и этнография**

С точки зрения этнографии, расизм — попытка объяснить культурные различия между народами различиями в физическом облике составляющих их людей. Сам процесс накопления этнографических знаний в чем-то способствовал такой постановке вопроса. Знакомясь с дикарями, европейцы знакомились с людьми не только иной культуры, но и иного антропологического типа. Вполне логично было поинтересоваться, нет ли связи между отсталостью культуры, особенностями психического склада и визуально наблюдаемыми физическими признаками дикарей.

Представление о неравноценности человеческих рас было запущено в научный оборот очень давно. Например, оно присутствует в сочинении немецкого философа, писателя и историка Христофа Мейнерса «Общий очерк истории человечества» (1785 г.). Немецкий естествоиспытатель и географ Александр Гумбольдт (1769–1859), путешествуя по Южной Америке, отметил у местных индейцев «тесную связь между языком, характером и физическим строением» и заключил, что раса «поддерживает и увековечивает различие между народами» (1814 г.). В 1817 г. вышли записки французского зоолога Жоржа Кювье, который отождествил культуру с расой и утверждал, что раса определяет тип культуры. В середине 50-х годов XIX в. та же идея пропагандировалась в работах Р. Нокса, Дж. Нотта, Г. Глиндона и др.[198]

Одно из известнейших, действительно расистских сочинений издал в 1853 г. французский аристократ (граф), дипломат и публицист Жозеф Артюр де Гобино (1816-1882). Называлось оно «Опыт о неравенстве человеческих рас». В этой книге Гобино пытался доказать, что главной причиной различий в исторических судьбах разных стран был расовый («этнический», как иногда выражался Гобино) фактор, остающийся по сей день движущей силой культурного прогресса.

Человеческие расы отличаются не только и не столько по «красоте» и разным физическим признакам, сколько по психическим качествам, по различным способностям к развитию и даже усвоению культуры. Цивилизация, созданная одной расой, в среду людей другой расы в полной мере проникнуть не может. Народы дикие дикими и останутся. Низшая раса — черная, чуть выше ее — желтая. Единственная способная к прогрессу — белая раса. Элита белой расы — «арийцы».

Свои взгляды Гобино попытался обосновать путем обстоятельного обзора истории всех 10 цивилизаций, существовавших, по его словам, на памяти человечества: индийская, египетская, ассирийская, греческая, китайская, римская, германская, аллеганская (восточная честь Аппалачского плато в США), мексиканская и перуанская. Все они создавались арийцами. Египетскую цивилизацию создала арийская колония на среднем Ниле (в египетском языке Гобино усмотрел родство с санскритом), китайскую — белые люди, прибывшие из Индии, и т. д. Доколумбовы цивилизации Америки тоже были созданы мигрантами из Европы (Гобино с долей предположения указывал на скандинавов X в.).

Цветом человечества Гобино считал германцев. Ими был создан средневековый «германский» Рим, ставший подлинным культурным центром Европы. Но создавая повсюду цивилизацию, белая раса смешивалась с другими, теряла свою чистоту и энергию. С потерей этой биологической энергии приходили в застой и упадок цивилизации.

Продолжателями и последователями Гобино стали представители «социального дарвинизма» («политической антропологии», «антропосоциологии»). В Германии — Отто Аммон, Людвиг Вольтман, в Англии Хаустон

териала (ДНК). Один тип входит в состав хромосом (структурных элементов ядра клетки), другой представляет собой наследственный аппарат митохондрий — образований внутри клеток, снабжающих их энергией. Эволюцию ДНК в митохондриях можно четко проследить во времени — она изменяется на 3 процента за миллион лет. Недавно был проведен уникальный эксперимент — были проанализированы образцы митохондриальной ДНК у нескольких сот людей со всего мира. Результат потрясает: вариации не превышают 0,6 процента! Самая древняя ДНК африканская, ей около 150 тысяч лет. Возраст азиатской — 100 тысяч, а европейской — около 50 тысяч лет. Расовые различия, в частности цвет кожи, возникли, оказывается, не так давно. Для сравнения были взяты образцы митохондриальной ДНК у четырех горилл из разных популяций, обитающих на сравнительно небольшой территории в Центральной Африке. Различия оказались более существенными, чем у людей во всем мире! ... Для окончательного решения вопроса необходимо располагать образцами ДНК людей других эпох. Многое может прояснить изучение ДНК, полученной из древнеегипетских мумий. А возможно, удастся найти способ извлечения ДНК из хорошо сохранившихся окаменелостей...» (Дети одной популяции // Эхо планеты. — 1988. — № 27. — с. 45).

[198] Надо иметь в виду, что слово «раса» имело в XIX в. и более широкий, чем чисто антропологический, смысл, и не все авторы, называвшие социальные или культурные общности «расами», были расистами. Например, в социокультурном значении термин «раса» присутствует в работах эволюционистов (Г. Спенсер и др.), стоявших на позициях единства человечества. И хотя известный антрополог И. Деникер еще на рубеже XIX—XX вв. предостерегал от ошибочного смешения понятий «раса» и «этнос» (этническая группа) некоторые зарубежные социологи до сих пор пользуются терминами «социальные расы», «расовые проблемы», где за «расой» оказывается закреплено не вполне антропологическое значение (слово «антропология» здесь мы употребляем в его российском значении — «физическая антропология»).

Чемберлен, во Франции Ваше де Лапуж (Ляпуж). О. Аммон и В. Де Лапуж выдвинули положение о зависимости психических качеств людей от величины головного указателя. Чем ниже головной указатель, чем «длинноголовее» человек, тем он, как правило, одареннее, энергичнее, жизнеспособнее, а потому и социальное положение его выше. О. Аммон сделал такой вывод, обследовав 30 тыс. чел., В. де Лапуж — 20 тыс. чел.

О. Аммон считал, что европейские брахикефалы — потомки местного населения, занимающие ныне (XIX в.) в целом более низкое общественное положение (главным образом, крестьяне). Долихокефалы — потомки германских завоевателей. Они селились в городах, а потом туда же тянулись активные длинноголовые элементы из деревни. Господствующие группы замыкались в привилегированные сословия, и сословный строй становился орудием естественного отбора. Из-за феодальных войн и слабого прироста населения среди длинноголовой элиты относительное количество короткоголовых элементов возрастает.

В. де Лапуж тоже считал, что длинноголовость — признак и даже, в каком-то смысле, причина более высокого социального, материального и культурного положения. У горожан головной указатель в среднем ниже, чем у крестьян, у жителей равнинных местностей он ниже, чем у жителей гор, среди богатых европейцев он ниже, чем среди бедных. Длинноголовые люди — «европейская», или «арийская» раса, короткоголовые — «альпийская». Последняя имеет менее выгодные психические качества. Господствующее положение людей «европейской» (белокурой и длинноголовой) расы В. де Лапуж объяснял не древними завоеваниями, а социальным отбором, всегда действующим в пользу одаренных, энергичных, сильных, отбрасывая назад менее приспособленных. Бедные классы современных (XIX в.) европейских государств — это не потомки покоренного местного населения, а люди с наследственными неполноценными физическими и психическими свойствами, связанными, как правило, с брахикефалией. Неполноценные личности из высших классов беднеют, опускаются и смешиваются с массой неимущего люда, энергичные личности из бедноты — пробиваются наверх. Если Гобино рисовал безрадостную картину уныния и застоя, то В. де Лапуж и О. Аммон считали, что происходит закономерный процесс улучшения человеческой породы через естественный (социальный) отбор, через выталкивание неприспособленных на подобающую им социальную ступень.

В том же духе писал немецкий антрополог Людвиг Вольтман, считавший даровитость расы обратно пропорциональной интенсивности пигментации. Вольтман считал нужным рабство, давал другие того же рода рекомендации, вытекающие из его взглядов.

Мы видели, что расизм связан с обоснованием исключительности германских народов, сохранявших якобы в большей степени, чем другие, чистоту «арийской» расы. По версии еще одного расистского теоретика Йорга Ланца фон Либенфелза (1874-1954) немцы — потомки атлантинов, обитавших на исчезнувшем континенте в Северной Атлантике и происшедших от божества Теозоа. После космико-геологической катастрофы около 8000 г. до н. э. атлантины, будто бы, мигрировали в Европу и на юг — в Египет и Вавилонию, где создали ариософскую, или теозойскую культуру, взрастившую Платона, Пифагора, Моисея, Александра Великого. Эзотерический (тайный, предназначенный для посвященных) текст этой культуры в одной из позднейших своих интерпретаций составил «Ветхий завет». В последующие века ариософия была объявлена ересью и подавлена, но она возродилась в культах Бенедиктинского ордена, в его «расовом гнозисе». После разгрома ордена тамплиеров в 1307-1314 гг. «расовый гнозис» стал тайным культом наследников ариософской мудрости Габсбургских домов Испании и Австрии. Колониальная политика, по Либенфелзу, была войной против «неарийской нечисти», проигранной «из-за махинаций евреев и лютеран». Либенфелз считал нужным безжалостно уничтожать «квазичеловеков» или держать их в узах рабства и крепостничества.

К сожалению, убедительной критики расизма в нашей литературе не содержится. В лучшем случае указывается на часто имеющее место несовпадение между языковыми, культурными общностями и географией расовых признаков. Но вполне допускается, что в древности расовые и культурно-языковые границы совпадали, а расовые признаки часто преподносятся как устойчивые во времени и позволяющие реконструировать историю формирования населения отдельных территорий.[199] Отечественная наука советского и постсоветского времени упорно уходит от невыдуманного вопросе о ранних арийских миграциях, на которые ссылаются расисты, об арийских корнях цивилизаций древности, хотя это и не лишено оснований. Об арийцах вообще предпочитают не говорить, как будто бы такой общности и не существовало, или говорить на уровне языкознания.[200] И нет ничего удивительного, что вчерашние студенты и школьники, которым внушили, что расизм — это плохо, но не объяснили почему, столкнувшись с реальными расистскими концепциями, ничего существенного противопоставить им не могут. Воспитанные на бездоказательных ярлыках, дезинформированные относительно ранней истории человечества, относительно движущих сил и факторов исторического процесса, они просто теряются, когда приходится оперировать фактами.

Если вдуматься, все разобранные выше расистские теории исходят не из того, что внешний облик одних людей лучше, а других хуже. Классический расизм утверждает, что люди различаются по количеству ***психической или биологической энергии***, заключенной в них. Внешние расовые показатели (цвет кожи, пропорции

---

[199] Хотя тот же Ф. Боас, как мы помним, доказал быструю изменяемость знаменитого «головного указателя» у потомков мигрантов в США (евреев, выходцы из Южной Италии и с Сицилии).

[200] Об арийских языках см. 65.

головы и проч.) — только признаки повышенной активности (жажда действия, созидания, переселений и т. д.). Самые *истоки таких воззрений кроются не в научной, а в культовой сфере.* **Государства древности имели религиозную,** или, как принято говорить в науке, «**сакральную**»,[201] **природу**[202] и возглавлялись людьми, внешние признаки или особенности судьбы которых свидетельствовали о наличии в них божественной энергии, передаваемой часто по наследству. Ради сохранения этой энергии в правящих династиях практиковались кровосмесительные браки, устраивались разнообразные проверки «везучести» и многое другое, чему, быть может, стоило бы посвятить отдельную книгу. Гобино, Либенфелз и прочие возродили господствовавшее когда-то языческое учение в виде наукообразной концепции, дополнив его некоторыми частными деталями и снабдив историческим «обоснованием».

Глава 6. **Языки**

Язык — система членораздельных (дискретных) звуковых знаков, являющаяся средством общения (коммуникации), средством хранения и передачи информации. Кроме того, язык — величайший разграничитель, одна из самых труднопреодолимых перегородок между людьми.[203]

§ 13. **Проблема происхождения языка**

Вопрос о возникновении языка занимал людей издавна. В письменной традиции существует множество теорий, касающихся разных сторон процесса становления и развития языка, а потому не всегда сопоставимых. Построить строгую схему развития представлений о языке довольно непросто.

Наиболее древней является версия о божественном происхождении языка. В древнеиндийских «Ведах», сборнике гимнов, песен, жертвенных изречений и заклинаний, датируемых обычно XXV — XV вв. до н. э., фигурируют понятия «установление имен», «установитель имен». Помимо Индии, подобные взгляды существовали в Китае, античной Греции, Риме.

В некоторых направлениях раннего христианства говорилось, что язык создан людьми, но с помощью логической силы, дарованной господом (например, арианство — IV в.).

Французский историк философии, общественный деятель и публицист Ж. М. Де Жерандо (1772-1842) обратил внимание на сравнительное совершенство языка некоторых отсталых народов. На протяжении многих поколений эти народы ничего к своем у языку не прибавляли, а то и теряли словарный запас. Значит, рассуждал ученый, при возникновении языка этими народами руководили люди, превосходящие в умственном отношении всех ныне живущих. Роль «одаренных индивидов» в процессе становления языка признавал Ч. Дарвин.

От Демокрита (V в. до н. э.) ведет начало теория «общественного договора», развиваемая впоследствии Эпикуром (IV — III вв. до н. э.). Согласно ей, люди просто договорились, за какими вещами какие названия закрепить. (Доказывая полную произвольность установления имен, живший в IV в. до н. э. греческий философ Диодор Крон называл своих рабов неполнозначными общенародными словами типа: «Но ведь»). На точке зрения «общественного договора» стоял английский философ Томас Гоббс (1588-1679). Очень сильное впечатление на современников произвела в XVIII в. теория «общественного договора» Ж.-Ж. Руссо. Договориться о чем-то, не умея еще разговаривать, в принципе, можно. Другой французский философ-просветитель Этьенн Бонно де Кондильяк (1715-1780) увязывал звук с уточняющим его значение жестом. Дитрих Гудеман (1748-1803) также считал, что первый способ общения — жест.

От философского направления стоиков (III в. до н. э.) идет «звукоподражательная» теория. Согласно ей, слова образовывались путем подражания тем звукам, которые издавала вещь, или от звуков, выражающих впечатление о вещи. К той же мысли пришел немецкий философ, математик и языковед Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716). Шарль де Бросс в книге, опубликованной в 1765 г., изложил свои наблюдения над отсталыми народами: например, дикарь, впервые увидев ружье, называет его «пу» и т. д. Ч. Дарвин, присоединяясь к теории звукоподражания, обращал внимание на сильно развитую способность к подражанию у обезьян (ближайших, согласно его взглядам, «родственников» человека), и у интеллектуально недоразвитых людей (микроцефалов-идиотов, дикарей). Наличие подражательных звуков учитывал Ж.-Ж. Руссо в своей теории общественного договора.

Римский поэт и философ-материалист Лукреций Кар (I в до н. э.) указал на способность животных произносить разнообразные звуки, выражающие переживания. Так фактически, были залажены основы «эмоциональной гипотезы», реконструирующей «физиологический» этап речи. Де Бросс тоже привлекал для объяснения возникновения языка «природные вопли человека». При этом он ссылался на свои наблю-

[201] От латинского sacer (sacri) — священный, ритуальный; то есть священную, относящуюся к религиозному культу,

[202] В порядке первого знакомства с проблемой сакральной власти рекомендую прочитать книгу английского эволюциониста Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» (М., 1980; или более позднее издание).

[203] Английская полиция носит название «Скотланд Ярд» потому, что шотландские силы привлекались в свое время на службу при дворе английских королей; французские короли столь же охотно брали на службу гасконцев; большевики использовали «красных латышских стрелков», отряды «интернационалистов»; и т. д.

дения над детьми. О природных воплях как материале для слов писали Ж. -Ж. Руссо, Пьер Луи Моро де Мопертюи (французский учёный, работавший в Германии; 1698-1759), немецкий языковед Август Шлейхер (1821-1868). Последний не отрицал и звукоподражания.

Гипотезы о происхождении языка продолжают выдвигаться и в наше время, примером чего могут служить построения советского филолога Бориса Владимировича Якушина. Он считал, что язык возник из озвученной пантомимы и ссылался на следующие обстоятельства: 1) многие отсталые народы доныне проигрывают в пантомиме предстоящую охоту и другие сложные формы деятельности; 2) у них же есть обычай (и потребность) описывать в пантомиме, просто для самовыражения, недавно пережитые будничные события; 3) пантомима часто сопровождается звуками, и звук, соответствующий знакам пантомимы, со временем мог приобрести самостоятельное значение; 4) закреплялись в первую очередь звуки, указывающие на объект и действие с ним, пригодные для руководства деятельностью коллектива со стороны лидеров.[204]

В 1969 г. в США вышла книга супругов Гарднеров, обучивших шимпанзе по кличке Уошо 132 знакам американского языка глухонемых. Замечательным оказалось не то, что обезьяна смогла усвоить большое количество знаков, а те способы, какими она их использовала. Обучившись знаку, обезьяна в конкретных ситуациях стала расширять его значения, вполне разумно приспособляя к обстановке все менее и менее сходной с первоначальной. Обезьяна оказалась способной к конструированию синонимов и даже к переносу значения (вплоть до использования слова «грязный» в качестве ругательства). Другие обученные обезьяны пытались общаться с помощью выученных знаков между собой. Все это мало походит на заучивание по методу условного рефлекса, если эксперимент описан корректно.

В 1980-е гг. группа американских лингвистов во главе с Ф. Либерманом предприняла попытку оценить способность неандертальца к тонкой и дифференцированной артикуляции — речи. Был выбран хорошо сохранившийся скелет мужчины, жившего 45 тыс. лет назад и найденного в 1908 г. близ деревни Ля-Шаппель-о-Сен во Франции. Антрополог Э. Крелин, пользуясь теми же принципами, что и известный отечественный специалист М. М. Герасимов, реконструировал глотку, ротовую полость, форму языка и губ. Полученный макет при помощи ЭВМ рассмотрели во всех состояниях и динамических положениях возникающих при разнообразных движениях языка, губ, стенок глотки. Компьютер выдал все частотные характеристики звуков, которые был способен продуцировать этот речевой аппарат. Данные сравнивались с частотными характеристиками фонем английской речи. Оказалось, что неандерталец мог произносить очень немного гласных (2–3) и в несколько раз больше согласных.[205]

К сходным выводам совсем другим путем пришел английский лингвист М. Суодеш. Он пытался восстановить облик древнейшего «праязыка», общего для зарождавшегося человечества, на основе широкого сопоставления современных языков мира. В итоге у него получилось, что праязык имел только одну гласную и 11 согласных.

В этой связи внимание специалистов привлекли так называемые «моновокалические» языки (вишрам, аранта, абазинский и др.), располагающие одной–двумя гласными и большим набором согласных (до 80). Вспомнили и о принципиальном несходстве в способах произнесения звуков. В английском, русском и других языках звуки произносят, выдыхая струю воздуха. Если полость рта резонирует, получается гласная, если нет — согласная. А вот в языках койсанской группы, на которых говорят бушмены и готтентоты Африки, речь насыщена щелкающими звуками, возникающими при втягивании воздуха в ротовую полость. Есть языки, в которых со щелчка начинается каждое слово, а многие слова содержат в себе по два щелчка. Щелкающие звуки есть в языках некоторых индейских народов Северной Америки (например, у атабасков). В Африке, кроме бушменов и готтентотов, — в отдельных языках группы банту. Вероятно их присутствие в ряде кавказских языков.

Еще один необычный способ артикуляции известен для речи народа «ибо» в Южной Нигерии и в некоторых языках Франции. Люди ибо обладают способностью менять объем надглоточной полости посредством перемещения гортани вниз от ее обычного положения. Движение гортани книзу и увеличение объема этой полости служит единственной причиной того, что струя воздуха втягивается в ротовую полость. Прочие артикуляционные органы в этот момент могут оставаться совершенно неподвижными. Вероятно, это один из наиболее эволюционно древних способов артикуляции у приматов. Ф. Либерман обнаружил его и у обезьян — макаки-резуса и шимпанзе. Первый крик новорожденного ребенка у людей всех современных рас также сопровождается подобными движениями гортани.[206]

---

[204] На изначальную «командную» роль слова указывал французский психолог Пьер Жане (1913 г.): у народов, живущих охотой и собирательством, главу коллектива часто называют «говорящий».

[205] В настоящее время результаты этой работы могут быть поставлены под сомнение, поскольку часть генетиков принципиально отрицает какое-либо родство между неандертальцем и человеком современного типа.

[206] Ряд специалистов считает, что некоторые черты анатомии младенца выглядят как архаические признаки, характерные для предшествующих стадий человеческой эволюции: общая конфигурация черепа и внешний вид мозга новорожденного обладают сходством с соответствующими особенностями классического неандертальца; гортань новорожденного ребенка занимает

Важное место в лингвистических реконструкциях древнейшего состояния языка по-прежнему занимает такой источник информации, как наблюдение за речевым поведением детей.

В 1990-е гг. бурные успехи информатики и распространение компьютерной техники, текстовых редакторов и процессоров, появление систем распознавания речи стали ещё одним многообещающим направлением в изучении и систематизации языков.[207]

§ 14. **Общие сведения о языках**

Число языков на Земле очень велико и оценивается цифрами порядка 4 — 7 тыс.[208] Точнее сказать невозможно, поскольку крайне трудно провести грань между языком и диалектом, а для довольно крупных массивов населения известно состояние «языковой непрерывности». Хорошо изучено около 500 языков.

Разница между языком и диалектом замечательно пояснена во вступительной статье В. А. Тишкова к энциклопедии «Народы и религии мира» (1998). Он пишет: «...Существует много вариантов разговорного арабского языка. Следует ли рассматривать их как отдельные языки или диалекты одного языка? Определение «диалекта» как географического варианта языка содержит в себе некоторое приниженное значение. Разделение между языком и диалектом представляет серьёзную методологическую проблему. Чаще всего это связано с политическими и историческими факторами, а также с выбором в пользу того или иного варианта, который делают интеллектуальные элиты. Понимание условности данного деления очень важно, ибо определение того или иного разговорного языка как диалекта в конечном итоге зависит от властных диспозиций, которые хорошо отражаются в афоризме «*диалект — это тот же язык, но только без армии*». Строго с лингвистической точки зрения, **диалект — это такой же язык,** ибо представляет собой определённую коммуникативную систему».

Оценка численности говорящих на том или ином языке затруднена также тем, что эта численность не всегда совпадает с количеством людей, для которых язык является «родным». Да и само понятие «родной язык» отличается расплывчатостью (какой язык следует признавать «родным» для шотландцев, бретонцев, евреев и т. д.?). Поэтому публикуемые в разных изданиях оценочные цифры могут различаться. На начало 1990-х гг. наиболее распространенными языками считались следующие:[209]

китайский[210] — 1 млрд. 100 млн. чел.
английский — 350 млн. чел.
испанский — 250 млн. чел.
арабский — 220 млн. чел.
хинди— 200 млн. чел.
бенгали — 160 млн. чел.
португальский — 160 млн. чел.
русский — 150 млн. чел.
японский — 125 млн. чел.
немецкий — 90 млн. чел.
яванский — 80 млн. чел.
французский — 70 млн. чел.
панджаби — 70 млн. чел.
бихари — 65 млн. чел.
корейский — 65 млн. чел.
итальянский — 60 млн. чел.
телугу — 55 млн. чел.
тамильский — 55 млн. чел.
маратхи — 50 млн. чел.
вьетнамский — 50 млн. чел.

очень высокое положение, что характерно для низших и человекообразных обезьян и очень сходно с реконструированным классическим неандертальцем; вокализация новорожденного в первые недели и месяцы его жизни совершенно не связана с активной артикуляцией и напоминает вокализацию шимпанзе и других человекообразных обезьян. В оценке этой точки зрения также необходимо учитывать результаты исследований генетиков (см. сноску 205).

[207] Здесь имеются в виду не прикладные аспекты проблемы, а возможные фундаментальные научные последствия — новый уровень понимания основополагающих принципов речевого общения людей, принципов обмена информацией.

[208] Последняя энциклопедия «Народы и религии мира» (1998) исходит из положения, что на Земле существует «около 6000 языков». Петер Нортон в книге «Peter Norton's Inside the PC» (1997) со ссылкой на «некоторые подсчёты», принятые во внимание разработчиками стандарта Unicode (стандарт разработанный совместными усилиями лингвистов и программистов для ввода в компьютер символов на различных языках мира), даёт цифру 6800.

[209] Публикация еженедельника «За рубежом»,1991, № 17; цифры показывают число людей, для которых язык является родным.

[210] С «диалектами».

Сколь бы условными и ориентировочными ни были приведенные цифры, при любых подсчетах оказывается, что на **двух — трех десятках языков говорит свыше двух третей человечества.**

Известны *письменные* языки и *разговорные*. Лексикон самых отсталых общностей насчитывает сейчас не менее 10 тыс. слов.[211] Хорошо развитых письменных языков, в мире немногим более 100.[212]

Шесть языков — английский, французский, русский, испанский, арабский, китайский — признаны международными и являются **официальными и рабочими языками ООН**.

Существуют и очень небольшие языковые общности. В Австралии 40 тыс. аборигенов пользуются примерно 250 языками. От 700 до 1000 языков приходится на 4,6 млн. папуасов. На Кавказе известны языки, обслуживающие всего один аул (например, аул Хиналауг в Азербайджане).

Сотни и тысячи языков на памяти человечества прекратили свое функционирование. Их принято называть «мертвыми» (хеттский, аккадский, шумерский, этрусский, арамейский и др.). Мертвые языки латынь и древнегреческий служат многим живым языкам источником научных терминов. Латынь используется медиками как профессиональный язык (арго).

Процесс умирания языков продолжается на наших глазах. Так по сведениям 1989 г. абсолютное большинство (от 54 до 81%) манси, алеутов, ительменов, нанайцев, негидальцев, нивхов, ороков, орочей, саамов, тофаларов, удэгейцев, ульчей, чуванцев считают родным не собственный, а русский язык. Можно по-разному относиться к этому явлению, но нельзя игнорировать того обстоятельства, что вытеснение «собственных» языков происходит не просто в пользу «чужого» языка, а в пользу языка международного, языка межнационального общения. Современный русский язык — не «этническое» явление. Это язык государства «Россия» (точно так же, как немецкий, французский, итальянский и другие «литературные» языки). Он включает огромное количество заимствований из других языков, на него переведен колоссальный массив информации. Продублировать все это на родных языках малых по численности народов нереально. Искусственно расширить сферу функционирования языка, не считаясь с затратами, конечно, можно, но при этом сам язык неизбежно начнет меняться и уже не будет тем, который собирались охранять и возрождать.[213]

Языки не только умирают, но и рождаются. При контактах двух или более различных языков возникают так называемые пиджины. Они не являются родными ни для кого из говорящих на них. Это упрощенные, вспомогательные языки, вызванные к жизни взаимодействием европейских колонизаторов и аборигенного населения. За последнее столетие на основе пиджинов возникло несколько десятков креольских языков, ныне вполне самостоятельных. Наиболее распространенные креольские языки: на португальской языковой основе — кабовердийский и сантомийский на Атлантическом побережье Африки; на испанской и португальской — папьяменто на островах Кюрасао и Аруба вблизи Венесуэлы; на французской языковой основе — языки населения Гаити, Мартиники, Гваделупы, части населения Доминиканской республики, Тринидада и Маврикия, населения Французской Гвианы и Реюньона; на английской языковой основе — языки населения Гайаны, Ямайки, Барбадоса, Багамских островов, Суринаме, части населения Тринидада, язык «крио» в Сьерра-Леоне.

Первым искусственным языком был «волапюк», созданный в 1880 г. немецким языковедом И. Шлейером. Единственный общепризнанный искусственный язык — эсперанто, созданный в 1887 г. варшавским врачом Л. Заменгофом. В Европе на эсперанто издается около 100 журналов.

Существует точка зрения, что различия в языках и различия в психическом складе, в мышлении взаимосвязаны. Например, у индейцев навахо глаголы различаются по форме предмета, над которым совершается действие. И если обычный ребенок, как правило, классифицирует предметы по цвету, то дети, говорящие на навахо, по форме. В зависимости от количества в языке гласных речь воспринимается преимущественно правым или преимущественно левым ухом. Если гласных много, речь воспринимается правым ухом и обрабатывается в левом полушарии мозга, если мало — наоборот. Левая доминантность укореняется по мере развития речевой способности. Например, так обстоит дело в японском и полинезийском языках. В европейских языках — наоборот. Есть данные, позволяющие предполагать, что различные системы письма[214] вовлекают в процесс их употребления разные зоны коры головного мозга человека.[215]

---

[211] Преимущественно это конкретные понятия.

[212] В XIX-XX вв. письменность для многих языков создавалась благодаря усилиям христианских миссионеров. В Советском Союзе то же самое делалось в рамках государственной политики для сотен ранее бесписьменных языков. Но объём литературы, издаваемой на этих языках, очень невелик (в основном религиозные тексты, буквари и учебники для начальной школы, иногда отдельные произведения художественной литературы и фольклора).

[213] Случаи успешного возрождения («ревитализации») языков известны. Практически мёртвый иврит усилиями нескольких поколений был развит настолько, что успешно обслуживает все сферы жизни современного государства Израиль. Язык чехов, к началу XIX в. оказавшийся на грани исчезновения (благодаря длительному пребыванию чехов под властью Австрийской империи и германизации языка), был искусственно очищен, осовременен и получил второе дыхание: группа учёных специалистов *изобретала* термины с «исконными» корнями или переводила иностранные слова по частям (методом кальки) с тем, чтобы увеличить «родной» словарный запас (Глобачёв М. И у папуаса есть великий и могучий // Советская Россия, 1993, 10-16 февраля).

[214] Системы письма появились более 6 тыс. лет назад.

[215] Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М., 1983, с. 163–164, 168

Некоторое представление об особенностях грамматического строя языков дает их морфологическая классификация. Её предложили в 1818 г. братья Август Шлегель (1767-1845) и Фридрих Шлегель (1772-1829). По особенностям морфологии выделяют:

1) Изолирующие (аморфные, или корневые) языки: китайский, вьетнамский, бирманский и многие другие. В этих языках слова не изменяемы, они имеют как бы характер корней. Отношения между словами передается их порядком в предложении, интонацией, ритмом, тональностью. В китайском языке до 7 тональностей. В зинджском (Африка) — 9.[216]

2) Аффигирующие языки (языки с аффиксами — приставками, суффиксами, префиксами, инфиксами, окончаниями):

— агглютинативные (агглютинация — «склеивание») тюркские,[217] монгольские, дравидские, банту и др.;

— флективные (флексия — изгиб, кручение) — славянские языки, семито-хамитские и другие.

3) Инкорпорирующие (включающие), или полисинтетические (многообъединяющие) языки.

В особую группу полисинтетические языки были выделены в 1822 г. Вильгельмом Гумбольдтом (1767-1835). Распространены они главным образом у индейцев Северной Америки, и в меньшей степени в Африке. В этих языках нет грани между словом и предложением. Так, в языке индейцев микмаков (алгонкинская группа, Канада) одно слово «не-де-мау-вео-лов-году-ла-о-л-те-ед-ису-пе-га» означает «они собираются вместе есть свою пищу». На языке индейцев нутка (группа вакашей, Канада) слово «иникв-ихл-миних-ис-ит-а» переводится: несколько маленьких огней горели в доме.[218]

Некоторые исследователи считают инкорпорирующие языки архаическими на том основании, что, например, в африканском языке «эве» для каждого нового понятия вводится новый знак. Словообразование, в привычном для нас смысле, отсутствует. Например: зо-бохо-бохо — походка неуклюжего, медлительного, крупного и дородного человека; зо-дади-дади — тяжелая походка утомленного или прихрамывающего человека; зо-биа-биа — походка длинноногого человека с широким шагом; зо-бехе-бехе — походка слабого, кривоногого человека; зо-дзе-дзе — живая, проворная, безостановочная походка; зо-хлой-хлой — походка человека, одетого в длинные, развевающиеся одежды или несущего удлиненные, покачивающиеся предметы; зо-вла-вла — уходить прочь быстро, без остановки; зо-така-така — идти, не разбирая дороги; зо-люмо-люмо — поспешный бег маленького животного наподобие крысы или мыши. Общим для всех этих слов-высказываний является лишь один слог «зо», передающий идею ходьбы. Все остальное каждый раз надо учить заново. Европейцами полисинтетические языки воспринимаются очень трудно.

Структурные особенности многих языков морфологическая классификация не учитывает, а некоторые языки обладают и теми и другими признаками, что ограничивает возможности применения рассмотренной типологии в историко-этнографических целях.

§ 15. **Сравнительное языкознание. Генеалогическая классификация языков**

В XVIII в. ученые Европы познакомились с памятниками древнеиндийской письменности, созданными на санскрите. До этого древнейшими считались древнееврейский, древнегреческий, латинский языки. На какое-то время древнейшим стал считаться санскрит. Но английский санскритолог У. Джоунс высказал мысль, что и этот язык, и древнегреческий, и латинский — поздние формы еще более древнего, исчезнувшего языка. В начале XIX в. усилиями немецких ученых Франца Боппа (1791-1867), Якоба Гримма (1785-1863) и датчанина Расмуса Кристиана Раска (1787-1832) были заложены основы сравнительно-исторического метода.

Сравнивая словарный фонд и грамматику языков, лингвисты устанавливают сходство между некоторыми из них. Языки, обнаруживающие сходство, *условно* называют «родственными». По степени близости «родственные языки» объединяются в семьи — ветви — группы — подгруппы. Термины «семья», «группа», «подгруппа», «ветвь» не являются общепризнанными и строгими. У разных авторов они могут оказаться взаимозаменяемыми.

Основные языковые семьи следующие:

1) Индоевропейская.
2) Афразийская (афро-азиатская, или семито-хамитская) — распространена в Юго-Западной Азии, Северной и Северо-Восточной Африке.
3) Картвельская — Западное Закавказье.
4) Северокавказская.
5) Дравидийская — Южная Индия.
6) Уральская — север Европейской части России, Поволжье, Прибалтика, север Скандинавии, Финляндия, Венгрия.

---

[216] Кроме языков Юго-Восточной Азии и Африки, музыкальность сохранили индейские языки Центральной Америки; высказано предположение, что когда-то так было во всех языках.

[217] Например, в тюркских: «ат» — лошадь, «ат-да» — на лошади, «ат-лар» — лошади, «ат-лар-да» — на лошадях.

[218] Иникв — огонь, ихл — дом, миних — много, ис — малый, ит — аффикс прошедшего времени, а — частица, указывающая на глагольный характер всего сообщаемого.

7) Эскимосско-алеутская — крайний северо-восток Азии, арктические пространства Америки.
8) Алтайская — от Турции на западе до северо-восточной Сибири на востоке.
9) Чукотско-камчатская.
10) Нило-сахарская.
11) Нигеро-кордофанская (конго-кордофанская).[219]
12) Койсанская — Юго-Западная и частично Восточная Африка.
13) Сино-тибетская (китайско-тибетская).
14) Австроазиатская — Юго-Восточная и Южная Азия.
15) Паратайская — Индокитай и юг Китая.
16) Австронезийская (малайско-полинезийская) — Юго-Восточная Азия, Океания, Мадагаскар.
17) Андаманская — Андаманские острова в северо-восточной части Индийского океана.
18) Папуасские языки — Новая Гвинея и прилегающие острова.
19) Австралийская семья.

Очень сложен вопрос о семьях языков американских индейцев.

В Северной и Центральной Америке выделяют такие семьи: на-дене (атапаски, апачи, навахо и др.), пенути (майя, киче и др.), алгонкино-мосанскую (алгонкины, оджибве и др.), хока-сиу (ирокезы, сиу и др.), ацтеко-таноанскую (науа — язык древнего государства ацтеков, пипиль, шошон и др.), макро-ото-манге (масатек, чинантек и др.), макро-чибча (чибча-муиска, мискито и др.). В Южной Америке две основных языковых надсемьи — же-пано-карибская (карибские языки, уитото, гуайкуру, бороро и др.) и андо-экваториальная (кечуа, аймара, арауканский язык и др.).

Кроме того, в мире существуют изолированные языки, не входящие ни в одну из перечисленных семей (корейский, японский, айнский, баскский и ряд других).

Естественно, что вместе с развитием языкознания не остаются неизменными и представления о родстве языков, о границах и взаимоотношениях языковых семей.

В качестве примера рассмотрим состав индоевропейской, уральской и алтайской языковых семей, имеющих наибольшее значение при ознакомлении с отечественной историей и этнографией.

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

1. *Восточная ветвь*

Индоарийская группа:

а) древнеиндийские языки;

б) среднеиндийские (пракриты);

в) новоиндийские (хинди, урду, бенгали, панджаби, маратхи, раджастани, гуджрати, ория и др.).

К индоарийской группе относится и язык цыган.

Иранская группа:

а) древнеиранские языки (древнеперсидский, язык «Авесты»), близкие древнеиндийским;

б) среднеиранские языки:

— восточные (согдийский, сакский, хорезмийский);

— западные (среднеперсидский, парфянский);

в) новоиранские языки:

— восточные (пушту, осетинские, памирские, ягнобский);

— западные (новоперсидский, или фарси, таджикский, курдский, белуджский, татский, талышский и др.).

Названные 2 группы объединяются понятием «*арийские языки*».

Современные *нуристанские* языки занимают промежуточное положение между индоарийскими и иранскими языками.

В восточную ветвь индоевропейской семьи входят также отдельно стоящие языки:

Греческий язык.

Армянский язык.

2. ***Западная ветвь.***

1) Италийские языки (мертвые оскско-умбрские и латинский).

2) Романские языки, развившиеся после распада Римской империи из диалектов латинского языка: испанский, португальский, галисийский, каталанский, окситанский (провансальский), французский, ретороманские, итальянский, сардинский, румынский, близкие к нему балкано-романские языки и «диалекты». К восточной подгруппе романских языков относится молдавский язык.

[219] Плато Кордофан находится в Судане.

3) Кельтские:
— гойдельская подгруппа (ирландский, гаэльский, мэнкский);
— бриттская подгруппа (бретонский, уэльсский, или валлийский, и вымерший корнуэльский языки).

4) Иллирийские языки. По одной из гипотез, потомком мертвых иллирийских языков является албанский язык, стоящий ныне вне группы.

5) Германские:
— восточногерманская подгруппа (мертвый готский);
— северогерманская, или скандинавская (шведский, датский, норвежский, фарерский, исландский);
— западногерманская подгруппа (английский, фризский, голландский, африкаанс, немецкий, идиш).

3. *Балто-славянские языки*, занимающие промежуточное положение между Западной и Восточной ветвями индоевропейский семьи.

1) Балтийские:
— западнобалтийские (мертвый прусский язык);
— восточнобалтийские (литовский, латышский).

2) Славянские:
— западнославянские (чешский, словацкий, польский и близкий к нему кашубский, лужицкие языки);
— восточнославянские (русский, украинский, белорусский);
— южнославянские (старославянский и исторически связанные с ним болгарский и македонский, сербскохорватский, или хорватскосербский, словенский).

УРАЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

1) финно-угорская, или угро-финская группа:
а) прибалтийско-финская подгруппа (финский, карельский, эстонский, вепсский и др.);
б) саамская подгруппа (саамский язык);
в) волжская подгруппа:[220]
— эрзя-мордовский;
— мокша-мордовский;
— марийский луговой;
— марийский горный;
г) пермская подгруппа (коми, или коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский);
д) угорская подгруппа[221] (венгерский, хантыйский, мансийский).

2) Самодийская группа: ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский языки.

АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

1) Тюркская группа:
— чувашская подгруппа (вирьял, анатри);
— огузская, или юго-западная подгруппа (турецкий, азербайджанский, туркменский, саларский и др.);
— кыпчакская, или северо-западная подгруппа (татарский, башкирский, казахский, киргизский, каракалпакский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, караимский);
— карлукская, или юго-восточная подгруппа (узбекский, уйгурский);
— якутская подгруппа (якутский, долганский);
— южносибирская подгруппа (алтайский, хакасский, тувинский и др.).

2) Монгольская группа: монгольский, бурятский, калмыкский, близкий к нему ойратский и др.

3) Тунгусо-маньчжурская группа: маньчжурский, эвенкийский, эвенкский, нанайский, удэгейский, языки ульчей, орочей.

По вопросу происхождения языковых семей существуют две основных гипотезы. Первая из них — «гипотеза первобытной языковой непрерывности» была предложена С. П. Толстовым. Согласно ей, на заре своей истории человечество говорило на многочисленных языках, постепенно переходивших один в другой на смежных территориях и составлявших в целом как бы единую непрерывную сеть. Косвенно это подтверждается наблюдениями над отсталыми народами. В Австралии до недавнего времени существовало несколько сотен языков, между которыми трудно было провести границы. Н. Н. Миклуха-Маклай отмечал, что у папуасов Новой Гвинеи почти каждая деревня имела свой особый язык. Различия в языке у соседних групп были невелики, но чем дальше, тем они становились больше. Одноаульные языки есть и на Кавказе. С. П. Толстов считал, что языковые семьи могли складываться в процессе концентрации языков

[220] Её единство спорно.

[221] Угорская подгруппа иногда рассматривается как самостоятельная группа языков.

небольших коллективов, стягивания населения в более крупные группы, заселявшие впоследствии значительные области земного шара.

Большинство лингвистов придерживаются другой, достаточно спорной гипотезы. По их мысли, языковые семьи возникали в процессе самостоятельного разделения одного языка-основы, при расселении его носителей или при взаимодействии языка-основы с другими языками в процессе ассимиляции, что приводило к образованию внутри языка-основы местных диалектов, которые в дальнейшем могли становиться самостоятельными языками.

§ 16. **Значение генеалогической классификации языков для этнографии**

Сходство в словарном составе языков, носителей которых часто разделяет немалое время и немалое пространство, — факт доказанный. На санскрите и по-литовски тождественно или почти тождественно звучат слова со значением «кто» (кас), «который (из двух)» «другой» (катарас), «сын» (сунус), «когда» (када), «тогда» (тада), «лошадь, кобыла» (ашвас — ашва), «слеза» (ашрам — ашара), «столб», «ствол» (стамбхас — стамбас).

В русском, чешском, болгарском, сербскохорватском языках практически одинаково звучат слова «отец», «сестра», «вода» и др. В английском, голландском, немецком, шведском языках очень похоже пишутся и произносятся слова со значением «человек», «рука», «зима», «пить», «сын», «петь», «нос» и т. д.

Но сколь бы не впечатляли успехи сравнительного языкознания и только что приведенные хрестоматийные примеры, *для историко-этнографических целей* генеалогическая (генетическая) классификация языков годится в очень небольшой степени. Причин тому несколько.

«Родство» языков очень условно и количественно не просчитывается. Соответственно и в «семьи» языки группируются весьма произвольно. Одни лингвисты считают нужным объединять так называемые «картвельские» и «северокавказские» языки в единую «кавказскую семью». Другие — даже единства северокавказской семьи не признают, считая «абхазо-адыгские» и «нахско-дагестанские» языки на Северном Кавказе самостоятельными «семьями». Нет общепринятой группировки языков внутри сино-тибетской семьи. Многие считают недостаточным разделение этой семьи на китайскую и тибетско-бирманскую группы. Группа языков «мяо» «яо» у разных исследователей относится то к «австроазиатской», то к «сино-тибетской» семье, а то вообще выносится в самостоятельную семью. Языки «гэлао» некоторые исследователи рассматривают в составе паратайской семьи, а некоторые — относят к «мяо» «яо». С другой стороны, сами «тайские» языки иногда включаются в сино-тибетскую семью, в то же время высказывалось мнение о их родстве с австронезийскими языками. Часть специалистов считает, что семьи, выделяемые в Америке и в Африке к югу от Сахары по своему таксономическому уровню, являются скорее «надсемьями». Приводились аргументы в пользу существования «индотихоокеанской семьи», объединяющей папуасские, андаманские, австралийские языки, и «ностратической» («гиперборейской», или «бореальной») «макросемьи», включающей индоевропейскую, афразийскую, картвельскую, дравидийскую, уральскую, алтайскую семьи, японский, корейский, юкагирский языки, а иногда и эскимосско-алеутскую семью вместе с чукотско-камчатской и изолированным языком нивхов. Сближают с ностратическими и отдельные из индейских языков «пенути». Прослеживаются связи северокавказских языков с кетским языком, с сино-тибетской семьей. Есть точка зрения, что кетский язык вместе с японским и корейским «тяготеет» к алтайской семье, вьетнамский — к сино-тибетской, баскский — к «кавказской». Иногда отрицается общность алтайских языков и тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки рассматриваются в качестве самостоятельных семей. В японском языке, кроме «алтайских» черт, находят «австронезийский субстрат». И так далее.

Глубочайшее **заблуждение лингвистов** состоит в том, что, сознательно или бессознательно, они **ищут соответствия между языками и народами**. Смысл человеческой истории видится им в ветвлении народов от какого-то единого ствола, имеющем параллелью ветвление языков. В *реальной* истории мы ничего подобного не находим. Общности человеческого самосознания (этнические общности) языковым общностям не тождественны.

Все крупные национальные общности современной Европы (французы, немцы, итальянцы, испанцы, португальцы и другие) представляют собой конгломераты разноязыких народов, спаянные воедино государством. Современная национальная и языковая принадлежность у них совпадают только потому, что и то, и другое является продуктом деятельности социально-политических, властных структур. «Родные» языки населения той же Франции (гасконский, бретонский, провансальский и т. д.) различаются диаметрально. Соответственно и «классифицировать» французов, немцев, итальянцев как целостность «по языку» можно только с очень большой долей условности, подразумевая взаимоотношения их литературных (государственных) языков.

Сказанное относится на только к крупным европейским нациям. Д. Хаймс на примере очень отсталых и сравнительно изолированных папуасов Новой Гвинеи показал, что лингвистические границы могут двигаться в то время, как границы самосознания и локализации комплексов культуры остаются в неизменности.

Точность лингвистических построений иллюзорна. Устанавливаемые закономерности перехода звуков сами по себе ничего не дают, поскольку нормы фонетики тоже могли меняться.[222] Языки распространяются очень

---

[222] Филологи не могут, например, объяснить, как из «общеиндоевропейского» «ан» в русском языке получился «юс большой» с перехо-

разными путями — через школы, через культовые учреждения, через государство. Не исключена для языка и стадия «пиджина». Романские языки возникли в южной Европе на основе латинского языка, распространяемого через римские школы, где учили говорить на латыни. В покоренных Римом Греции, Малой Азии, Сирии, Египте преобладали греческие школы и латинский язык там не привился.[223] А в южной Европе разговорные «диалекты» латинского языка («вульгарная латынь»), благодаря деятельности школ, дали начало современным испанскому, румынскому, французскому и другим языкам. Вполне очевиден ответ на вопрос, можно ли считать молдаван и французов «родственными» народами на основе сходства в их «романских языках».

Этнические и языковые процессы совершенно различны, хотя и имеют точки соприкосновения. Когда говорят о «родственных» по языку народах, подразумевают *не генетическое и не кровное родство* входящих в эти народы людей, а **наличие общих моментов в историческом прошлом**.[224]

Однако чтобы это понимать требуется определённый уровень образования и культуры, присущий пока далеко не каждому человеку. Вот почему группировка по языковым семьям даже в наши дни очень часто используется в политических целях. Таковы заявления эстонцев в защиту финно-угорских народов России, проекты тюркской солидарности и др. Совершенно аналогичны по своему содержанию призывы к защите «братьев славян» в конфликте 1999 г. между Югославией и НАТО, хотя точно такие же «славяне» (поляки, чехи, словаки) входят в состав самого Северо-Атлантического альянса. Ясно, что под «славянами» в данном случае подразумеваются не чехи и поляки (католики), а сербы (православные). Тем не менее, конфессиональное единение русских и сербов не осознаётся (или затушёвывается), а вместо него на первый план выдвигается славянское (языковое) родство, понимаемого как родство «кровное», чтобы затем быть перенесённым в сферу политических взаимоотношений многонациональной России, многонациональной Европы и многонациональной Югославии. В XIX в. многие татары думали, что все мусульмане представляют собой единый в языковом и культурном отношении народ.

Генеалогическая классификация языков для реконструкции этнической истории абсолютно непригодна. В результате ее неквалифицированного применения на страницах солидных монографий появляются мифические «древнерусские народности», «праславяне» и т. п. «Праславян» не может быть так же, как не может быть «пранемцев» или «праитальянцев». Да и само именование русских «славянами», татар «тюрками» и т. д. — в высшей степени условно. Строго говоря, **русские не «славяне»**, чуваши и татары — не «тюрки», подобно тому, как **французы не римляне**, хотя и говорят на «романском» (дословно — «римском») языке.

Лингвистическая классификация — только одна из начальных точек в изучении конкретного народа, необходимая, но далеко не достаточная.

Надо сказать и о том, что родство в словарном составе часто обнаруживают языки, которые согласно взглядам большинства лингвистов не родственны.

Языковое развитие может быть правильно понято только в контексте общего развития человеческих культур.

Следует сказать и о недостатках в учебных программах отечественных филологических факультетов, не предусматривающих должной исторической и этнографической подготовки.[225] Этим вызвано не только огромное количество ошибок специалистов по языкознанию в частных вопросах этнокультурного развития (а эта сфера филологами облюбована давно), но и немалое количество псевдонаучных «фольклорно-этнографических» произведений, где научный анализ подменяется неконтролируемыми всплесками эмоций авторов. Тем же недостатком страдают многие связанные с этнографической тематикой работы искусствоведов.

Настоятельно рекомендую прочитать монографию М. З. Закиева и Я. Ф. Кузьмина-Юманади «Волжские булгары и их потомки» (Казань, 1993). Эта книга написана с целью доказать, что казанские татары представляют собой единственных и прямых потомков волжских булгар (указ. соч., с. 157), и в этом смысле не представляет ничего оригинального, в очередной раз демонстрируя неточные представления филологов относительно происхождения народов и самого феномена национального.[226] Исключительная ценность рекомендуемой работы состоит в другом. Отстаивая собственную концепцию, авторы квалифицированно разбирают чужие, и по мере ознакомления с текстом становится понятным тот **недопустимо низкий уровень,** на котором ведутся историко-филологические изыскания (например, см. критику методики карачаевского исследователя С. Я. Байчорова — указ. соч., с. 53-61; и др.).

§ 17. Другие системы коммуникации

Язык — важнейшая, но далеко не единственная коммуникативная система. Для передачи информации во многих культурах существуют заменители, суррогаты речи. Условно их так же называют «языками».

дом в «у» (вод-у), откуда взялось «ы» в родительном падеже (вод-ы) вместо реконструированного индоевропейского «ас» и т.п.

[223] См. Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Создано человечеством. — М., 1984, с. 220.

[224] Бывает странно читать, когда иные доктора исторических наук в своих публикациях называют тюркские народы «единокровными» — например, см. Известия Татарстана, 1993, № 7.

[225] Излагается точка зрения автора.

[226] Об этом феномене см. Зорин А. «Не делить, а умножать» (Татарстан, 1993, № 1).

Мексиканские индейцы (мазатеко, запотеко, чинантеко) при необходимости общаться на расстояний имитируют тональный и ритмический рисунок своей обыденной речи с помощью свистов четырех разных тональностей. Некоторые трудности при этом, естественно возникают — встречаются слова, обладающие одинаковым количеством слогов и сходным тональным рисунком. Особенно трудно передаются собственные имена, заимствованные от испанцев — Модесто, Густаво, Рикардо и др. Язык свиста достаточно эффективен в тех случаях, когда сама ситуация, общие культурные навыки и традиции подсказывают собеседникам, о чем идет речь. Использование языка свиста у индейцев — привилегия мужчин. Женщины его понимают, могут ответить словами на свистовую фразу, но сами никогда не пересвистываются. Свистовому языку учатся в самом раннем возрасте. В присутствии взрослых, занятых своими разговорами, мальчики могут вести свистовой диалог.

Жители острове Ля Гомера Канарского архипелага пользуются принципиально иным, но сравнимым по разрешающей способности, свистовым языком, который называется «сильбо». По своему характеру он принципиально отличается от мексиканского. Здесь каждый слог обычной разговорной речи кодируется свистом, отвечающим по частоте первой форманте[227] гласной, содержащейся в слоге.

Свистовые языки существуют также у обитателей деревни Аш (Французские Пиренеи) и в гористой местности северо-западной Турции — Кюской, или, буквально, «Птичьи деревни». Высказывалось предположение, что какой-то «свистящий» народ персонифицирован в былинном Соловье-разбойнике.

В Центральной Африке речевые сообщения успешно передаются на большое расстояние при помощи гонгов, колокольчиков, деревянных и костяных свистков и тому подобных инструментов.

У народов оломбо, топоке, келе, кома, амба и других, населяющих леса Конго, разнообразные гонги служат основным средством передачи сообщений на расстояние. Если барабан издает звуки одинаковой высоты, то сигнальный гонг устроен таким образом, что из него можно извлечь звуки двух и более тонов. При изготовлении гонга из толстого обрубка дерева длиной до двух метров делается полый цилиндр с узкой продольной щелью и стенками неодинаковой толщины. При ударе о тонкую стенку, которую называют «мамой», получается более высокий звук. При ударе о толстую («папа») звук более низкий. Тот же эффект можно достичь, используя два разно звучащих инструмента (их называют «самка» и «самец»). Но последний способ используется редко. Готовый гонг укладывается на несколько параллельных брусьев, что заметно увеличивает резонанс. Хранят гонг под специальным навесом, или в большой хижине, выполняющей в деревне роль клуба. Звучание каждого гонга легко опознаваемо, и каждый гонг имеет свое имя, свой позывной. Обычно в селении бывает не более одного-двух опытных мастеров гонговой трансляции.

Трудности в передаче слов, обладающих одинаковой ритмической и тональной структурой, язык гонга успешно преодолевает. К каждому слову добавляется еще несколько, связанных по смыслу. Слово «маниок» передается фразой «маниок сохраняется в старом саду», слово «банан» заменяется высказыванием «банан должен быть снабжен подпорками», слово «лес» всегда передается как «лес из сухих прутиков» и т. д. Таким образом похожие по ритму и тональности слова преобразуются в стандартные и разные последовательности звуков. Другой путь повышения «избыточности текста», а следовательно и надежности его дешифровки — удвоение названий за счет синонимов. Например, у народа келе слово «новости» передается как «мболи санго», что обозначает «новости, новости» (сравни русское фольклорное выражение «трын-трава»; на санскрите «трын» означает траву). У народа оломбо, чтобы сообщить слово «рыба» сигнальщик выстукивает подряд названия двух разных видов рыб. Женские имена в языке гонга не передаются (при необходимости сообщить что-либо о женщине, указывается чья она жена, дочь и т. д.), а мужские — закреплены за семьями и передаются по наследству.

Подобно письменности, которая более консервативна, чем разговорная речь, языки гонга сохраняют высказывания, исчезнувшие из повседневного лексикона. Бывает, что народ пользуется чужим языком гонга. Так, народ эве, имеющий собственный язык, пользуется языком гонга, заимствованным некогда у одного из народов банту. Народы «ена» и «локеле» абсолютно не понимают друг друга при речевом общении, но имеют общий язык гонга.

Музыкальные и сигнальные инструменты, напоминающие африканские, известны на многих островах Океании (Фиджи, Новые Гебриды, Соломоновы острова, острова Кука, Новая Гвинея). Сигнальными барабанами пользовались индейцы «суэва» в Колумбии, «кара» в Эквадоре, «хиваро» и «тукано» в области рек Ориноко и Амазонка. Папуасы «нор» (Новая Гвинея) передавали сигналы с помощью большого прорезного и меньшего по размерам ручного барабана.

В Африке, у народов банту, кроме языка гонга, существует совершенно аналогичный по исходным принципам «язык выкриков». Слоги низкой тональности передаются выкрикиванием слогов «ке» и «ле», высокотональные — сочетаниями «ки» и «ли». Ведды Цейлона и центральноафриканские пигмеи передают известия с помощью монотонного шепота. Подобный же способ «перекодирования» речи используют папуасы Новой Гвинеи.[228]

---

[227] В фонетике «форманта» — акустическая характеристика звука речи, связанная с уровнем частоты голосового тона и образующая тембр звука (в лингвистике термин «форманта» применяется в ином значении — аффикс или суффикс вместе с окончанием).

[228] Подробнее о языках свиста, гонга, выкриков и т. д. можно прочитать в научно-популярной работе Ж. Н. Панова «Знаки, символы, языки» (М., 1983).

Простейшим случаем оптической системы коммуникаций является «язык жестов». У индейцев Северной Америки жестами и мимикой общались народы, совершенно не понимавшие друг друга. Таким образом даже заключались договоры. Известны «языки» дымов, где сообщения передаются попеременным открыванием и закрыванием покрывалом дымящегося костра (семинолы, южноамериканские пуэлче и ранкеле). Для подачи сигнала индейцы иногда просто поднимали облако пыли. У индейцев сибику была система сигнализации с помощью солнечных зайчиков.

Во многих культурах существуют целые системы символов, позволяющие посвященным получать большой объем информации еще до речевого общения или даже не прибегая к нему.

Очень распространена установка сигнальных столбов, указывающих направление, где находится вода, обозначающая тропы в джунглях, предупреждающая об эпидемии на территории. Такова система сигналов столбами у индейцев монтанье-наскапи в Лабрадоре. На перекрёстках дороги, например, могут устанавливаться столбы с указанием точного направления, где находится палатка больного, или человека, нуждающегося в помощи. Нечто подобное отражено в русском фольклоре: направо пойдёшь..., налево пойдёшь..., прямо пойдёшь.....

Можно упомянуть посланнические жезлы австралийцев, жезлы объявления войны и т.п. символы. Африканские ньямньям при объявлении войны кладут на тропу врага початок маиса и куриное яйцо, а над ним привязывают к ветке стрелу. Это значит, что каждый, кто отнесётся с пренебрежением к этим знакам, умрёт от стрелы, особенно же, если он попытается начать грабить поля или убивать кур. Из сообщений Геродота известно, чти аналогичные по стилю «послания» были в ходу у скифов, и мудрецы воевавших со скифами персов занимались истолкованием по крайней мере одного такого сообщения.

Глава 7. **«Хозяйственно-культурные типы»**

В советских гуманитарных науках безраздельно господствовала «теория общественно-экономических формаций»,[229] утверждавшая, что «уровень развития производительных сил определяет характер производственных отношений», а вместе с ним важнейшие черты всех прочих сфер культуры, так называемую «надстройку». С другой стороны, уже давно была показана зависимость производства, занятий, особенно на ранних стадиях общественного развития, от географической (природной) среды. Вполне очевидно, что сходные ландшафтно-климатические условия способны приводить к выработке у различных народов однотипных производственных приемов, орудий труда и других культурных явлений. Так возникла мысль типологизировать «докапиталистические» культуры (а то и народы!) по признакам занимаемой ими ступени в развитии «производительных сил» (как бы хронологическая вертикаль) и места в географическом пространстве (горизонталь).

Из этих соображений в советскую этнографию было введено понятие «хозяйственно-культурные типы», под которыми предлагалось понимать «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, находящихся примерно на одном уровне социально-экономического развития и проживающих в сходных природно-географических условиях».[230]

При внимательном рассмотрении концепции хозяйственно-культурных типов нетрудно заметить ее сходство с диффузионистскими теориями, гипотезой культурных ареалов[231] и т. д. В целом она вполне может рассматриваться как историко-материалистическое преломление идей, позаимствованных у западных этнологов. В чистом виде эта концепция **несостоятельна**, как и все формационное мышление.[232] С самого начала было ясно, что удовлетворительной систематики человеческих культур на такой основе получить нельзя, поскольку ***культуры несравненно разнообразнее типов хозяйства***. Народы, проживающие в одинаковых природных условиях, могут иметь очень разные миропредставления, социальные системы, религиозные верования, ритуалы и мифологию.

Зависимость от среды обитания наиболее очевидна для материальной культуры. Например, добыча морских животных в постоянных местах их обитания создала у арктических охотников возможность оседлой жизни. В условиях отсутствия дерева выработалось жилище земляночного типа (другой возможный вариант — жилище из снега). Единственной возможностью освещать жилище оказалась жировая лампа. Направлению хозяйственной деятельности соответствовали и средства передвижения — кожаные лодки; соответствовала ему и глухая меховая одежда. Для типа таёжных охотников, напротив, свойственна не

[229] Подробнее см. раздел «Теоретические построения в советской этнографии»

[230] Впервые термин «хозяйственно-культурный тип» употребил С. П. Толстов в работе «Очерки первоначального ислама» (Советская этнография, 1932, № 2). Авторство самой теории принадлежит М. Г. Левину и Н. Н. Чебоксарову. В 1955 г. в журнале «Советская этнография» (№ 4) была опубликована их совместная статья «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса)». Позже был составлен «мировой реестр» хозяйственно-культурных типов, а также карты их распространения в XV в. (Л. А. Фадеев, Я. В. Чеснов) и на рубеже XIX — XX вв. (Б. В. Андрианов).

[231] См. Алексеев В. П. Становление человечества. — М., 1984, с. 349-350.

[232] См. раздел «Теоретические построения в советской этнографии».

оседлость, а подвижность. Поэтому и материальная культура была иной: лёгкий разборный чум, распашная одежда и т. д.

С направлением хозяйственной деятельности и условиями среды обитания связаны некоторые нормы общественной жизни, некоторые черты духовной культуры. Однако далеко не все факты подобного рода поддаются однозначному толкованию. Так, принято думать, что для всех горных народов в силу условий их проживания характерно подчёркнутое уважение к старшим и довольно строгая дисциплина в семьях. В то же время стариковластие (для которого в науке даже существует специальный термин «геронтократия»[233]) свойственно отнюдь не только народам, проживающим в горах.[234] Или, например, в отечественной этнографической литературе существует представление, что из-за постоянной угрозы землетрясений японцы вынуждены были строить лёгкие дома с раздвижными бумажными или деревянными стенками. Сами поселения японцев имели скученную форму. Из этих двух факторов пытаются выводить японское искусство иносказания — харагей (в буквальном переводе — беседа живота), поскольку долгое уединение людей, желающих переговорить с глазу на глаз, оказывалось невозможным. Однако не во всех сейсмоопасных зонах присутствуют названные черты культуры. Не возникло ничего подобного харагею и у современных русских, хотя коммунальные квартиры или так называемые «хрущёвки» никак не обеспечивают звукоизоляции и уединённости.

В учебном процессе рассматриваемая теория может использоваться только для создания у студентов обобщенного представления об исторической последовательности хозяйственных систем доиндустриальных обществ, о связи хозяйственной деятельности с другими разделами бытовой культуры, о зависимости культурной среды от природных условий. Человек отличается от животных видов тем, что очень широко адаптирован к обитанию на земле и использует самые разные типы окружающей среды. Человеческие сообщества выработали системы обитания (или жизнеобеспечения) для всего спектра земных ландшафтов от арктических пустынь до тропических лесов, и научились использовать огромное разнообразие пищевых ресурсов.

Все хозяйственно-культурные типы объединяются в 4 группы:

1) типы с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и рыболовства (типы «присваивающего хозяйства»);

2) мотыжно-земледельческие типы (типы ручного земледелия);

3) типы кочевого скотоводства;

4) типы плужного (пашенного) земледелия.

Такое перечисление отражает историческую последовательность типов от ранних к поздним. Объединение типов второй и третьей групп в одну (как это обычно делается) едва ли верно. Если руководствоваться только бесспорными данными, то возделывание растений и овладение навыками агротехники началось минимум на 2000 лет раньше, чем приручение первых животных продуктивной группы.[235]

ТИПЫ «ПРИСВАИВАЮЩЕГО ХОЗЯЙСТВА»

Древнейшая и простейшая форма человеческого жизнеобеспечения — это система собирания пищи на основе охоты на диких животных, рыболовства и сбора растительной пиши. При этой форме экономики численность человеческих коллективов прямо определяется доступными ресурсами среды обитания и их сезонными изменениями Как правило, это небольшие группы численностью от 30 до 100 человек, состоящие из нескольких родственных семей. «…Материальная культура ограничена самым необходимым минимумом, а собственность на предметы не имеет высокой ценности, так как это мешает передвижению в пространстве. Основные используемые орудия — это палка, дубинка, пика, лук и стрелы, рыболовные принадлежности, ловушки, огонь и ёмкости для хранения и транспортировки пищи. ... В соперничестве за ресурсы охотники-собиратели обычно уступают сложным обществам и поэтому они сохранились в современном мире только в тех регионах, которые не представляют приоритетного интереса для других. Это пустыни (бушмены, или сан Юго-Западной Африки), арктические пространства (инуиты Арктики), тропические леса (пигмеи Африки)».[236]

Выделяют 9 типов присваивающего хозяйства:

1. Тип собирателей и охотников лесов жаркого пояса — ведды Цейлона, ченчу, мудугары, бирхоры и другие небольшие народы Индии, мрабри (юбри) Таиланда, семанги и отчасти сенои Малакки, кубу Суматры, пунаны Калимантана, тоала Сулавеси, аэта Филиппинских островов, пигмеи бассейна Конго в Африке, сирионо, бороро, гуаяки и другие народы тропической и отчасти субтропической зоны южной Америки.

2. Тип береговых собирателей — население Андаманских островов, маукены (селуны) архипелага Мергуи, оранг-лауг Индонезии и Филиппин, отчасти рюкюсцы Южной Японии.

3. Тип охотников и собирателей степей и полупустынь — австралийцы, бушмены южной Африки, ботокуды Бразильского плоскогорья в Южной Америке.

---

[233] От греческих слов gerōn (gerontos) — старец, kratos — власть.

[234] См. в частности Приложение 1.

[235] Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984, с. 444.

[236] Тишков В. А. Единство и многообразие культур // Народы и религии мира. Энциклопедия. — М., 1998, с. 10.

4. Тип горных собирателей, охотников и рыболовов возвышенных районов Южной и Юго-Восточной Азии — до недавнего времени ну и отчасти дулун Юго-Западного Китая.

5. Тип береговых собирателей и рыболовов умеренно теплого пояса — сохранился в виде пережитков у айнов и частично у японцев. Некоторые аналоги есть у огнеземельцев южной Америки и народов других районов. Был характерен для многих «мезолитических» и «неолитических» групп населения приморской зоны средних широт.

6. Тип рыболовов больших рек и морских берегов более холодных районов умеренного пояса — до недавнего времени народы берегов Оби и Амура: некоторые группы хантов, манси, нивхи (гиляки), негидальцы, ульчи, нанайцы и др.

7. Тип охотников и рыболовов лесов умеренного пояса. До европейской колонизации к нему принадлежали народы лесной зоны современной Канады и севера США (алгонкинские, атапасские и др.). Почти до наших дней характерные особенности типа сохранялись у юкагиров Восточной Сибири, удэгейцев и орочей Приморья, отдельных групп кетов, манси и хантов, не имевших оленей.

8. Тип охотников лесотундры и тундры. Наиболее яркие представители — материковые эскимосы тундровой зоны Северной Америки. В Евразии до XIX в. тип встречался пережиточно у некоторых групп юкагиров, долган, нганасанов и саамов (лопарей).

9. Тип арктических охотников береговые чукчи и коряки в Сибири, эскимосы арктической зоны Северной Америки от Аляски до Гренландии.

МОТЫЖНО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ТИПЫ

Ручное, или мотыжное, земледелие было наиболее ранней формой доместикационной[237] технологии. От более развитых форм агрокультуры его отличает отсутствие тягловых животных, удобрения почвы, смены посевов и ирригации. «Главные орудия — это палка-копалка и мотыга. Крайне небольшое число одомашненных животных используется для пополнения диеты. ... Простейшие формы земледелия обеспечивают всё же более устойчивую экономическую основу и дают больше пищи, чем охота и собирательство. Это приводит к большей концентрации населения и увеличению размеров человеческих сообществ, что ведёт к развитию социальных и политических институтов, а также к расселению человеческих популяций по более обширным территориям»[238]

Основных типов мотыжного земледелия 4:

1. Тип мотыжных земледельцев жаркого пояса — некоторые небольшие народы Индии, Индокитая, Южного Китая, Индонезии, Филиппин, папуасы, меланезийцы, многочисленные народы тропической Африки, бассейнов Амазонки и Ориноко в Америке.

2. Тип мотыжных земледельцев горной зоны — многие народы группы «и» (лоло), часть тибетцев (в бассейне верхней Брахмапутры — Цангпо) и близкие к ним группы.

3. Тип мотыжных земледельцев степей и сухих предгорий. Предположительно является древнейшим среди всех типов второй группы. К нему относятся многие «неолитические» группы населения Азии и Европы (памятники таких культур, как Яншао и Луншань на севере Китая, Анау в Средней Азии, Триполье и близкие к нему культуры с крашеной керамикой на юго-востоке Европы). К этому типу относилось хозяйство древних государств Двуречья, Египта, Передней и Средней Азии, северо-западной Индии и Китая. В Америке вплоть до прихода европейцев на основе мотыжного земледелия развивались государства майя, науа, ацтеков, чибчамуисков и других народов.

4. Тип мотыжных земледельцев лесной зоны умеренного пояса. В лесных областях Европы известен с позднего «неолита». Вытеснен плужным земледелием. В Америке существовал у ирокезских, атапасских, алгонкинских и других народов, расселенных на территории современных США и Канады.

ТИПЫ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА

Скотоводство — другая и тоже очень древняя форма доместикации. Пастушество возникло в природных условиях, которые мало пригодны для агрокультуры. Обычно скотоводческие общества связывают с подвижным образом жизни, поскольку стада животных должны регулярно перемещаться в поиске корма и воды. Со скотоводством издавна связана мощнейшая военная организация древности и средневековья (скифы, монголы и т.д.). Её экспансия могла приводить к возникновению огромных по территории империй. Однако эти образования оказывались достаточно нестойкими во времени.

«Многие пастушеские народы не являются кочевыми и практикуют полукочевой, отгонный тип животноводческого хозяйствования. Стада перегоняются на сезонные пастбища в пределах занимаемых группой территории. ...

Полукочевые общества практикуют смешанную экономику и занимаются также огородничеством, охотой на мелких животных или собирательством, но эти занятия носят побочный характер. Содержание стад

[237] Доместикация — одомашнивание, от слова «domesticus» — домашний

[238] Тишков В. А. Единство и многообразие культур // Народы и религии мира. Энциклопедия. — М., 1998, с. 10-11.

требует использования больших участков земли, и у пастушеских народов существует ресурсосберегающая практика, позволяющая восстанавливать потребляемую животными растительность. ...

Существует несколько типов пастушеских экономик в зависимости от окружающей среды и типа животных. ... Верблюд является основой пастушеской экономики у народов Северной Африки и на Аравийском полуострове. Оленеводство распространено среди северных народов, особенно в Сибири и северной Скандинавии. Коневодство распространено в Центральной Азии, выращивание лам и альпака — в южноамериканских Андах».[239]

Насчитывают 4 типа кочевого скотоводства

1. Тип скотоводов-кочевников степей и полупустынь. Из древних народов к нему принадлежали в Европе скифы-кочевники и сарматы, в Азии — саки и массагеты, а также многочисленные тюркоязычные и монголоязычные народы, начиная с «хунну». Из современных народов в недалеком прошлом монголы, киргизы, казахи, каракалпаки, часть туркмен, различные тюркские, иранские, арабские народы Передней Азии и Северной Африки, некоторые народы Восточной и Южной Африки (зулусы, бечуаны, готтентоты, горные дамара и др.).

2. Тип высокогорных скотоводов-кочевников — население высокогорных плато северного и западного Тибета.

3. Тип таежных охотников-оленеводов. Самые характерные представители — эвенки, расселившиеся на огромном пространстве от Енисея до Охотского побережья. Кроме них — эвены (ламуты) и др.

4. Тип оленеводов тундры. Имеет две области распространения: на крайнем северо-востоке Сибири у чукчей и коряков и на северо-западе Сибири у ненцев и соседних с ними народов.

ТИПЫ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Можно выделить 3 типа пашенного земледелия:

1. Тип пашенных земледельцев засушливой зоны. По-видимому, древнейший из всех типов группы. Предполагается, что тягловую силу животных при пахоте начали применять в конце IV — начале III тыс. до н. э. в Двуречье и долине Нила. Наиболее вероятно, что тип распространялся в пределах засушливой зоны с запада на восток. В бассейне Хуанхэ достоверные сведения о применении плуга относятся к 1 тыс. до н. э. До недавнего времени тип был представлен у народов почти всего Средиземноморья (включая и южную Европу, и Северную Африку), Передней и Средней Азии, Северной Индии, Северного Китая и Кореи. Ныне характерен для Южной Африки и Центральной Америки.

2. Тип пашенных земледельцев влажных тропиков и субтропиков. Распространен в Южной и Юго-Восточной Азии. Первоначально ограничивался долинными областями (Центральный и Южный Индостан, Цейлон, Индокитай, юг Китая и Японии, западная Индонезия, приморские районы Филиппин).

3. Тип пашенных земледельцев лесостепей и лесов умеренного пояса. До механизации сельского хозяйства в конце XIX — начале XX в. к этому типу принадлежало большинство сельского населения умеренного пояса Европы, стран Азии и Северной Америки, колонизированных европейцами.

Выделенные «типы» 4-х групп не описывают всего разнообразия форм хозяйственной деятельности людей. В некоторых случаях приходится вводить такие понятия, как «локальные варианты типа» (для хозяйственно-культурных типов мотыжных земледельцев жаркого пояса, плужных земледельцев засушливой зоны) или «подтип» (например, подтип высокогорных пашенных земледельцев внутри хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев влажных тропиков и субтропиков).[240]

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ[241] ОБЩЕСТВА

«В промышленно развитых обществах достигнут уровень производящей деятельности, требующий относительно малых затрат человеческого труда. Используются сложные ирригационные системы, технологии предотвращения негативных воздействий климата, огромный набор минеральных и химических удобрений почвы. В индустриальных обществах производство пищи стало технологически дорогим, но настолько продуктивным, что, например, в США менее 3% населения занято в этой сфере деятельности. Индустриальные общества имеют высокий уровень коммуникативных связей, социально-культурных и политических взаимодействий, могут создавать обширные коалиции для ведения войн или их предотвращения. Культурное разнообразие во многих случаях переходит из сельской в городскую среду, где сосредоточено население разного расового и этнического происхождения, а также сконцентрированы музейные коллекции традиционной культуры».[242]

Использовать теорию хозяйственно-культурных типов для целей классификации народов, строго говоря, **нельзя**.

---

[239] Там же, с. 11.

[240] Характеристики всех перечисленных хозяйственно-культурных типов даны в работах Н. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой (1971, 1985).

[241] От латинского industria — деятельность, усердие; индустрия — то же, что промышленность

[242] Тишков В. А. Единство и многообразие культур // Народы и религии мира. Энциклопедия. — М., 1998, с. 11.

Очень многие народы состоят из групп, относящихся к разным хозяйственно-культурным типам. Хрестоматийный пример — чукчи и коряки крайнего северо-востока России. Каждый из этих народов делился на 2 группы: оседлую и оленную. Представители первой охотились гарпуном с лодок на морских животных (моржа, нерпу и др.), жили в глубоких землянках. Представители второй вели кочевой образ жизни. Ездили на нартах, запряженных оленями. Жилищем им служили переносные яранги. Существенно различались и другие разделы материальной культуры.

Нередко «хозяйственно-культурные типы» представляют собой не системы, а скорее подсистемы более сложных хозяйственных комплексов. У тех же чукчей и коряков оленные и оседлые группы были неразрывно связаны между собой натуральным обменом. Подобные же отношения устанавливались между кочевниками и оседлым населением оазисов степей и полупустынь.[243] Можно сказать, что большинство кочевых народов широко используют торговлю, чтобы пополнить свою диету продуктами, которые они сами не производят. Это ведёт к формированию сложных и устойчивых систем взаимодействия и рыночных отношений с соседними народами, что создаёт взаимодополняющие экономики.[244]

Индустриальные общества (а это тоже народы) значительно меньше зависимы от среды, чем все их предшественники. Производственная деятельность человека в индустриальных обществах является реализацией научно обоснованных технологий, а материальная культура в значительной мере унифицирована. Соответственно, классифицировать эти общества на принципах, заложенных в теорию хозяйственно-культурных типов, вообще невозможно.

Глава 8. Основные конфессии

Вера в сверхъестественное — универсальная характеристика всех человеческих коллективов с древности и до сегодняшних дней.

«Религиозные системы находят своё отражение в особых институтах, которые позволяют избранным индивидам выполнять ритуальные действия в сакральных контекстах. Существует **четыре** типа религиозной организации: *индивидуалистские* культы, *шаманские* культы, *общинные* культы и *церковные* культы. Первый предполагает ситуацию, когда индивид выступает как религиозный специалист, ищущий прямой контакт с духами в зависимости от личного опыта и психических потребностей. Такие личностные представления о духе распространены среди многих североамериканских индейцев. Шаманизм представляет собою древнюю и повсеместно распространённую практику, при которой члены общества общаются с потусторонним миром через личность шамана, который наделён особой силой и который с помощью психотропных средств или других процедур способен переживать состояние экстаза. Собирательный термин «шаман» заимствован из эвенкийского языка, но само явление обнаруживается у многих народов мира. В отличие от священников, шаманы чаще всего самолично ощущают и определяют свою «богоизбранность» и осуществляют своё влияние через личные способности и создание своей клиентуры.

Если шаман действует в качестве медиума (посредника) и контролирует события, находясь в общении с духами, священнослужители не вступают в прямой контакт с духами и действуют не по зову, а согласно календарным правилам. Священник — это привилегированный держатель сакрального знания, но он только посредник между людьми и духовными силами. Его поведение носит регулируемый и предсказуемый характер. Занимая свою должность, он не нуждается в постоянном утверждении собственного статуса, как это приходится делать шаману. В коммунальных (общинных) культах группы обычных людей отправляют ритуалы и церемонии для всей общины или её части (например, возрастной, половой или родственной). В этих церемониях могут использоваться специалисты, но главная ответственность остаётся за простыми людьми, которые по этому случаю берут на себя сакральные роли и исполняют сакральные действия. Церковные культы действуют на основе профессионального священнослужения, которое формально избирается или назначается и посвящает всё или большую часть своего времени исполнению специальных религиозных обязанностей. Церковные культы существуют в обществах, где проходит чёткая грань между светской публикой и священниками. Прихожане участвуют в ритуалах главным образом как публика, а не организаторы и исполнители религиозных действий. ...».

«Во многих государствах некоторые религии обладают официальным статусом и выполняют не только регулирующую поведение граждан функцию, но могут служить как средство поддержания экономического и политического устройства. По этой же причине в государственных образованиях может наблюдаться высокая степень религиозной гетерогенности: низшие социальные слои могут иметь верования и практики, отличающиеся от высших слоев, которые более привержены государственным религиозным догматам. В контексте имперских политических систем, когда государственная религия навязывается завоёванным народам, последние стремятся сохранить собственные системы верований и в то же время вынуждены интегрировать в них новые верования и практики. Этот процесс культурного изменения, называемый *синкре-*

[243] Алексеев В. П. Становление человечества. — М., 1984, с. 351.
[244] Тишков В. А. Единство и многообразие культур // Народы и религии мира. Энциклопедия. — М., 1998, с. 11.

тизмом, ведёт к созданию нового религиозного синтеза, при котором различные космологии вступают во взаимодействия и в конечном итоге обретают собственный рациональный характер». [245]

Верования народов мира *условно* объединяют в 3 группы:

1. «местные традиционные верования» («племенные верования», «племенные культы», «традиционные верования» и другие названия);
2. «национальные религии»;
3. «мировые религии».

Основная разграничительная линия проходит между религиями дописьменных обществ и «мировыми» религиями. Однако даже это деление носит условный характер, ибо тотемизм, мифология, колдовство, ритуал и символизм есть составляющие любого религиозного феномена.

МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ

По очень приблизительным оценкам охватывают в современном мире порядка 100 млн. чел., в том числе примерно 80 млн. чел. в Африке, южнее Сахары. Другие области распространения: Австралия, Папуа — Новая Гвинея, Соломоновы острова, Вануату, труднодоступные районы Юго-Восточной Азии, южной Америки.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЛИГИИ

1) ***Иудаизм***. Формировался во 2 — 1 тыс. до н. э. (наиболее вероятно — с XIII в. до н. э.). Последователи — в основном евреи, расселенные в мире чрезвычайно широко. Всего насчитывается 17 млн. приверженцев, более 50% из которых приходится на страны Америки. Если брать отдельные государства, то наиболее широко иудаизм распространен в Израиле и США. Иудаизма придерживается часть татов в Азербайджане и Дагестане, крымские и литовские караимы.

2) ***Зороастризм*** (VI в. до н. э.). В основном распространен среди потомков древних иранцев в Индии, Иране, Пакистане. В XI в. от зороастризма ответвился йезидизм, существующий ныне среди курдов, живущих в разных странах. Всего зороастрийцев около 250 тыс.

3) ***Джайнизм*** (VI в. до н. э.). Джайны проживают в основном в Индии (около 3 млн.).

4) ***Конфуцианство*** (VI в. до н. э.). Распространено в Китае, Корее, Вьетнаме, а также среди китайцев, проживающих в других странах. Насчитывается около 180 млн. приверженцев.

5) ***Даосизм*** (VI в. до н. э.) Китай, Вьетнам (около 30 млн. чел.).

6) ***Синтоизм*** — религия японцев. Время возникновения проблематично. В основе — культ одухотворения природы и культ предков. Вероятно влияние конфуцианства. Около 100 млн. приверженцев.

7) ***Индуизм*** — крупнейшая по численности последователей «немировая» религия. Индуизм формировался во второй половине 1 тыс. до н. э. — начале 1 тыс. н. э. Первооснова его — ведическая религия древних ариев, позднюю стадию развития которой называют «брахманизмом». Собственно индуизм представляет собой сочетание элементов брахманизма и буддизма. В индуизме существуют два основных течения: шиваизм и вишнуизм. Распространен индуизм главным образом в южной Азии. В Индии и Непале охватывает большинство населения, в Бутане — 1/4, Бангладеш — 1/7. Индуисты проживают также в Шри-Ланке, на острове Бали в Индонезии. Среди выходцев из Индии индуизм распространен в таких азиатских странах как Малайзия и Сингапур. Вне Азии приверженцы индуизма составляют 1/2 населения Маврикия, 2/5 населения Фиджи, 1/3 населения Гайаны.

8) ***Сикхизм*** (XV — XVI вв.). Приверженцы — панджабцы, сосредоточенные в основном в Индии. Проживают также в Юго-Восточной Азии, в Африке, на островах Фиджи, в Великобритании и др.

Численность сикхов оценивается в 14 — 15 млн.

МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ

1. Буддизм (VI в. до н. э.). В I в. до н. э. оформилось два основных направления:

1) *хинаяна*;

2) *махаяна*. Из махаяны в свою очередь выделились:

- — ваджраяна (тантраяна, мантраяна, сахаджаяна, буддийский тантризм), первые тексты которой известны в III в. ; часто *ваджраяна* рассматривается как третье основное направление буддизма, наряду с хинаяной и махаяной;
- — дзэн (чань) — с VI в. н. э.;
- — ламаизм (синтез махаяны, ваджраяны и добуддийских верований Тибета), формировался с VIII по XV вв.

Число буддистов в мире составляет порядка 274 млн. Буддизм распространен почти исключительно в странах Азии. В форме махаяны — Вьетнам, Китай, Корея, Япония, Монголия, в форме хинаяны — весь Индокитай, кроме Вьетнама, и Шри-Ланка.

---

[245] Там же, с. 13.

В России буддизм начал распространяться в XVII–XVIII вв. в Забайкалье в виде ламаизма. Сегодня приверженцами буддизма являются верующие тувинцы, калмыки, восточные буряты.

2. Христианство (вторая половина 1 в. н. э.). В V в. выделились:

1) *монофизитство*;

2) *несторианство*.

В 1054 г. произошло разделение (схизма) христианской церкви на:

3) восточно-кефалическую (*православие*), отдельные церкви которой с XIII в. все более обособлялись;

4) римско-католическую (*католицизм*) с жёсткой централизацией.

В XVI в. в результате Реформации от католицизма обособилось еще одно направление христианства:

5) *протестантизм*, также распавшийся на несколько течений:

а) англиканство (ближе всего к католицизму);

б) лютеранство;

в) кальвинизм:

— реформаторство;

— пресвитерианство;

— конгрегационализм.

Главные течения протестантства дали большое число дальнейших ответвлений. С кальвинизмом генетически связан баптизм, от которого отпочковались пятидесятники, адвентисты и другие секты и направления. Из англиканства вышел методизм, к которому примыкает «Армия спасения» и т. д.

Христиан в мире примерно 1,5 млрд. чел. Католики составляют 809, православные и близкие к ним по обрядности монофизиты и несториане 124, протестанты 426 млн. чел. Крупнейшие ответвления протестантства: лютеране — 100, пятидесятники — 51, англикане 51, баптисты — 48, реформаты с пресвитерианами 46, методисты 30 млн. Каждая из прочих групп верующих-протестантов не превышает по численности 10 млн. чел. (ресторационисты — 8, свидетели Иеговы — 5, адвентисты — 5, мормоны 4, «Армия спасения» — 4, конгрегационалисты — 3).

Не менее половины католиков сосредоточено на американском континенте. Центральная и Латинская Америка сплошь католические, не считая Суринама, где кроме того есть мусульмане и индуисты. В Канаде католиков 46, в США — 27% населения. В Европе католическими странами являются Бельгия, Люксембург, Франция, Испания, Португалия, Италия, Австрия, Ирландия, Мальта. К католикам также относятся большинство верующих Польши, Венгрии, Чехии и Словакии, Литвы, латгальцы Латвии. Примерно половину верующего населения составляют католики в Швейцарии, Нидерландах. Чуть меньше их в Германии. Католиками являются хорваты и словенцы. В Азии католицизм господствует только на Филиппинах. Крупные массивы католического населения имеются в странах Африки, в Австралии и на некоторых островах Океании.

Православие локализуется в Восточной и Юго-Восточной Европе: большая часть верующих румын, болгар, молдаван, украинцев, белорусов, греков, сербов, черногорцев, македонцев, аромунов. Азиатские страны с преобладанием православия — Кипр и Грузия.

В России православными являются подавляющее большинство верующих русских, карелов, вепсов, коми, удмуртов, марийцев, мордвы, чувашей, хакасов, шорцев, якутов.

Русь как государство была крещена Владимиром I в 988 г. Во второй половине XVII в. из русского православия выделилось старообрядчество. Старообрядцы, кроме русских, есть среди украинцев и белорусов. Старообрядцы делятся на поповцев (их большинство) и беспоповцев (поморцы, федоссевцы, спасовцы, филипповцы и др.).

Очень немногочисленны так называемые духовные христиане — течение, весьма сильно отдалившееся от старообрядчества и православия (секты хлыстов, духоборов, молокан, субботников).

На территории Украины существует небольшая группа униатов (греко-католиков) — последователей православной церкви, присоединившихся после Брестской унии 1596 г. к римско-католической церкви. Они признают главой церкви римского папу, но проводят богослужение на славянском языке и придерживаются обрядности православной церкви.

Оплотом протестантизма являются Северная и Центральная Европа. В форме лютеранства он господствует в скандинавских странах, в Финляндии, Эстонии, Латвии, в форме англиканства и отчасти методизма — в Англии, в форме пресвитерианства в Шотландии. Протестантизм исповедуют более половины верующих Германии (лютеране и кальвинисты-реформаты), около половины верующих Нидерландов и Швейцарии (реформаты). Из стран Америки больше всего протестантов в США — 64%. Самые крупные группы американских протестантов — баптисты, методисты, лютеране, пресвитериане, англикане, пятидесятники. В Канаде протестанты образуют около половины верующего населения. Протестантизм господствует во многих бывших английских колониях в Вест-Индии (на Ямайке, Барбадосе и др.).

В Африке протестантов особенно много в ЮАР: реформаты, методисты, лютеране, англикане и др., и в Нигерии — англикане, методисты и др. В Австралии и большинстве стран Океании протестантизм преобладает.

Среди небольшой группы русских и украинцев распространен сектантский протестантизм (баптизм, пятидесятничество, адвентизм седьмого дня и др.).

Монофизитства придерживается подавляющее большинство верующих армян, расселенных в разных странах. Эта конфессия является также основной в Эфиопии. К монофизитам относятся копты Египта, якобиты Сирии, Южной Индии и др.

Несторианство распространено среди ассирийцев (главным образом в Иране, Ираке и Сирии).

3. Ислам (мусульманство, магометанство). Возник в VII в. и сразу начал распадаться на отдельные религиозно-политические группировки. Они образовывались и в дальнейшем. Выделяются:

1) *хариджизм* (VII в.):

— ибадиты;
— азракиты;
— суфриты;

2) *шиизм*:

А) «крайние»:

а) собственно «крайние» (гулат);
б) нусайриты (алавиты) — X в.;
в) ахл-и хакк — с XIV в.;
г) исмаилиты:
— карматы (талимиты) конец IX в.;
— хакимиты (друзы) — начало XI в.;
— мусталиты — конец XI в.;
— низариты — конец XI в.;
— ассасины;

Б) «умеренные»:

а) зейдиты — первая половина VIII в.;
б) имамиты — IX в.

3) *суннизм* — течение, окончательно оформившееся в X — XI вв. Подразделяется на мазхабы фикха:[246]

— маликитский;
— ханафитский;
— ханбалитский;
— шафиитский.

Только ханбалиты до оформления в религиозно-правовую школу представляли религиозно-политическое движение.

Среди сект, выделившихся из суннизма, наиболее известны *ваххабиты* (середина XVIII в.).

4) *мутазилиты* (VIII в.) — первое крупное теологическое направление, из которого выросла «фалсафа» — философия мусульманского средневековья, ориентированная на античные образцы;

5) *мурджииты*.

Хариджиты и зейдиты имеют собственные системы фикха.

В мире 723 млн. мусульман. Преобладают сунниты. Шииты составляют 10% общей численности. Хариджиты малочисленны.

Ислам занимает положение господствующей религии в большинстве стран Юго-Западной Азии: Турции, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Йемене, Омане, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре, Бахрейне, Кувейте, Иране, Ираке, Афганистане. Мусульмане преобладают также в Индонезии, Брунее, Пакистане, Бангладеш и на Мальдивских островах. Много мусульман в Ливане и Малайзии. Последователи ислама имеются в Индии, на Кипре, в Шри-Ланке, Бирме, Таиланде, Сингапуре, на Филиппинах, в Китае. В Африке ислам исповедует подавляющее большинство населения Египта, Ливии, Алжира, Туниса, Марокко, Мавритании, Сомали, Джибути, Коморских островов, Западной Сахары, около половины населения республики Чад и Нигерии. Много мусульман в Гвинее-Бисау, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуар, Камеруне, Танзании, Эфиопии и др.

Приверженцы ислама в Европе — турки, албанцы, некоторые группы южных славян.

В большинстве стран ислам распространен в форме суннизма. Ваххабизм господствует в Саудовской Аравии. Он представлен также в арабских эмиратах Персидского залива, ряде других государств Азии и Африки. Шиизм резко преобладает только в Иране. В Ираке на Бахрейне и в Йемене шииты составляют свыше половины населения. В Йемене это преимущественно зейдиты. Немало шиитов проживает в Ливане. Хариджиты представлены ибадитами в Омане и некоторых районах Северной Африки.

---

[246] Мазхаб (араб. — путь следования) — учение, школа. Фикх (араб. — «глубокое понимание, знание» — система мусульманских представлений о праве, содержащая культовые предписания и регулирующая отношения государства и гражданина, отдельных лиц и мусульманских государств между собой и с другими конфессиями.

Мусульманами-суннитами являются большинство верующих татар, башкир, казахов, узбеков, каракалпаков, киргизов, таджиков, туркмен, уйгуров, дунган, кабардинцев, адыгейцев, черкесов, абазинов, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, народов Дагестана, часть верующих азербайджанцев, осетин, абхазов, цыган, талышей, курдов (в Армении), небольшая часть верующих грузин (аджарцы, ингилойцы, месхи, лазы). Подавляющая часть перечисленных суннитских групп принадлежит к ханафитскому мазхабу; аварцы, чеченцы, ингуши; часть курдов, осетин, талышей — к шафиитскому. Шиитского направления ислама придерживается основная масса верующих азербайджанцев и талышей, мусульмане-таты, верующие курды в Азербайджане и Туркмении, часть таджиков. Большинство верующих из числа памирских народов приверженцы шиитской секты исмаилитов. Среди закавказских курдов есть йезиды.

В истории народов религии могут выступать и как объединительный, и как разграничительный фактор. Очень часто используемый пример первого рода — моро, группа мусульманских народов на Филиппинах. Религиозные различия сыграли важную роль в национальном разграничении очень близких в языковом отношении групп — голландцев (преимущественно протестанты) и фламандцев (преимущественно католики); сербов (православные) и хорватов (католики). В некоторых мусульманских странах статистикой в число национальных меньшинств включаются общности, не исповедующие господствующую религию. Так, в Иране, наряду с армянами, евреями, ассирийцами, национальным меньшинством признаются гебры (персы-зороастрийцы). По конфессиональному признаку проводился раздел бывшей Британской Индии. Ту же основу имели столкновения в Ольстере.

Обусловленное религией государственное размежевание западных бенгальцев (индуистов) и восточных бенгальцев (мусульман) явилось стимулом для начала формирования двух самостоятельных наций — западнобенгальской и бангладешской. Постепенно обосабливаются панджабцы-мусульмане Пакистана от панджабцев-индуистов и панджабцев-сикхов Индии.

Многие секты и течения мировых религий приобретают со временем национальную окраску. Таковы армяно-григорианская церковь (Армения), экзархистская церковь (Болгария).

Но, как правило, в современном мире большинство более или менее крупных народов поликонфессиональны, и национальное самосознание над конфессиональным превалирует. Если с определенной долей условности можно говорить о мусульманских, христианских, буддийских народах, то на более низком таксономическом уровне эта однородность исчезает.

В мире периодически возникают новые религиозные доктрины, в виде сект или ответвлений уже существующих религий или совершенно новых вероучений. Часть из них возникают и исчезают не оставив заметного следа, другие, напротив, находят себе всё новых приверженцев и постепенно добиваются признания. Так, в 40-х гг. XIX в. в Иране в недрах шиизма зародился *бахаизм*, синтезировавший догматы многих религий (зороастризма, буддизма, кришнаизма, конфуцианства, даосизма). К настоящему времени в мире насчитывается более 6 млн. бахаитов, имеющих свои общины (по несколько десятков тысяч человек) почти во всех странах мира. Самая крупная община бахаитов (по некоторым оценкам до полутора миллионов человек) находится в Индии, а штаб квартира — в Хайфе (Израиль).

Для этнографии с ее предметом и задачами, религия — один из центральных компонентов духовной культуры, оказывающая немалое влияние на все иные сферы культуры и быта. Целый ряд обычаев и норм, принятых у разных народов, имеют в своей основе религиозные воззрения. Конфессии сыграли огромную роль в истории, их учет необходим и для понимания многих событий современной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. — М., 1979.
Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. — М., 1990. — 256 с.
Александров В. А. Путь в историю, пути в истории. (Моя жизнь). — М., 1998.
Алексеев В. П. Становление человечества. — М., 1984.
Американский этнографический сборник. — Труды института этнографии. Новая серия. Т. 58. — М., 1960.
Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. — М., 1985.
Арутюнов С. А. Народы и культуры. — М., 1989.
Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. — М., 1968.
Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Пер. с англ. — М., 1987.
Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М., 1983.
Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М., 1973.
Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Создано человечеством. — М., 1984.
Брук С. И. Население мира: этнодемографический справочник. — М., 1986.
Буддизм. Словарь. — М., 1992.
Бусыгин Е. П. История географии. — Казань, 1998. — 213 с.
Валишевский К. Первые Романовы. — М., 1911. — 476, III.

Васильев В. П. Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм. — СПб., 1873.
Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. — М., 1970.
Веселкин Е. А. Кризис британской социальной антропологии. — М., 1977.
Воробьёв Н. И. Казанские татары. Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. — Казань, 1953. — 381 с.
Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, предметы, события, символы. Опыт энциклопедического словаря. — М., 1996.
Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991.
Гиренко Н. М. Социология племени. — М., 1991.
Грецкий М. Н. Французский структурализм. — М., 1973.
Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989.
Гусева Н. Р. Индия: общество и традиции. — М., 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «У политической карты мира», № 6).
Дао и даосизм в Китае. — М., 1982.
Даосизм. Опыт историко-религиеведческого описания. — СПб., 1993.
Диего де Ланда. Сообщения о делах в Юкатане. — М.; Л., 1955.
Дюркгейм Э. Метод социологии. — Киев, 1899.
Дэвидсон Б. Новое открытие древней Африки. — М., 1962.
Дэвидсон Б. Чёрная мать. Африка: годы испытания. — М., 1964.
Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. — М., 1975.
Зороастрийские тексты. — М., 1997.
Исаев М. И. Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР). — М., 1970.
Ислам. Словарь атеиста. — М., 1988.
Ислам. Энциклопедический словарь. — М., 1991.
Исследования по общей этнографии. — М., 1979.
Историческая этнография татарского народа. — Казань, 1990. — 134 с.
История и психология. — М., 1971.
История религий Востока. — М., 1983.
Исхаков Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. — Казань, 1993.
Итс Р. Ф. Введение в этнографию. — Л., 1991.
Казьмина О. Е., Пучков П. И. Основы этнодемографии. — М., 1994.
Кирей Н. И. Народы Африки. — Краснодар, 1973.
Козлов В. И. Этническая экология. — М., 1994.
Козлова К. И. Программа дисциплины «Основы этнографии. М., 1988.
Кондратьев А. М. Земля людей — земля языков. М. 1974.
Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. — М., 1982.
Концепции зарубежной этнологии. — М., 1976.
Костомаров В. Г. Русский язык среди других языков мира. — М., 1975.
Крюков М. В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом общества. — М., 1982, С. 147-163.
Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. — М., 1988.
Куббель Л. Е. Страна золота. — М., 1990.
Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. — Уфа, 1978. — 264 с.
Лаврецкий И. Р. Боги в тропиках. — М., 1967.
Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. — Л., 1985.
Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — М., 1930.
Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М.,1983.
Леви-Стросс К. Структура мифов // Вопросы философии. — 1970, № 7.
Леви-Стросс К. Колдун и его магия // Природа. — 1974. — № 7-8.
Лейбин В. М. Психоанализ и философия неофрейдизма. — М., 1977.
Леонтьев А. А. Путешествие по карте языков мира. — М., 1990.
Леонтьев А. А. Что такое язык. — М., 1976.
Львова Э. С. Этнография Африки. — М., 1984.
Малявин В. В. Конфуций. — М., 1992.
Марков Г. Е. Народы Индонезии. — М.. 1963.
Марков Г. Е. Кочевники Азии. — М., 1976.
Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры. — М., 1979.
Мид М. Культура и мир детства. — М., 1988. — 429 с.
Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. — М., 1918. — Часть 1. — 327 с.
Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. — СПб., 1903. — Часть 3.
Мифологический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1991. — 736 с.
Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1, 2. — М., 1980–1982.
Народы Австралии и Океании. — М., 1956. — 851 с.
Народы Восточной Азии. — М.; Л., 1965.
Народы и религии мира. Энциклопедия. — М., 1998. — 928 с.
Народы мира: историко-этнографический справочник. — М., 1988.
Народы России. Энциклопедия. — М., 1994.
Национализм и формирование наций. Теории, модели, концепции. — М., 1994.
Океанийский этнографический сборник. — Труды института этнографии. Новая Серия. Т. 38. — М., 1957.
Осипова Ж. В. Социология Эмиля Дюркгейма. — М., 1977.
Основы этнографии / Под ред. С. А. Токарева. — М., 1968.
От Аляски до Огненной Земли. — М., 1967.
Откупщиков Ю. В. К истокам слова. — М., 1986.

Очерки общей этнографии. — М., 1957.
Панов Ж. Н. Знаки, символы, языки. — М., 1983.
Першиц А. И., Семёнов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. — Т. 1–2. — М., 1994.
Потестарность: генезис и эволюция. — СПб., 1997.
Православная церковь, католицизм, протестантизм, современные ереси и секты России. — СПб., 1994.
Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов. — Труды института этнографии. Новая Серия. Т. 80. — М.; Л., 1962.
Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. — М.; Л., 1947.
Райт Г. Свидетель колдовства. — М., 1971.
Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. — СПб.; М, 1998.
Религиозные организации России (Справочник). — М., 1994.
Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. — М., 1955.
Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. — М., 1988.
Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. — М., 1966.
Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974.
Семёнов Ю. И. Экономическая этнология. — Ч. 1–3. — М., 1993.
Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции. — СПб., 1996.
Соколов Э. В. Культура и личность. — Л., 1970.
Становление классов и государств. — М., 1976.
Стингл М. По незнакомой Микронезии. — М., 1978.
Стингл М. Последний рай. — М., 1978.
Стингл М. Тайны индейских пирамид. — М., 1982.
Стингл М. Очарованные Гавайи. — М., 1983.
Стингл М. Поклоняющиеся звёздам: по следам исчезнувших перуанских государств. — М., 1983.
Стингл М. Индейцы без томагавков. — М., 1984.
Стингл М. Государство инков. — М., 1986.
Стингл М. Приключения в Океании. — М., 1989.
Тайлор Э. Б. Первобытная культура. — М., 1989.
Татары Среднего Поволжья и Приуралья. — М., 1967.
Тишков В. А. О новых подходах к теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. — 1989. — № 5.
Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. — М., 1997.
Токарев С. А. Истоки этнографической науки. — М., 1978.
Токарев С. А. История зарубежной этнографии. — М., 1978.
Токарев С. А. История русской этнографии. — М., 1966.
Токарев С. А. Религия в истории народов мира. — М., 1976.
Токарев С. А. Этнография народов СССР. — М., 1958.
Традиционные и синкретические религии Африки. — М., 1986.
Тэрнер В. Символ и ритуал. — М., 1983.
Фостер У. Очерк политической истории Америки. — М., 1955.
Фрэзер Д. Золотая ветвь. — М., 1980.
Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1978.
Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. — Казань, 1989;.
Христианство. Энциклопедический словарь. — М., 1993-95. — Т. 1-3.
Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. — М., 1985.
Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. — М., 1964.
Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. — М., 1989.
Шнирельман В. А. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом общества. — М., 1982. — С. 207-253.
Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. — М., 1980.
Шпажников Г. А. Религии стран Западной Азии. — М., 1976.
Шпажников Г. А. Религии стран Юго-Восточной Азии. — М., 1980.
Шпажников Г. А. Религии стран Африки. — М., 1981.
Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. — Л., 1936.
Элькин А. Коренное население Австралии. — М., 1962.
Этнические процессы в современном мире. — М., 1987.
Этнография за рубежом. — М., 1979.
Этнография: учебник / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. — М., 1982.
Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. — Казань, 1991. — 152 с.
Этнологические исследования за рубежом. — М., 1973.
Этнология. Учебник для высших учебных заведений. — М., 1994.
Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. — М., 1984.